

0575794

[Small blank rectangular label]

[Small white paper fragment]

[Small white paper fragment]

[Small white paper fragment]

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллч. пред. выдач _____

64/5
007

N 39

6/3

С Л О В О
О
ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЕМА,

ПИСАННАЯ

ВЪ НАЧАЛѢ XIII ВѢКА
НА СЛАВЕНСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПРОЗОЮ,

И

СЪ ОНОЙ ПРЕЛОЖЕННАЯ СТИХАМИ ДРЕВНѢЙШАГО РУС-
СКАГО РАЗМѢРА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ДРУГАГО БУВВАЛЬНАГО ПРЕЛОЖЕНІЯ, СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ
И КРИТИЧЕСКИМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ, КРИТИЧЕСКИМЪ ЖЕ
РАЗСУЖДЕНІЕМЪ И РОДОСЛОВНОЮ.

Изданіемъ Издашеля.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

*Изъ Собраніи Св. Синода
Людямъ: умиленным*

*2/6/1852
изъ Собраніи Св. Синода
Людямъ: умиленным
27. май 23/1852
Въ 1875*

Печашашъ позволяешя се шѣмъ, чтобы по напеча-
таніи, до выпуска изъ Типографіи, предшавлены были
въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента
Министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра
для Императорской публичной Библиотеки, и одинъ для
Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1822 года,
Сентября 21 дня. Книгу сію разсматривалъ Ординар-
ный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ,

Михаилъ Каченовскій.

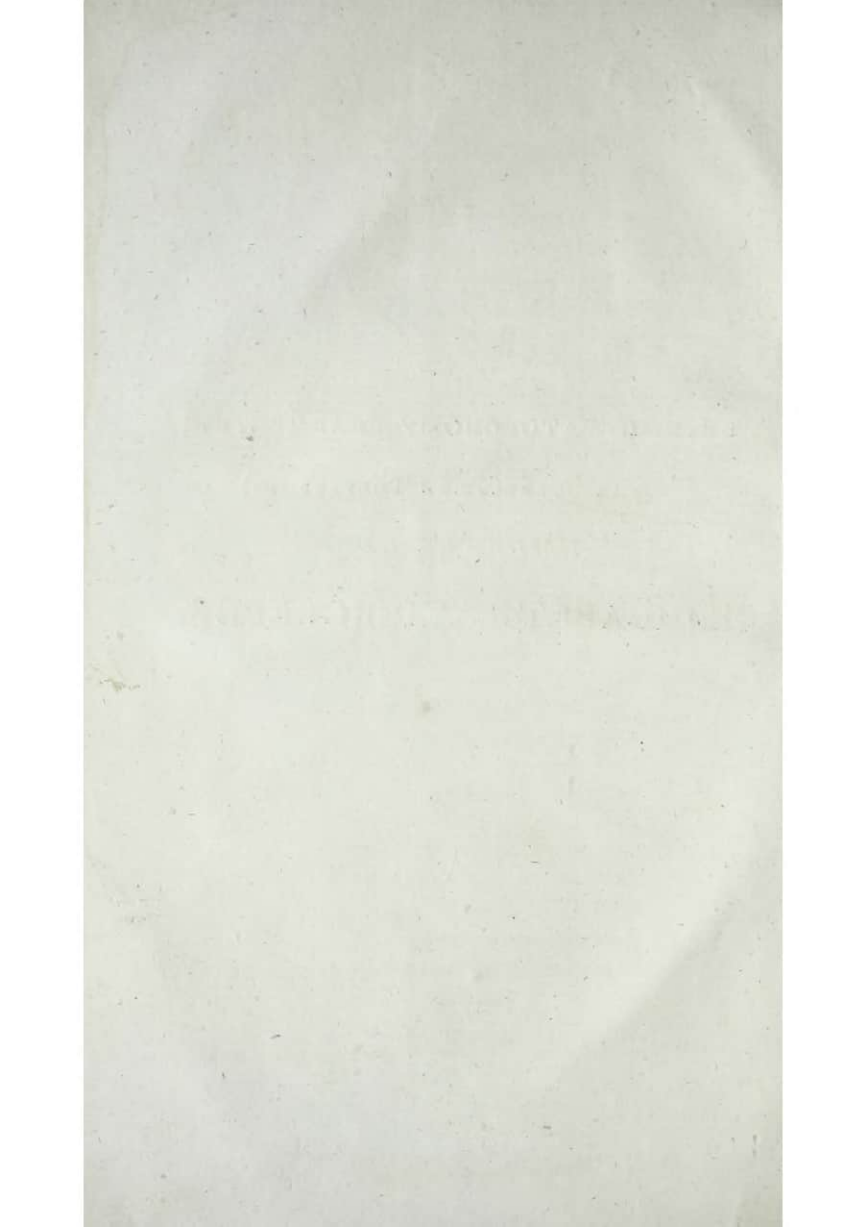

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

Всемиловѣйшей Государынь,

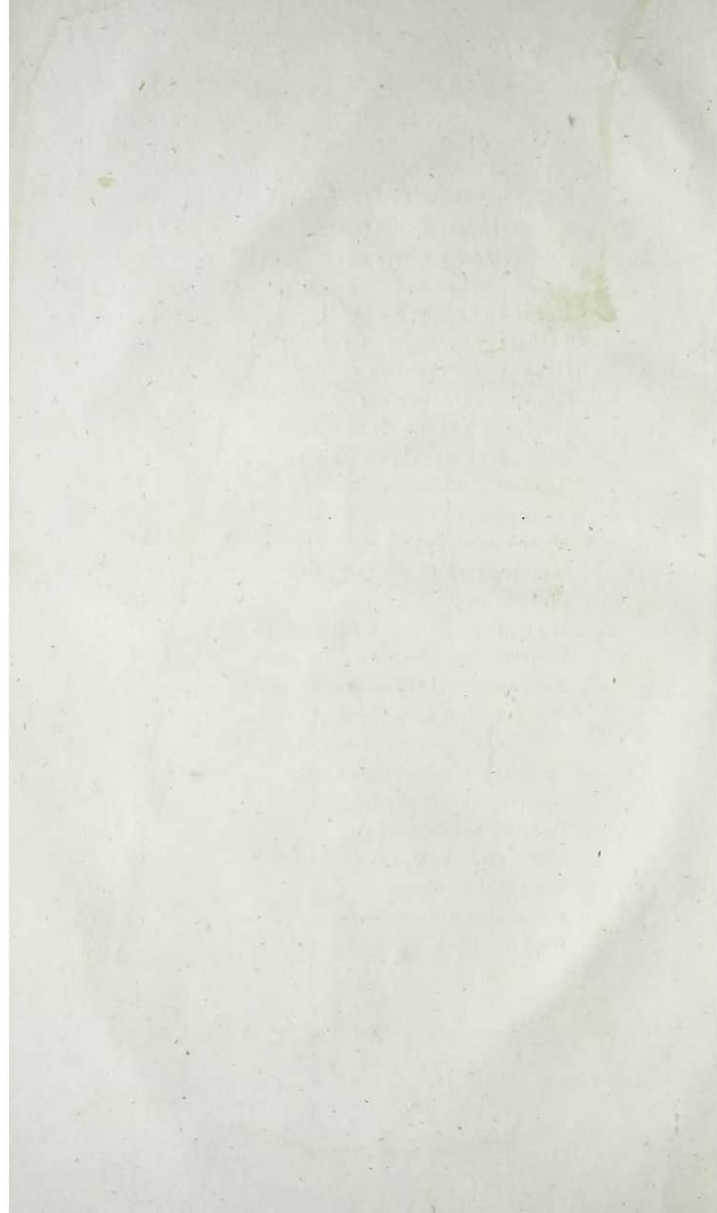
ИМПЕРАТРИЦЪ

ЕЛИСАВЕТЪ АЛЕКСѢЕВНЪ.

Прекрасныхъ и вѣжныхъ женъ
Хвала, образецъ и честь,
ЦАРИЦА, сіяюща
Небесною крошосью,
Влекуща сердца къ себѣ!
ТЫ любишь языкъ Славянъ,
Плѣняешься звуками
Его сладкогласными;
Къ гласу склони Свой слухъ
Злашихъ струнъ, но ржавою
Извѣденныхъ древностью.
Та ржавчина счищена,
И золошо яркое,
Какъ солнце въ дни жаріе,
Сілашъ, горитъ красой,
И струны, въ кошорыхъ жизнь,
Какъ древле Бояновы,
Рокочущъ: „ТОБОЙ лишь онъ
И звученъ, и сладосшенъ!“
Такъ, струны, въ кошорыхъ жизнь,
Въ душахъ ошзовешесь вы
Грядущаго племени,
Рекушъ восхощенные:
„Къ нему слухъ склоняла Свой
ЦАРИЦА, сіявшая
Небесною крошосью,
Сердца всѣхъ привлекала.“

Николай Граматинъ

Милостивый государь мой Николай Федорович!

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢВНА, удостоивъ всемилостивѣйшаго принятія переложенное вами бѣлыми стихами Слово о полку Игоревомъ съ историческими и крипическими примѣчаніями, въ награду трудовъ вашихъ соизволила пожаловать вамъ бриліантовый перстень, повелѣвъ мнѣ препроводить оный къ вашему высокоблагородію и цѣломудрости васъ, милостивый государь мой, о всемилостивѣйшемъ ЕЯ согласіи на желаніе ваше посвятить высокогашему имени ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сіе сочиненіе.

Извѣщеніемъ о семъ и приложеніемъ упомятаго дара исполняя волю ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, имѣю честь быть съ истиннымъ погтеніемъ.

Милостивый государь мой,

вашъ покорный слуга,

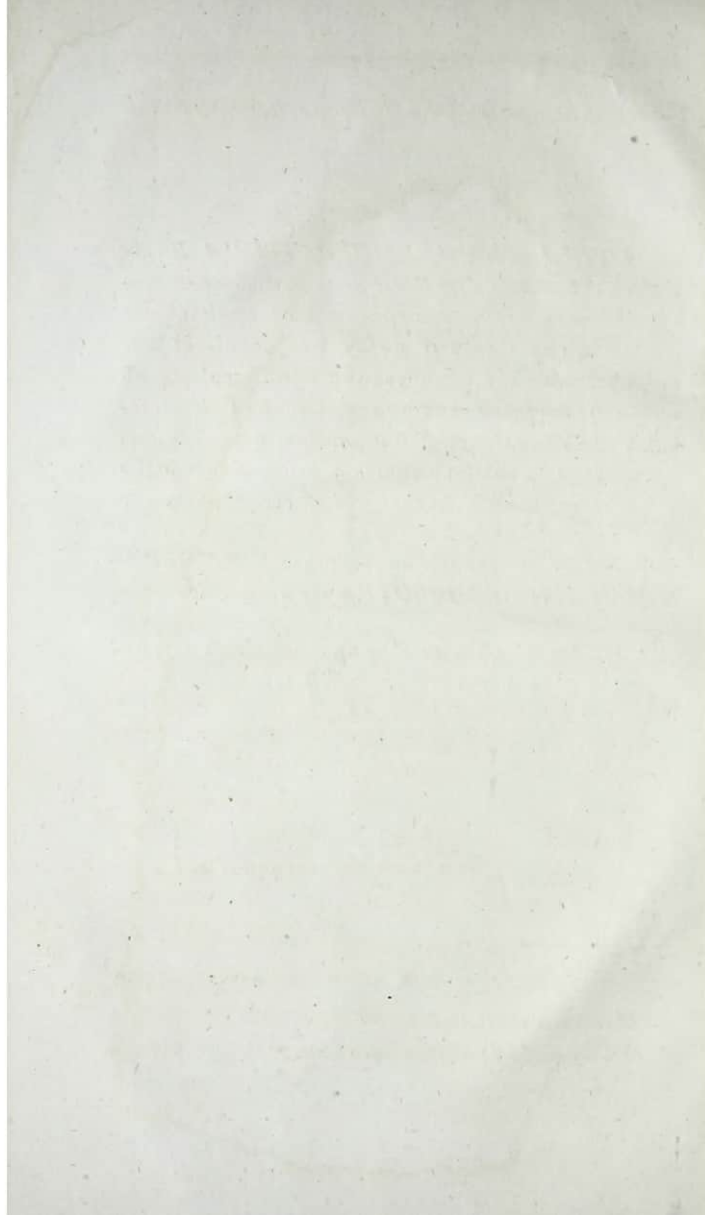
№ 261.

Царское село.

Н. Лонгиновъ.

12 Августа 1821.

Его Высокоб. Граматинц.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Слово о полку Игоревомъ издано въ первой разѣ въ 1800 году; Графъ Мусинъ-Пушкинъ нашелъ его при одномъ Хронографѣ, писанномъ въ лиспѣ (должно думать на бумагѣ) почеркомъ *весьма древнимъ*¹. Подлинникъ уже не существуетъ; онъ погибъ съ драгоценною библіотекою Графа Мусина-Пушкина въ достопамятной 1812 годѣ. Для любопытныхъ прилагается здѣсь оглавление сочиненій, бывшихъ вписанныхъ въ одну книгу съ симъ хронографомъ подъ N 325; оно взято изъ перваго изданія Слова о полку Игоревомъ:

- 1) *Книга, глаголемая гранаграфъ (хронографъ), рекше, начало писменомъ Царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра отъ книгъ Моисеевыхъ, и отъ Иисуса Навина, и отъ Судей Іудѣйскихъ, и отъ тетьрехъ царствъ; такъ же и о Ассирійскихъ*

Царехъ, и отъ Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благодетельныхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.

- 2) *Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Рускихъ Князей и земля Рускыя.*
- 3) *Сказаніе о Индіи богатой.*
- 4) *Синагрипъ, Царь Адоровъ, Иналивскія страны (изъ сего сочиненія небольшое извлеченіе напечатано въ Испоріи государства Росс. Кар. Т. III. пр. 272).*
- 5) *Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова.*
- 6) *Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ теловѣкъ о брѣзости, и о силѣ, и о храбрости (изъ сего сочиненія небольшое извлеченіе напечатано памѣ же).*
- 7) *Сказаніе о Филипѣ, и о Максимѣ, и о храбрости ихъ.*
- 8) *Аще думно естъ слышати о свадьбѣ Девгебѣ и о вѣсхыщеніи Стратигови.*

Мы имѣемъ при перевода Слова о полку Игоревомъ въ прозѣ, и сполько же въ стихахъ; въ прозѣ переводили первые издатели: Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, Н. Н. Бан-

пыщб-Каменскій и А. О. Малиновскій (вмб-спб), А. С. Шишковъ ² и Г. Пожарскій (оба послбдніе сб крипическими примбчаніями). Сверхъ того Н. М. Карамзинъ, говоря въ своей исторіи о Слово о полку Игоревомъ мбсшами перевелъ оное (Т. III, стр. 215 и слбд.). Всб они (рбчь о переводившихъ все слово) различно понимали своего авшора, хопя сей не сполько теменб, чшобб всякой могб понимать его посвоему. Для сей причины, шакже и для шой, чшо Слово о полку Игоревомъ писано Славенскимъ языкомъ ³ сб смбсью спариннаго Русскаго, копорыхъ самая большая часть чшашелей не въ со-спояннн понимать, рбшилса я, сверхъ перевода спихами, приложисъ другой прозою, и слово въ слово (развб когда не позволялб сего новой Русской языкб, или слова опб древноспи имбли другое значеніе) шакб, чшобб оной могб замбнитб подлинникб, опб котораго ошдбляла бы его одна граммашика. Въ спихи перекладывали Г. Палицынб, Язвицкій и Левинскій; я имбю одного послбд-няго. Для образца приведу нбсколько спиховб, предосшавляя чшашелямб не ошвискивашъ, а угадывашъ ешо мбсто въ подлинникб.

Они (*воины Игоревы*) дремлющѣ—и имѣ грезилъся,
 Чшо бѣгущѣ Князя Полоцкіе,
 Поспѣшающѣ къ Дону синему.
 Но не всякой сонѣ сбывается
 Въ шужѣ минушу, какѣ онѣ видилъся.

Прозг. пѣснь Ив. Левит. спр. 8.

Вотѣ еще одно мѣсто, любопытное
 по своему содержанію:

Сердце ихѣ (*Литовцовѣ*) естѣ сердце львиное,
 Грудь ихѣ—грудь естѣ леопардова,
 Кровь людей—имѣ нектарѣ сладоспный,
 Трупы—снѣдѣ для нихѣ пріятная.

(Спр. 27.)

Слѣдственнo Литовцы въ XII столѣтїи
 были еще людоеды, и пили кровь чело-
 вѣческую, какѣ Самоеды оленью.

Первые издатели сѣ дипломатическою
 точноснїю напечатали всѣ ошибки ⁴ (а ихѣ
 весьма довольно), и безѣ всякаго право-
 писанїя. Шлецерѣ показалѣ ешму примѣрѣ,
 издавѣ такимѣ образомѣ въ 1767 году пер-
 вую часть *Руской лѣтописи по Никонову*
списку (но Шлецеру простиительно; онѣ
 былѣ иностранецѣ). Не говоря о томѣ, что
 сей способѣ избавляетѣ издателей отѣ
 малѣйшей думы и спавилѣ ихѣ на ряду сѣ

проспими перепищиками, я замѣчу только: годится ли такая книга, хотя бы самая вѣрная копія, для общаго употребленія? одно неправосписаніе совершенно препяшпвуеѣтъ разумѣнію. Я приведу два примѣра: 1) *подобію вѣлци грозу вѣ срожатѣ* (такѣ напечатано вѣ первомѣ изданіи) *по яругамѣ*; Г. Шишковѣ такѣ предлагаетѣ сіе: „равнымѣ образомѣ и волки, собравшіеся во оврагахѣ, пѣмѣ же самымѣ угрожаютѣ имѣ;“ ясно, что онѣ онѣ сходспва звуковѣ *вѣсрожатѣ* приняѣлъ за *угрожатѣ*. Г. Пожарскій шолкуеѣтъ, что *sgozyc* (выгов. *срочитѣ*) на Польскомѣ языкѣ значитѣ: дѣлаѣтъ суровымѣ, жестокимѣ; ясно, что онѣ такѣже онѣ сходспва звуковѣ полагаѣлъ, что Русское *вѣсрочатѣ* и Польское *срочитѣ* (сіе очевидно происходиѣтъ онѣ *строгий*) еспѣ одно и шоже; но они оба ошиблись: *вѣс*, или *вос*, еспѣ предлогѣ *возѣ*, а *рожатѣ*, или (какѣ и нынѣ употребително вѣ просторѣчій) *рожаютѣ* еспѣ глаг. *родятѣ* или *раждаютѣ*, которой вѣ старину такѣ спрягался: *рожу*, *рожишѣ*, *рожитѣ*, *рожимѣ*, *рожите*, *рожатѣ*. Русскіе Славяне не шерпѣли *д* послѣ *ж*, на пр. *нужа*, *вожѣ*, *межу*, *прежній*, и проч. Г. Шишковѣ крипиковалѣ первыхѣ издашелей, что они

перевели: „волки по оврагамъ выпьемъ своимъ страхъ наводящъ;“ но они, знаяши, или по смыслу, перевели правильно, прибавя только для большей ясности: выпьемъ своимъ. Теперь, когда два критика-переводчика ошиблись въ значеніи гл. *въсбръжати*; что жъ обыкновенной чашапель, особливо когда бы ему сей глаголъ встрѣтился написаннымъ двумя, или тремя образами, кои всѣ неправильны, чему есть довольно примѣровъ въ Словѣ о полку Игоревомъ. 2) *тогда по Русьской земли рѣдко ратаеве кикаху...* (*) *зегзицею незнаемърано кытеть...* первые издатели перевели: „въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалось... Она (Ярославна), какъ оставленная горлица, по ушрамъ воркуетъ,“... Ясно, что даны по догадкѣ (и отъ того неправильно) оба значенія гл. *кикати*, или по древнему произношенію *кыкати*, которой есть одинъ и тотъ же, испорченной изъ гл. *кликати*. И такъ первой шагъ къ выразительнѣю Слова о полку Игоревомъ есть однообразное правописаніе, разумѣется не новое, а древнее, коего образцы находящіяся въ раз-

(*) Здѣсь и во всѣхъ другихъ мѣстахъ почти оставлены самимъ Издашелемъ.

ныхъ произведеніяхъ XI и XII вѣка, и опчашпи въ самомъ Словѣ о полку Игоревомъ.

Но кромѣ правописанія, въ семъ изданіи исправлены и граммапическія ошибки автора; что также необходимо для ясности (на пр. у него не согласены роды и числа, а безъ епото можешъ ли бышь какая ясность?). Особливо ошибался онъ въ употребленіи двойственнаго числа, котораго въ Русскомъ языкѣ нѣтъ, а онъ часто на сей сбивается, какъ на живое нарѣчіе. Что подходитъ подъ правила старинной Русской граммапики, то оставлено безъ всякой перемѣны; на пр. сія позволяла выускашь предлоги (примѣры сего находяпся и въ лѣтописяхъ), и сіе ни мало не препятспвовало смыслу: *помяше бо реть пѣрвыхъ временъ усобицъ*; вмѣсто *о усобицѣ*. . . . *хошу бо коніе приломити конецъ поля Половетьскаго*; вмѣсто *о конецъ* или *по конецъ*. . . *спали Князю умѣ похоти*; вмѣсто *вѣ умѣ*, или *на умѣ*. . . *крытатъ телегы полунощи*; вмѣсто *вѣ полунощи*. . . *погасоша ветеру зари*; вмѣсто *вѣ ветеру*. . . *а поганіи сами побѣдами нарищуще на Русьскую землю*; вмѣсто *вѣ побѣдами*. . . *изрони злато слово*

*слезами смѣшено; вмѣсто съ слезами. . .
 тому, господине, насильно вѣши? вмѣсто
 къ тому. . .* Даже глаголы представляющѣ
 примѣры подобнаго выпущенія: *спали, слы-
 ти; вмѣсто вспали, восхити, и проч.*

Всѣ ошибки автора, или его переписчиковъ, или наконецъ издашелей (кромѣ одна-
 коужь касающихся до правописанія, кои
 безъ нужды увеличили бы число) приложены
 на концѣ особо.

С. Гуленево.

КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ
О
СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

Among the monuments remaining of the ancient state of nations, few are more valuable than their poems or songs . . . Irregular and unpolished we may expect the productions of uncultivated ages to be; but abounding at the same time with that vehemence and fire, which are the soul of the poetry.

Blair, in his critical dissertation on the poems of Ossian.

Между оставшимися памятниками древняго состоянія народовъ, немногіе драгоценнѣе ихъ поемъ или пѣсень . . . Подобныя въ грубости вѣку, ихъ произведшему, въ то же время изобилуютъ онѣ шю пылкостью и шѣмъ огнемъ воображенія, кои составляютъ душу поэзіи.

*Блеръ, въ критическомъ своемъ разсужденіи о поемахъ
Оссіана.*

КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

О

СЛОВЪ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

Достоинство Слова о полку Игоревомъ въ ученѣмъ свѣдѣнъ признано; несмотря на грубость языка, впрочемъ гармоничнаго, въ немъ есть красота, самыя блестящія и долговѣчныя, а именно: красота мыслей. Сии переживающъ народы, переходящъ изъ языка въ языкъ, и разцвѣтающъ вновь, возрождаясь, шакъ сказашъ, изъ мертваго слога. Какъ для образца, время пощадило сей единственный памятникъ поэзіи нашихъ дѣдовъ; шѣмъ болѣе достоинъ онъ нашего вниманія.

Не ставя пѣвца Игорева на ряду съ Гомеромъ и Оссіаномъ, двумя величайшими Епическими пѣснопѣвцами, каковыхъ когда либо произвела природа, а не ученіе, замѣшимъ сходство его съ ними, особливо съ послѣднимъ (въ пѣвцѣ Игоря кажешся еще менѣе искусства, нежели въ пѣвцѣ Фингала), хотя разстоянія между Греческимъ около 2100, ⁵ а между Каледонскимъ и Славенскимъ Бардомъ около 900 лѣтъ ⁶. Всѣ шрое жили въ вѣкахъ просныхъ, грубыхъ, но неразвращенныхъ (въ семъ отношеніи пѣвецъ Игоря

имѣетъ болѣе сходства съ пѣвцомъ Иліады; въѣвъ, въ кошоромъ онъ жилъ, представлялъ ему обширнѣйшее, нежели самому Гомеру, поле для наблюдений. Одна Христіанская Религія дѣлаетъ перевѣсъ; ибо доставляетъ людямъ вообще болѣе здравыхъ понятий о вещахъ), и всѣ шрое живописали природу, какъ она представлялась ихъ взору, ни мало не украшая. Сіе шо живое и вѣрное изображеніе природы, кошорая, во всякомъ вѣкѣ и во всякой странѣ, представляетъ зрѣлище любопытное для человека размышляющаго, дѣлаетъ неподражаемыми Гомера, Оссіана и пѣвца Игорева, и шворенія ихъ драгоценными для самаго ошдаленнаго попомшва. Единшвенный способъ подражать имъ былъ бы живописатьъ окружающую насъ природу; но ешо гораздо шруднѣе, нежели давать волю воображенію, холодному ли, разгоряченному ли, и шворишь собшвенный, часто уродливый міръ. Гомеръ и Оссіанъ въ самыхъ вымыслахъ списывали природу:

О вы, кошорые въ вѣкахъ хошите жить,
 Природу въ образецъ, писатели, берите!
 Природы ничево не можешъ краше быть;
 Безъ лесши, безъ прирасъ, какъ ешь она, пишите.

Мы не должны забыватьъ, что всѣ науки и искусства суть подражаніе природѣ; слѣдшвенно совершеннѣйшее было бы ближайшее къ оной (съ сей почки зрѣнія должно смолрѣшь на эпическихъ шворцевъ при разсмашриваніи ихъ поемъ). Посему Виргилій будешъ ниже

Гомера, что въ немъ много искусства, но мало природы. Посему Аріостъ не можетъ причисленъ быть къ эпическимъ писателямъ, что въ немъ нѣтъ никакого единства, сего великаго правила, соблюденнаго природою во всѣхъ ея твореніяхъ; не говорю о томъ, что онъ далъ полную волю своему равному своему воображенію, хотя богашому и цѣлующему. Посему Мильтонъ заслужилъ названіе Англинскаго Гомера, что шайншвенное паденіе перваго человека воспѣлъ согласно съ Библіею, копорая была для него второю природою; но гдѣ вымышлялъ, или шворилъ, тамъ чудесное его, также какъ у Тасса, уродливо, у Камоенса же совсѣмъ нѣтъ (исключая одушевленія мыса Добрая Надежды). Сіе показываешь, какъ опасно даешь волю воображенію и въ самыхъ вымыслахъ не брашь образцемъ природы, когда при величайшіе (изъ новыхъ) эпическіе писатели впали въ такую грубую ошибку.

Но прежде, нежели приступимъ къ подробному разсмотрѣнію Слова о полку Игоревомъ, скажемъ о состояніи поэзіи въ древней Руси; *но гдѣ для сего матеріалы?* въ Словѣ же о полку Игоревомъ. Нѣтъ нужды, что ихъ не много; воспользуемся немногими.

Въ самомъ началѣ поэмы авторъ упоминаетъ о древнѣйшемъ его писателѣ, *Болянѣ*; епо есть божество, его вдыхающее. Какъ Гомеръ къ Музѣ, или Оссіанъ къ Мальвинѣ, такъ пѣвецъ

Игоря взываешь къ Бояну. Изъ послѣдствія ясно видно, что Боянъ сей былъ современникъ знаменишаго Всеслава Полоцкаго; слѣдственно жилъ въ одномъ вѣкѣ съ лѣтописцемъ Неспоромъ, ш. е. въ XI. О произведеніяхъ Бояна мы можемъ имѣть понятіе по Слову о полку Игоревомъ, а не по мнимому его гимну (см. пр. 166). Нѣтъ сомнѣнія, что Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу Игоря, когда сей описывается объ немъ съ такимъ же воспоргомъ, какъ Гораций о Пиндарѣ: *Боянъ же, братіе, не то соколовъ на стадо лебедей пущаше; нъ своя вѣщія пѣрсты на живыя струны вѣсѣкладаше; они же сами княземъ славу рокоташу.... О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пѣлки ццекоталъ, скагя, славію, по мыслену древу, летая цумомъ подъ облакы...* Далѣе временъ Бояна мы не должны проширяться, шеряясь въ пущыхъ догадкахъ или умствованіяхъ; ибо сіи обыкновенно ни къ чему не ведутъ, когда основаны не на Испоріи.

Изъ сего можемъ съ вѣротностію заключить, что Муза Поезій въ древней Руси родилась въ одно время съ Музою Испоріи, ш. е. вскорѣ по введеніи Христіанской Религіи, и находилась въ самомъ младенчествѣ; ибо должно признаваться: Слово о полку Игоревомъ, при всѣхъ его красошахъ, естъ дѣтское лепепанье несроднымъ ей языкомъ, грубою прозою. Здѣсь замѣшимъ важныя преимущесшва Гомера и Оссіана передъ пѣвцомъ Игоря: 1) *преимущество языка*; не говорю о Греческомъ, какъ самомъ

музыкальномъ въ свѣтѣ и способнѣйшемъ для Поезій, Гальской долженъ бытъ также языкъ гармоничной, приспособленной къ музыкѣ, и обработанной Бардами въ продолженіе не одного столѣтія. Оссіанъ описываетъ себя живущимъ въ вѣкѣ, похожемъ на классической, просвѣщеннымъ случаями прошедшаго, о которомъ память сохранялась въ пѣсняхъ Бардовъ; онъ указываетъ на періодъ мрака и невѣжества, до котораго не достигало преданіе: *его слова, говоришь онъ, въ половину только достигали до слуха нашего; они были темны, какъ повѣсти другихъ временъ, доколь не возсіялъ свѣтъ пѣснопѣнія* ? (Blair, in his critic. dissert. on the poems of Ossian, p. 128; шѣмъ достойнѣе порицанія Макферсонъ, что не выдалъ въ свѣтѣ Гальскаго подлинника; онъ возвелъ бы его на степень древнихъ, классическихъ языковъ). Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкъ полуобразованномъ, опчаси мертвомъ, и потому не могъ не сбиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварское: онъ ешого вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь Славенскаго съ Русскимъ, копорою писано Слово о полку Игоревомъ. 2) *преимущество гудснаго*; во время пѣвца Иліады вѣрили чудесамъ Миѳологіи, и онъ прекрасно воспользовался ею, засшавивъ дѣйствовать обиташелей Олимпа. Во время пѣвца Фингалова вѣрили бышю душѣ умершихъ; но почипали ихъ безсильными вмѣшиваясь въ дѣянія людскія, и поемы его полны явленій духовъ, копорые однакожъ принимающъ бесполезное участіе

въ судьбѣ любезныхъ имъ людей. Пѣвцу Игоря оспались въ наслѣдство почти одни имена Славенскихъ, языческихъ боговъ: *Даждь Божа, Стри Божа, Велеса*, и пр. Онъ не пренебрегъ и сего бѣднаго имущества, но заславивъ ихъ дѣйствовать вопреки общему повѣрью онъ не могъ; *ему бы никто не повѣрилъ*. Чудеса Христіанской религіи онъ почиталъ слишкомъ святыми, чтобъ сдѣлать изъ нихъ какое либо употребленіе, и кажется поскупилъ хорошо.

De la foi d'un chretien les mysteres terribles
D'ornemens egayés ne sont point susceptibles.

Что Слово о полку Игоревомъ писано прозою, сіе не помѣшало бы назвать его Епическою поемою; стихи съ рифмами, или безъ рифмъ, суть одна форма поэзіи; а душа ея, или сущность, мысли, выраженные языкомъ фигуръ; но слѣдуя общему употребленію, я назову его не епическою, а *историческою* ⁸ поемою. Сія послѣдняя опличается отъ первой только тѣмъ, что въ ней дѣйствующихъ одни герои, или простые смертные, а не существа сверхъестественныя, каковы суть мифологическіе боги, и даже истинный Богъ, благодѣтельные и злые духи, гении, волшебники, исполины, чудовища, и пр. Чѣмъ больше исторической пѣснопѣвецъ придерживается истины, тѣмъ лучше; но я не думаю, чтобъ ему ни въ какомъ случаѣ не позволено было опшупить отъ оной. Въ драмѣ подражаніе природѣ гораздо разительнѣе, и Расинъ есть самой спро-

гой драматической пѣснопѣвецъ; однакожъ въ прагедіяхъ его есть *вымыслъ*. Кромѣ сего, правила исторической поемы суть шѣ же, что и предписанныя Аришпошелемъ для поемы эпической. Вошѣ главныя изъ нихъ: *дѣйствіе, на которомъ основана поема, должно быть единое, цѣлое и великое; оно должно быть вымышленное, то есть, несовсѣмъ историческое; должно оживлено быть характерами и нравами, и возвеличено чудеснымъ* (Blair, in his critic. Dissert. on the poems of Ossian, p. 152).

Всякой согласится, что въ Словѣ о полку Игоревомъ спрого сохранено нешолько *единство дѣйствія*, но времени и мѣста; авторъ воспѣваетъ походъ Игоря на Половцовъ (въ 1185 году): *не лѣно ли ны бѣше, братіе, нагати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣлку Игоревѣ?* воинство Игоревое разбишо, и самъ онъ взяшъ въ плѣнъ. Здѣсь авторъ могъ бы кончить свою поему; *дѣйствіе оной единое цѣлое и великое*, или героическое; но оно было бы слишкомъ крашко. Онъ продолжилъ его, онъ воспѣлъ и возвращеніе Игоря изъ плѣна; и сіе то называетъ онъ *оба полы сего времени*. Симв единство дѣйствія нешолько не разрушено; но еще сдѣлалось помяте: ибо предпринявшій походъ плѣнной Игорьъ возвратился въ отечество. Вразсужденіи единства времени замѣчу, что Игорьъ вышупилъ въ походъ въ Маіѣ мѣсяцѣ, и шѣмъ же лѣшомъ, или осенью ушолъ отъ Половцовъ; ибо лѣшняя сцена въ поемѣ не перемѣняется: Сѣвер-

ной Донецъ разстилаешъ Игорю зеленую праву на серебряныхъ берегахъ своихъ, одѣваешъ его теплыми шуманами подѣ сѣнію зеленою дровъ, и проч. Естли и здѣсь нужна власть Аристошеля, шо сей именно говоришъ, что *времени для эпического дѣйствія не полагается*; въ Иліадѣ продолжается оно только сорокъ семь дней, въ Енеидѣ слишкомъ годъ.

Здѣсь замѣшимъ великость дарованія пѣвца Игорева: нешолько разбихіе своего героя возвеличилъ онъ предѣ глазами современниковъ сравненіемъ съ сѣчами Траяна, войнами Ярослава и междуусобіями Олега: *то было въ ты рати и въ тыи пѣлкы, а сице и рати не слышано*; но самой побѣгъ его предсшавилъ въ видѣ благородномъ: *Игореву Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половгьской на землю Русьскую*. Послѣ шого, кшо дерзнешъ укорить его за сей поступокъ, почишаемой безчешнымъ, едва ли не во всякомъ вѣкѣ, шѣмъ паче, что Игорь осшавлялъ въ плѣну сына, браша и племянника, и подвергалъ ихъ жизнь явной опасности. Нашъ пѣснопѣвецъ не спалъ приводить шому историческую причину, что плѣннаго Игоря Половцы хотѣли убить (Карамз. Исш. III, пр. 73); симъ не спасъбы онъ чеши своего героя. Но когда на шо была уже воля Божія, шо чего опасаться вразсужденіи жизни любезныхъ намъ людей? Управляющее міромъ Провидѣніе печешся и обѣ нихъ. Впрочемъ ешо пакъ просто, еспешвенно, что для развязки поемы не упошреблено никакого

чуда; симъ только раскрытъ больше характеръ Игоря. Къ благоразумію, швердоспи и мужесшву присоединяешъ онъ упованіе на Бога; чего не доспаешъ къ совершенству прямаго героя? Самый Виргиліевъ Еней не благочесшивѣ Игоря.

Но ештли Игорьъ превосходитъ своихъ сподвижниковъ *мудростію* и *благогестіемъ*, по брашъ его Всеволодъ *храбростію*; а въ ешомъ качесшвѣ нелегко было превзойши: ибо погда всѣ безъ изключенія были храбры. Ешо наспоящій *бцй турѣ*; и попому епшешъ сей преимущесшвенно приданъ ему. Какими сильными черпами изображена храбрость сего Русскаго Ахилла: *ярѣ туре, Всеволоде! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломя мегги харалужными. Камо, турѣ, поскоглше, своимѣ златымѣ шеломамѣ посвѣгивая, тамо лежать поганья головы Половетьскыя, поскепаны саблями калеными шеломя Оварьскыя отъ тебе, ярѣ туре, Всеволоде! Кыя раны дороги, братіе, забывъ ти, и живота, и града Чрънигова, отня, злата стола, и своя милья хоти, красныя Глббовны (супруги своей) свыгая и обыгая? . . .*

Великій Князь Кіевскій, Свяшославъ III представленъ самымъ нѣжнымъ родсшвенникомъ. Услышавъ о нещасшїи Игоря и Всеволода, онъ проливаешъ горькія слезы, порицаешъ ихъ дерзкое, необдуманное предпріятіе и непреклонную, дикую храбрость; въ неушѣшномъ его сѣшованїи живо изображаешся и характеръ его: *тогда*

великій Святѣславъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: „о моя сыновя, Игорю и Всеволоде! рано еста нагала Половезьскую землю мези цѣлвити, а себѣ славы искати. Нѣ негестно одолѣста, негестно бо кровь поганую проліста; ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалцѣ скована, а въ бцести закалена. Се ли сѣтвориста моей сребренѣй сѣдинѣ?“ ...

Супруга Игорева, Евфросинія Ярославна, дочь Галицкаго Осмомысла, предспавлена образцомъ супружеской любви; чьи жалобы могутъ сравниться въ нѣжности съ слѣдующими: *полегю зегзицею по Донови, омогю бѣбрянѣ рукавѣ въ Каялѣ рѣцѣ, цтру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ ... О вѣтре, вѣтрило! тему, господине, насильно вѣши? тему мыгѣши хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крильцо на моя лады вои? мало ли ти бѣше горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣюги корабли на синѣ морѣ? тему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя? * ... О Днѣпре словутицю! ты пробилѣ еси каменныя горы сквозѣ землю Половезьскую, ты лелѣлѣ еси на себѣ Святѣславли насады до пѣлку Кобякова; вѣздлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхѣ не слала къ немцѣ слезѣ на море рано! ... Свѣтлое и тресвѣтлое солнце! всѣмѣ тепло и красно еси; тему, господине, простре горягую свою лугю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ луги сѣпряже, тугею имѣ туги затге (не говоря о красощѣ мыслей, какая гармонія въ слогѣ; какъ будто какимъ размѣромъ писано) ... Замѣ-*

шимъ, что Ярославна любилъ мужа больше, нежели сына; она ни слова не упоминаетъ о Владимірѣ, которой былъ также въ плѣну. Всѣ ея мысли усшремлены къ одному Игорю: какъ Русскія жены любили мужей своихъ, Любопышныя могутъ сравнить плачь Святослава и Ярославны съ плачемъ Купулина (см. поему *Фингалъ*, пѣснь IV), Мальвины и Оишоны (см. поемы сего же имени). Пѣвецъ Игоря не уступаетъ въ силѣ чувства пѣвцу Фингала.

Есть еще пятое дѣйствующее лице въ поемѣ (рѣчь о главныхъ лицахъ), и оно самъ авторъ (см. прим. 122); онъ взываетъ къ современнымъ Русскимъ Государямъ, онъ молитъ ихъ объ опущеніи за землю *Рцъскую*, за раны *Игоревы*, бѣ его *Святъславляга: великій Княже, Всеволоде!* не мыслию ти прелетѣти издалега отня, злата стола поблюсти; ты бо можещи *Волгу* веслы раскропити, а *Донъ* шелома выльяти . . . Ты, бѣи *Рюриге* и *Давиде*, не ваю ли злагеными шелома по крови плаваста? не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ? Вступита, господина, въ злата стремени за обиду сего времени, за землю *Рцъскую*, за раны *Игоревы*, бѣ его *Святъславляга!* . . . *Галигъскый Осмомысле, Ярославе!* высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подѣперѣ горы *Цгоръскыя* своими желѣзными пѣлкъы, заступивѣ *Королеви* путь, затвориѣ *Дцнаю* ворота, мега бремены трезѣ облакъы, суды радя до *Дцная*. Грозы твоя по землямъ текуть,

отѣтворяеши Кыеву врата, стрѣляеши съ отня, злата стола Салтани за землями; стрѣлай, господине, Контака, поганого Кощея за землю Русьскую, за раны Игоревы, бжего Святъславлига! . . . А ты, буй Романе и Мьстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло, высоко плаваеши на дѣло въ бжести, яко соколъ на вѣтрехъ шираяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у васъ желѣзныи панорзи подѣ шеломи Латинскыи; тѣми тресну земля и многы страны зинови. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сѣлицы свои повѣреоша, а главы своя поклониша подѣ тми леги харалужныи . . . Инѣварь, и Всеволодѣ, и вси три Мьстиславиги, нехуда гнѣзда шестокрыльци! не побѣдныи ли жребіи собѣ власти расѣхытисте? Кое ваши златыи шеломи, и сѣлицы Ляцьскыи, и щиты? Загородите полю ворота своими острыи стрѣлами за землю Русьскую, за раны Игоревы, бжего Святъславлига . . . Ешо каршинная галлерея, ешо рядѣ живыхъ порпшеповѣ; несмотря на бѣдкость времени, колоритѣ сохранилѣ всю свою свѣжеспь и блескѣ. Мы видимѣ предѣ собою древнихъ Русскихъ владѣшелей, храбрыхъ, гордыхъ, славолюбивыхъ; желѣзное Тапарское иго еще не смирило ихъ и не измѣнило суровыхъ черпѣ лица ихъ, но коимѣ бы можно признашѣ воиншвенныхъ Норманновѣ.

Со всѣмъ шѣмъ мы не знаемъ, кто шаковѣ пѣвецѣ Игоря; видно только, что онѣ былѣ современникѣ и пашрѣошѣ, что къ дарованію спи-

хотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его опечесства, познаніе, предпочтительнѣйшее всякой учености даже въ писателѣ. Онъ приобрѣлъ его опытомъ, и сужденіе его о вѣкопородныхъ государственныхъ вещахъ выше понятій своего вѣка. Съ достовѣрностію можно сказать, что онъ не былъ какой нибудь презрѣнной домохвѣдой, или неизвѣстной простолоудинѣ. Можетъ быть украшалъ его высокою санъ Боярства, и онъ бывалъ мирнымъ посломъ при Княжескихъ дворахъ, или почтенъ былъ званіемъ Гридина, и воздвигалъ копіе брани на защиту воюемаго Опечесства. Кто бъ онъ ни былъ, но во времена варварства онъ доспойнымъ образомъ увѣковѣчилъ своего героя, безъ того едва бы замѣтнаго въ однообразной полнѣ удѣльныхъ Князей.

Какъ въ дикости своей пѣвншельна природа,
 Подобно пѣсьи швоа, Россійскій Оссіанъ!
 Въ ней генія видна орлиная свобода,
 Орломъ ширяшься даръ шебѣ природой данъ.

Естьли въ пѣвцѣ Игоря изобрѣтеніе или чудесное? есть; но только нешакого рода, какое въ Гомерѣ, Оссіанѣ и новѣйшихъ Епическихъ стихотворцахъ; оно гораздо простѣе, вѣрояннѣе, и пошому, въ нашъ вѣкъ, едва ли не предпочтительнѣе. Вся природа являлась нашему пѣснопѣвцу одушевленною и шочно въ шаконѣ видѣ, какими глазами онъ на нее смотрѣлъ; ему казалось, что общее смятеніе природы во время солнечнаго затмѣнія, и самое затмѣніе

предзнаменовали разбитіе Игоря, что вся природа прошивъ его Героя: вѣшербъ крылами своими наносишъ спрѣлы на его воинство; солнце помишъ ихъ жаждою, засушаешъ ихъ луки, закрѣпляешъ колчаны. По разбитіи Русскихъ права отъ жалоспи и древа отъ печали къ землѣ преклонились; подъ кликомъ невѣрныхъ Сула не капишъ къ Переяславлю серебряныхъ спруй своихъ, и Двина болошомъ печешъ къ Полошску. Когда же Игорь возвратился изъ плѣна, то вся природа въ поржесствѣ отъ его возвращенія; обрадованный Сѣверный Донецъ сѣвшишъ привѣшпшовашъ съ свободою своего Героя, разстилаешъ въ срѣшеніе ему зеленые ковры на серебряныхъ берегахъ своихъ, одѣваешъ его шеплыми шуманами, въ видѣ гоголя и чайки шережешъ на водѣ, и въ видѣ черняди на вѣпрахъ. Казалось бы одушевленіе ошвлеченныхъ поняшій не сродно съ простопою поняшій вѣка шого; но пѣвецъ Игоря прекрасно одушевляетъ оныя. Слава звенишъ, Обида, въ образѣ *воинственной дѣвы*, шшулаешъ на землю Траянову, являешся въ *изумленныхъ* полкахъ попомства Славенскаго, превращаешся въ *таинственную лебедь*, грозно плещущую крылами на синемъ морѣ, у Дону великаго, и *крикомъ своимъ* будишъ шучныя Времена, копорыя спали, ш. е. наслаждались поксеми. Но дѣйствіе сихъ аллегорическихъ шуществъ ешъ блескъ молніи, и чипашель шощчасъ понимаешъ, что ешю проспяная, риторическая фигура. Но кромѣ чудеснаго въ слоги ешъ оное въ самомъ дѣйствіи; великій Князь Киев-

скій, Святославъ III видѣвшъ пророческой сонъ :
*въ Киевѣ на горахъ, си нога съ вѣтера, одѣваху
 ма гръною паполомою на кровати тисовѣ, грѣпа-
 ху ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сытаху
 ми тѣщици тѣлы поганыхъ тѣлковинъ великій
 жекръюев на лоно, и нѣгують ма. Уже дѣски
 безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрсьмѣ...*
 Сей вымыслъ показываеиъ искусство автора;
 вѣсть о разбиіи Русскихъ Святославу при-
 несъ нѣишо Бѣловлодъ Просовичъ (см. пр. 75);
 но такъ было бы слишкомъ просто, а сонъ го-
 раздо спихопворнѣе.

Здѣсь распроспранимся о качествахъ сло-
 га нашего автора; еще первые издатели замѣ-
 щили, что въ немъ видѣнъ духъ *Oссіана*; но въ
 чемъ еиошъ духъ или сходство не сказали. Бар-
 ды Каледонскій и Славенскій сходны между со-
 бою въ простотѣ, возвышенности, силѣ, крап-
 кости и живониси слога, ш. е. что оной чрез-
 вычайно обилеиъ смѣлыми и неискусственны-
 ми фигурами, опличительный признакъ перво-
 бышней поэзіи у всѣхъ народовъ, когда самая
 грубость и бѣдность языка сему способствую-
 юшъ. Тщешно новѣйшая поэзія, со всѣмъ своимъ
 искусствомъ и правильностию, будетъ ста-
 раться приобрѣсть сіи качества; никогда не
 будущъ они ея удѣломъ. Представимъ въ при-
 мѣрѣ описаніе сраженія Русскихъ съ Половца-
 ми; авторъ являеиъ великимъ живописцемъ
 цѣлаго, а не частей. Онъ обозрѣваеиъ вдругъ
 всю каршину сраженія, а въ подробности не

входивъ: съ заранія до вѣтера, съ вѣтера до свѣта, летать стрѣлы каленыя, гремлють сабли о шелома, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемъ, среди земли Половѣгьскыя. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію поляна; тѣгою въздоша по Русьской земли. Что ми шумить? Что ми звенить давега рано предъ зорями? Игорь пѣлки заворогаеть; жаль бо ему мила брата Всеволода; бшася день, бшася друкый, третьего дня къ полуднію падоша стязи Игоревы. Тѣ ся брата разлугиста на брезѣ быстрой Каллы; тѣ кроваваго вина не доста; тѣ пирѣ доконгаша храбріи Русци, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русьскую.... Здѣсь мешафора взяша ошѣ пьянспва; казалось бы одна мысль должна возбудишь ошвращеніе; но Буало справедливо сказалъ:

Il n'est point de serpent ni de monstre odieux
Qui par l'art imité ne puisse plaire aux yeux.

Удѣлъ одного испиннаго дарованія; Авшорѣ прекрасно воспользовался своею мешафорою.

Описаніе солнечнаго зашмѣнія, во время котораго видны были звѣзды (см. пр. 23), пакже прекрасно. Смяшеніе всей природы изображено живо: Солнце ему (Игорю) тьмою путь заступаше; ночь, стонуци ему грозною, птиць цбуди; свистѣ звѣринѣ въ стазби; дивъ клигеть вѣрху древа.... вѣлци грозѣ вѣсѣрожатъ по ярѣгамъ, орли клетомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на грѣленія щиты... Несмотря на сей ужасѣ

природы, *Игорь къ Дону свои седеть*; вошъ мужество духа, неменше удивительное (особливо въ пошъ вѣкѣ) мужества шѣла,

Пѣвецъ Игоря сыплешъ щедрою рукою сравненія, или уподобленія; но они чрезвычайно крашки, просшы, и никогда не перерывающъ повѣствованія: а *Игорь Князь поскоги горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣржеся на бѣрзѣ комонь, и скоги съ него босымъ вѣлкомъ, и потеге къ луцѣ Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣлами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и цжинѣ. . .* Здѣсь пѣснопѣвецъ изъ каждаго движенія Игоря рисуетъ особую картину; передѣ глазами нашими Игорь побѣжалъ къ шросннику, какъ горноспай, *поплыль*, какъ гоголь, *попекѣ не оглядываясь*, какъ волкъ, и наконецъ, когда уже былъ далеко, *полетѣлъ плавно*, какъ соколъ, подѣ понгими, ушренними шуманами, избивая гуси и лебеди. Какое роскошное воображеніе! сколько картинъ надобно писать живописцу!

Замѣшимъ однакожъ, что опѣ излишней пылкости воображенія слогъ автора для непривыкшаго можешъ показаться иногда шемнымъ: *не буря соколѣ занесе трезѣ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому.* Здѣсь подѣ соколами разумѣюшся Русскіе, а подѣ галками Половцы; но Авторъ, увлеченный воображеніемъ, не пояснилъ метафоры. Такъ въ другомъ мѣстѣ: *другаго дни вельми рано*

красавья зори свѣтъ повѣдаютъ, грьныя тѣги съ моря идуть, хотять прикрыти зетыре солнца, а въ нихъ трепещуть синія мълнии, быти грому великому. . . . Здѣсь подѣ пучамъ разумѣюся Половцы, а подѣ чешырьмя солнцами предводительствующіе Князья: Игорь, Всеволодѣ, Владиміръ и Святославѣ; но вдругѣ можно сію мешафору приняшь въ собственномъ смыслѣ.

Въ Словѣ о полку Игоревомѣ встрѣчается еще родѣ сравненія, имѣющаго форму отрицанія, и особенно свойственнаго проспонародной Русской поезіи: *Боянѣ же, братіе, не десять соколовѣ на стадо лебедей пущаше; нѣ своя вѣщія пѣрсты на живыя струны вѣсѣкладаше.* Здѣсь пальцы, копорыхъ на обѣихъ рукахъ десять, сравнены съ десятию соколами, а спруны со спадомъ лебедей; сравненіе смѣлое и живописное.

Кромѣ сравненій есть множество прекрасныхъ мешафоровъ: *дремлетъ въ полѣ Ольгово хоброе гнѣздо, далече залетѣло; небылонѣ обидѣ порождено ни соколѣ, ни крегетѣ, ни тебѣ, грьный воронѣ, поганый Половгине!* (о нравахъ Половцовѣ см. Несш. библ. Рос. спр. 14; какѣ прилично поганый Половганинѣ названѣ здѣсь ворономѣ, хищнымѣ и нишающимъ всякою нечиспошою). . . . *Ингварѣ, и Всеволодѣ, и вси три Мьстислависи, нехуда гнѣзда шестокрильци!... камо, тѣрѣ, поскогаше, своимѣ златымѣ шеломамѣ посвѣтвая. . . . единѣ же изрони дѣшу изѣ*

храбра тѣла грезѣ злато ожереліе. . . . т. е. что Изяславъ испекѣ кровью, кошорая, отѣ подобія цѣвша, метафорически названа златымъ ожерельемъ; здѣсь вещи не сравниваются, а изображаются. Сія прекрасная фигура, т. е. метафора, дѣлаетѣ слогѣ чрезвычайно живописнымъ; воображеніе рисуешѣ вдругѣ двѣ картины порознь: одну, имѣющую прямой, или собственной смыслъ; другую непрямою, или метафорической. Есть также примѣры аллегоріи, или продолженной метафоры; такѣ описано цѣлое сраженіе Кіевскихъ Ярославичей съ Полошскимъ Всеславомъ: *на Немизѣ снопы стелють головами, мотыять тѣни харалужными, на тоцѣ животѣ кладуть, вѣють дущу отѣ тѣла. . . .* Аллегорія правильна и выдержана; читатель удобно соединяешѣ понятіе о мотыльбѣ хлѣба съ страшнымъ кровопролитіемъ. Разсказѣ Кіевскихъ Боярѣ о походѣ Игоря есть также аллегорической: *се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата поискати града Тьмѣтороканя, а любо испити шеломамѣ Доу. Уже соколома крыльца прилѣшали поганыхѣ саблями, а самую оцѣтоша въ пѣтины желѣзны. Темно бо бѣ въ третій день: два солнца померкоста (здѣсь метафора заимствована отѣ солнечнаго затмѣнія), обабагряная стѣльна погасоста (та же мысль, що есть, что Игорь и Всеволодѣ взяшы въ плѣнѣ; но только метафора повидимому заимствована отѣ сѣвернаго сіянія. Сіе показываешѣ богашство воображенія, кошорое, не довольно будучи одною картиною, рисуешѣ другую, хотя онѣ обѣ оз-*

начаютъ по же самое), и съ нима молодая мѣсяца, Владиміръ и Святѣславъ, тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ, на Каалѣ тѣма свѣтъ покрыла.

Слогъ автора изобилуетъ также гиперболами; но сія рѣзкая фигура такъ искусно употреблена, что почти нечувствительна: они же (спруны) сами Княземъ славу рокотаху... подъ трубами повити, подъ шеломи вѣзвѣлѣяни, конецъ коніа вѣсѣкѣрмленіи... орѣвмами, и японтицами, и кожухы нагаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ... ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломи выльяти... не ваю ли злагеными шеломи по крови плаваста? ... изъ Кыева дорискаше до куръ Тьматороканя... тому въ Полотскѣ повониша заутренюю рано у Святыхъ Софїи въ колоколы; а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша... Примѣры обращенія и одушевленія находятся выше, гдѣ я говорилъ о самомъ авторѣ и объ изобрѣщеніи, или чудесномъ.

Мы видѣли, какъ вѣрно списываетъ авторъ окружающую его природу; всѣ его фигуры заимствованы отъ оной. Такъ нѣжная душа поэта, подобно ясному лону воды, изображаетъ въ себѣ созерцаемая ею вещи.

Младенецъ щастливый уже любимецъ Феба;
Онъ съ жадностью взираетъ на свѣсъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣшы, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быспрыя и полный мрака лѣсъ.

Онъ къ лову машери, прикинуувъ, улыбался,
 Когда веселый Май цвѣтами убирался.
 И жавронокъ вился надъ зеленью полей;
 Злашая ль радуга, пророчица дождей,
 Весь сводъ лазоревый подернешь блистаньемъ?
 Ее привѣщивалъ невяшнымъ лепешаньемъ,
 Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
 Чшо видѣлъ въ юности, предъ хижинкой родной,
 Чшо видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра жишель,
 Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранишель,
 Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ попомешу передашь. . .

Батюшковъ.

Я заключу сіе разсужденіе слѣдующимъ
 сравненіемъ: Гомерова Илиада, или Оссіанова Те-
 мора есть правильный, обширный садъ, надъ
 украшеніемъ котораго искусство спрудилось не
 меньше природы; Слово о Полку Игоревомъ есть
 изящный ландшафтъ, поражающій прелестною
 своею дикостію, и подобный описанному Дер-
 жавинымъ въ его *водопадѣ*:

Подъ наклоненнымъ ведромъ внизъ,
 При страшной сей красѣ природы,
 На ушломъ пѣвѣ, кошорый свисъ
 Съ утеса горъ на яры воды.

Тутъ нѣтъ ничего правильнаго; но люби-
 тель сельской природы восхищися имъ, и ни-
 когда не наскучитъ созерцашъ дикія его красоты.

Скажемъ нѣсколько словъ о *механизмѣ сло-
 га*; періоды его краски, и заключающъ въ себѣ,
 неполюко сами, но часши ихъ, отдѣльный

смыслъ; отъ ешого происходитъ гармонія, похожая на нѣкопорый размѣръ. Въ епомѣ авшорѣ Слова о Полку Игоревомѣ сходствуетъ много съ ученымъ переводчикомъ Оссіана, Макферсономъ, котораго прозу знаменитый соотечественникъ его называетъ *мѣрною* (the measured prose), и говоритъ, что въ ней слышны разные роды звучныхъ кадансовъ, или размѣровъ (Blair, in his critic. dissert. on the poems of Ossian, p. 302); по же самое можно сказать и о прозѣ Слова о Полку Игоревомѣ.

С Л О В О
о
П О Л К У И Г О Р Е В О М Ъ .

С Л О В О

О

ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ,

СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

A tale of the times of old! the deeds of days of other years!

OSSIAN.

Не льно ли ны бѣше, братіе, нагати стары-
ми словесы ¹⁰ трудныхъ ¹¹ повѣстий о пѣлку
Игоревѣ, Игоря Святъславлигя? Нагати же са
тѣй пѣсни по былинамъ сего времени ¹², а не
по замышленію Бояню; Боянѣ бо вѣщій ¹³ аще
кому хотяше пѣснь творити, то расѣтекаше-
ся мыслию по древу, сѣрылѣ вѣлкомѣ по земли,
шизылѣ орломѣ подѣ облакы; помняше бо
регъ пѣрвыхъ временъ цубицѣ, тогда пуща-
ще 10 соколовъ на стадо лебедей. Который
дотегаше, та преди пѣснь поаше ¹⁴: старому
Ярославу, храброму Мъстиславу, иже зарѣза
Редедю ¹⁵ предѣ пѣлки Касожьскыи ¹⁶, крас-
ному Романови Святъславлигю. Боянѣ же, бра-
тіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаще;
нѣ своя вѣщія пѣрсты на живыя струны ¹⁷
вѣсѣкладаше, они же сами Княземъ славу
рокотаху ¹⁸.

С Л О В О

О

ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА.

Речь первыхъ временъ! былины дней другихъ лѣтъ!

О С С И А Н Ъ.

Не пристойно ли бы намъ было, брашья, воспѣвъ древнимъ языкомъ шрудную повѣсть о войскѣ Игоревомъ, Игоря Святославовича? Воспѣшой же бышь шой пѣснѣ по быямъ сего времени, а не по вымыслу Боянову; Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню шворить, то носилъ мыслью по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками; помнилъ онъ сказаніе давноинувшихъ временъ о войнѣ, и шогда пускалъ десять соколовъ на шпадо лебедей. Которой соколъ долеталъ, шу напередъ пѣсню онъ пѣлъ: древнему Ярославу, храброму Мстиславу, которой зарѣзалъ Редедю передъ полками Касожскими, прекрасному Роману Святославовичу. Боянъ же, брашья, не десять соколовъ на шпадо лебедей пускалъ; но свои хипрые першты на живыя спруны вскладывалъ, сїи же сами Князьямъ славу гласили.

Погнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ ста-
 раго Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже ис-
 тягну чумъ ¹⁹ крѣпостію своею, и поостри серд-
 ца своего мужествомъ; напѣлнися ратнаго
 дѹха, наведе своя храбрѹя пѣлкы ²⁰ на зем-
 лю Половецкѹю ²¹ за землю Рѹсьскѹю ²².
 Тогда Игорь вѣзрѣ на свѣтлое сѣлнце, и видѣ
 отъ него тѣмою вся своя вой прикрыты ²³, и
 рече Игорь къ дружинѣ ²⁴ своей: „братіе и дру-
 жино! лице жь бы потяту ²⁵ быти, неже поло-
 нену быти ²⁶; а всядемъ, братіе, на свои бѣрзѹи
 конони, да позримъ синего Дону!“ Спали Кня-
 зю чумъ похоти искѹсити Дону великаго, и
 жалость емѹ знаменіе заступы ²⁷. „Хошѹ бо,
 рече, коніе приломити конецъ поля Половецка-
 го съ вами Рѹсици! хошѹ главу свою приложи-
 ти, а любо испити шеломомъ Дону.“ О Бояне,
 соловію стараго времени! абы ты сія пѣлкы
 щекоталъ, сказа, славію, по мысленѹ древѹ,
 летая чумомъ подѣ облакы, свивая славы ²⁸ оба
 полья сего времени, рища вѣ тропѹ Троянкю ²⁹
 грезѣ поля на горы; пѣти было пѣснь Игореву,
 того Ольга вѹчѹ. Не буря соколы занесе
 грезѣ поля широкая, галици стады бѣжать къ
 Дону великому; ти ли вѣсвѣти было, вѣщій
 Бояне, Велесовъ ³⁰ вѹчѹ? Конони ржѹтъ за
 Сѹлою, звенитъ слава вѣ Киевѣ, трѹбы трѹ-
 бятъ вѣ Новѣградѣ, стоятъ стязи вѣ Пѹтив-
 лѣ ³¹; Игорь ждетъ мила брата, Всеволода ³².

Воспоемъ же, брашья, повѣсть ешу оиѣ дре-
 няго Владиміра до нынѣшняго Игоря, копорой
 усремилъ всѣ свои мысли на *подвигѣ сей*, и
 поострилъ сердце свое мужеспвомъ; наполнив-
 шись военного духа, навелъ *оиѣ* свои храбрые
 полки на землю Половецкую за землю Русскую.
 Тогда Игорь взглянулъ на свѣшное солнце, и
 увидѣлъ оиѣ него шьмой всѣхъ своихъ воиновъ
 покрышыхъ, и сказалъ Игорь дружинѣ своей:
 „брашья и дружина! лучше изрублену бышь,
 нежели полонену бышь; а сядемъ, брашья, на
 своихъ лихихъ коней, да посмошримъ синяго
 Дону!“ Вспало Князю на умъ желаніе ошвѣдашь
воды изъ Дону великаго, и *геройское* спремленіе
 зашупило ему знаменіе (зашавило пренебречь).
 „Хочу, сказалъ *оиѣ*, копье переломишь въ самыхъ
 дальнихъ степяхъ Половецкихъ съ вами Русскіе!
 хочу голову свою положить, либо испишь шле-
 момъ *воды изъ Дону*.“ О Боянѣ, соловей шараго
 времени! когдабы шы сіи полки воспѣлъ, скача,
 соловей, по мысленному дереву, лепая умомъ
 подѣ облаками, увивая славами (увѣковѣчивая)
 обѣ половины сего времени, рыца по дорогѣ
 Траяновой черезъ поля на горы; пѣшь было *тебѣ*
 пѣсню Игорю, шого Олега внуку. Не буря соко-
 ловѣ занесла черезъ степи широкія, галки спа-
 дами лешашъ въ Дону великому; развѣ *не* воспѣшь
 ли было (чшо! когда бы воспѣшь) *тебѣ*, мудрой
 Боянѣ, Велесовѣ внукѣ? Кони ржушъ за Сулой,
 звенишъ слава въ Кіевѣ, шрубы шрубашъ въ
 Новѣгородѣ (Сѣверскомѣ), вѣюшъ знамена въ
 Пушивалѣ; Игорь ждешъ милаго брата, Всеволода.

И рече ему буй турь³³, Всеволодъ: „одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Георгію! оба есма Святъславлигя; сѣдай, брате, свои бѣрзыи кони, а мои ти готови, осѣдани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети³⁴, подѣ трубами повити, подѣ шелома възвлелѣяни, конецъ копія въсѣвѣрмени; пути имѣ въдоми, яругы имѣ знаеми, лѣци у нихъ напряжени, тѣди отѣтворени, сабли изѣострени; сами скажутъ, акы сѣрыи вѣлци въ полѣ, ищѣти себѣ тѣи, а Князю славы³⁵.“ Тогда вѣступи Георгъ Князь въ златѣ стремень, и побѣха по тѣстому полю: свѣнце ему тѣмою путь заступаше; ночь, стонѣщи ему грозю, птицѣ убѣди; свистѣ звѣрии въ стази³⁶; дивѣ³⁷ клигетъ вѣрху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вѣлзѣ, и Поморію, и Посѣдію³⁸, и Сурожу³⁹, и Корсѣню⁴⁰, и тебѣ, Тѣмѣтороканьскій бѣланѣ⁴¹! А Половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому; крыгати телегы полѣноши, рѣи лебеди расѣпѣщени. Георгъ къ Дону вои ведетъ; уже бо бѣды его пасѣтъ птицѣ⁴², подобію вѣлци грозу вѣсѣрожатъ по яругамѣ, орли клетомѣ на кости звѣри зовѣтъ, лисици брешѣтъ на гѣрленія щиты. О Русьская земле! уже за шеломянемѣ⁴³ еси; дѣлго ноѣ мѣркнетъ⁴⁴, заря свѣтъ⁴⁵ запада, мѣла поля покрыла, щекотѣ славій цѣпе, говорѣ галитѣ убѣди⁴⁶. Русци великая поля гѣрлеными щиты прегородиша, ищѣти себѣ тѣи, а Князю славы.

Сѣ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя⁴⁷

И сказалъ ему сильной шурбъ, Всеволодъ: „одинъ у
 меня брашб, одинъ свѣшб свѣшлый, шы Игорь!
 оба мы Свяшославовичи; сѣдмай, брашб, своихъ
 лихихъ коней, а мои для шебя готовы, осѣдланы
 у Курска напереди. А мои Куряне искусные
 всадники, подѣ шрубами повисы, подѣ шлемами
 взлелѣяны, сѣ осшрїя копья вскормлены; дороги
 имѣ знаемы, луки у нихъ напшянушы, колчаны
 отощкнущы, сабли ошшущены; сами скачущъ,
 какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чешти,
 а Князю славы.“ Тогда всшущилъ Игорь Князь въ
 золошое шремя, и поѣхалъ по чшшшому полю:
 солнце ему шьмой дорогу засшщпало; ночь, спон
 щущая грозой ему, ишщщ разбудила; воюшб
 звѣри стадами; Филинъ кричшщ на вершинѣ
 дерева, велшщ послушашъ землѣ незнаемой,
 Волгѣ, и Поморью, и Посулью, и шебѣ, Тьму-
 шороканской болванѣ! А Половцы непроложен-
 ными дорогами побѣжали къ Дону великому;
 кричашб (скрышщщ) шелеги изъ въ полуночи,
 словно лебеди разлешщвшїеся. Игорь къ Дону
 воиновѣ ведшб; уже бѣды его пасущб ишщщ;
 волки ужасѣ раждающб *вѣтьелѣ* по оврагамѣ,
 орлы крикомѣ на шрупы звѣрей зовущб, лисицы
 лающб на багряные щшщы. О Русская земля!
 уже за вышшой шы (скрылась изъ виду); давно
 ночь шемѣшщб, свѣшлая заря пропала, шуманѣ
 поля покрывѣ, пѣнїе соловьиное заснуло, крикѣ
 галичей пробудился. Русскїе широкїя шпени
 перегородили багряными щшщами, ища себѣ
 чешти, а Князю славы.

Рано въ пшщщщу смшщ они нечшщщы полки

пѣлки Половецкыя ⁴⁸, и расѣсущаясь ⁴⁹ стрѣ-
лими по полю, помгаша красныя дѣвки Поло-
вецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и дра-
гыя оксамиты; орьтѣмами ⁵⁰, и японциами, и
кожухы нагаша мосты мостити по болотомѣ
и грязивымѣ мѣстомѣ, и всякыми цзорогъи По-
ловецкыми. Чьрленѣ стягѣ, бѣла хорюговѣ,
гьрлена голка ⁵¹, сребрено стрѣжіе ⁵² храброму
Святѣславлигю. Дремлетъ въ полѣ ⁵³ Ольгово,
хороброе гнѣздо ⁵⁴, далеге залетѣло; небылонѣ
обидѣ порождено ни соколу, ни крестцу, ни тебѣ,
гьрный воронѣ, поганый Половгине! Гзакѣ бѣ-
жить сѣрымѣ вѣлкомѣ; Конгакѣ ему слѣдѣ пра-
вить кѣ Дону великому.

Другаго дни вельми рано ⁵⁵ кровавыя зори
свѣтѣ повѣдають, гьрныя тѣги съ моря идуть,
хотять прикрыти 4 свѣнца; а въ низѣ тре-
пещуть синія мѣлніи. Быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ Дону великаго; тѣ
ся копіемѣ приламатѣ; тѣ ся саблямѣ потрѣ-
зати ⁵⁶ о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ, на
Каялѣ, у Дону великаго. О Русьская земле! ѣже
за ⁵⁷ шеломянемѣ еси; се вѣтри, Стрибожи ⁵⁸
внѣци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя
пѣлки Игоревы. Земля тѣтнеть ⁵⁹, рѣкы мѣт-
но текуть, пороси поля прикрывають, стязи
глаголють; Половци идуть отѣ Дона, и отѣ
моря, и отѣ всѣхѣ странѣ. Русьскыи пѣлки
отѣстѣпиша; дѣти бѣсови кликомѣ поля пре-
городиша, а храбрѣи Русѣици преградиша гьрле-
ными щиты ⁶⁰. Ярѣ тѣре, Всеволоде! стоиши

Половецкіе, и разсыпавшись спрѣлами по полю, помчали прекрасныхъ дѣвокъ Половецкихъ, а съ ними золото, и парчи, и дорогіе бархаты; оршмами, и епанчами, и шубами, и всякими нарядами Половецкими начали мосты мостить по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. Багряное древко, два знамя бѣлое и багряное же, серебряное всеоружіе *наградой* храброму Святославовичу. Дремлѣшь въ полѣ Олегово, храброе гнѣздо, далеко залетѣло; не родилось оно шерпѣшь обиды ни отъ сокола, ни отъ вичета, ни отъ тебя, черной воронѣ, нечистой Половчанинѣ! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ; Кончакъ за нимъ въ слѣдъ спѣшитъ къ Дону великому.

На другой день весьма рано кровавыя зари свѣтѣвъ возвѣщаютъ, черныя тучи сѣморя идутъ, хотятъ закрыть чешыре солнца; а въ нихъ извивающія синія молніи. Быть грому великому, ишии дождю спрѣлами съ Дону великаго; шумъ копьямъ ломаться; шумъ саблямъ погромѣшь о шлемы Половецкіе, на рѣкѣ, на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земля! уже за высотой ты; вотъ вѣтры, Сприбожевы внуки, вѣютъ съ моря спрѣлами на храбрые полки Игоревы. Земля звучитъ, рѣки мушно текутъ, пыль поля покрываетъ, знамена шумятъ; Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонъ. Русскіе полки ошступили; дѣши бѣсовы (Половцы) крикомъ поля перегородили, а храбрые Русскіе перегородили багряними щипами. Люпой шурѣ, Всеволодѣ! ты стоишь на оборонѣ, прыщешь на

на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши⁶¹ о шеломи мѣги харалужными⁶². Камо, тѣрѣ, поскогаше, своимѣ златымѣ шеломомѣ посавѣивал, тамо лежать поганья головы Половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломи Оварскыя⁶³ отѣ тебе, ярѣ тѣре, Всеволоде! Кья раны дороги, братіе, забывѣ тѣи, и живота, и града Чьрнигова, отня, злата стола, и своя милья хоти⁶⁴, красныя Глѣбовны свытая и обытая? Были сѣти Трояни, минули лѣта Ярославли, были пѣлци Ольговы, Ольга Святѣславлига⁶⁵; тѣй бо Олегѣ мѣгемѣ крамолю коваше, и стрѣлы по земли сѣяше, стѣпаеть вѣ златѣ стремень вѣ градѣ Тѣмѣтороканѣ. Тоже звонѣ слыша давный, великый Ярославѣ; а Владимірѣ, сынѣ Всеволожь⁶⁶, по вся цѣтра цѣши закладаше вѣ Чьрниговѣ⁶⁷. Бориса же Вячеславлига слава на сѣдѣ⁶⁸ приведе, и на конину, зеленѣ наполомѣ постла за обиду Ольговѣ, храбра и млада Князя. Сѣ тоя же Каяды Святопѣлкѣ по сѣтѣ я⁶⁹ отця своего между Цгорьскыми иноходѣци ко Святѣй Софіи, кѣ Киеву. Тогда при Ользѣ Гориславлиги⁷⁰ сѣяшеса и расташе цѣсобицами; погибаше жизнь Даждѣбожа внука⁷¹, вѣ княжихѣ крамолахѣ вѣци теловѣкомѣ сѣкратишасѣ. Тогда по Русьской земли рѣдко ратаеве⁷² кыкаху; нѣ гасто врани грааху, тѣрѣня сѣбѣ дѣляте; а галици свою рѣгѣ говоряху, хотять полѣтѣти на цѣдѣе. То было вѣ ты рати и вѣ тыи пѣлкы; а сице и рати не слышано: сѣ

воиновъ спрълами, гремишь о шлемы мечами булашными. Куда, шурь, ни бросишься, своимъ золошымъ шлемомъ поблескивая, шамъ лежашъ нечиспыя головы Половецкія, изщепаны саблями калеными шлемы Аварскія опъ тебѣ, люшой шурь, Всеволодъ! Какія раны дороги, брашья, забывшему почести, и жизнь, и городъ Черниговъ, ошеческой, золошой престолъ, и свои любимѣйшія прихоти, прекрасной Глббовны (супруги своей) привычки и обычаи? Были битвы Траяновы, минули лѣша Ярославовы, были ополченія Олеговы, Олега Свяшославовича; ешонъ то Олегъ мечемъ вражду ковалъ, и спрълы по землѣ сѣялъ, всшупаешъ въ золошой спиремя въ городъ Тьмушороканъ. Также слышалъ давнишнюю, великую молву Ярославъ; а Владиміръ, сынъ Всеволодовъ, всякое упру уши закладывалъ въ Черниговъ. Бориса же Вячеславовича слава ко гробу привела, и на конскую, зеленую попону положила за обиду Олегову, храбраго и молодата Князя. Съ шой же Каялы Свяшополкъ послъ битвы поднялъ *тѣло* опца своего между Венгерскими иноходцами, *и повезъ* къ Свяшой Софіи, въ Кіевъ. Тогда при Олегъ Гориславовичъ сѣялись и расли междуусобія; погибала жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ враждахъ дни челоувкамъ сократились. Тогда по Русской землѣ рѣдко земледѣльцы восклицали; но часпо вороны наркали, шрупы по себѣ дѣля; а галки свою речь говорили, хошяшъ полешѣшь на покормку. То было въ тѣ битвы и въ тѣ ополченія; а шакой *жестокой* битвы и не слыхано: съ раннихъ

зараніа до везера, съ везера до свѣта летать стрѣлы каленныя, гремятъ сабли о шелома, трещать копія харалужная въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половетьскыя. Чьрна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровію поляна; тѣгою въздоша по Русьской земли ¹³. Что ми шумить? Что ми звенить давета рано предѣ зорями? Игорь пѣлки заворогаеть; жаль бо ему мила брата, Всеволода. Бишася день, бишася дръгый, третъего дни къ полуднію падоша стязи Игоревы ¹⁴. Тѣ ся брата разлѣгиста ¹⁵ на брезѣ быстрой Калы; тѣ кроваваго вина не доста; тѣ пирѣ доконгаша храбриі Русици, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русьскую. Низить трава жалощами ¹⁶, а древо съ тѣгою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала; уже пѣстыни силу прикрыли. Вѣстала обида въ силахѣ Даждьбожа внука, вѣстѣнула дѣвою на землю Трояню, вѣсѣплескала лебедиными крылы на синѣмѣ морѣ, у Дону плещѣги ¹⁷, убѣди жирна времена ¹⁸. Цубица Княземѣ на поганыя погыбе; рекоста бо братѣ братѣ: „се мое, а то мое же.“ И нагаша Князи про малое, се великое, мѣлвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ всѣхѣ странѣ приходяду съ побѣдами на землю Русьскую. О! далеге зайде соколѣ, птицѣ бѣа къ морю; а Игорева храбраго пѣлѣ не кресити. За нимѣ кликнуста Карна и Жля, поскогиста по Русьской земли, смагу мыгюги въ пламянѣ розѣ ¹⁹. Жены Русь-

лучей утра до *позднѣ* вечера, съ вечера до свѣша лешашъ спрѣлы каленыя, гремяшъ сабли о шлемы, прещашъ копы булашныя, вѣспеша незнаемой, среди земли Половецкой. Чорная земля подѣ копышами *коней* коспями была по сѣяна, а кровью полиша; шуго (худо) пришло Русскимъ людямъ. Чшо, *слышится* мнѣ, шумишъ? Чшо, *слышится* мнѣ, звенишъ давича рано передѣ зарею? Игорь полки заворачивашъ; жаль ему милаго брата, Всеволода. Бились день, бились другой, на шрешій день около полудня пали знамена Игоревы. Тупѣ два брата разлучились на берегу быстрой Каалы; шупѣ кроваваго вина не доспало; шупѣ пирѣ докончили храбрые Рускіе, свашовѣ попили, а сами полегли за землю Русскую. Никнетѣ шрава опѣ жалости, а дерево съ горя вѣ землѣ наклонилось. Уже, брашья, не веселая година восшала (пора насшала); уже пустыни войско покрыли. Восшала обида вѣ войскахѣ Дажьбожа внука, вспупила дѣвой на землю Траянову, всплескала лебедиными крылами на синемѣ морѣ, у Дону плещучи, разбудила шучныя времена. Переспали Князья ходишъ войной на нечиспыхѣ; молвилѣ братѣ брату: „ешо мое, и шо мое же.“ И начали Князья про малое, ешо великое, говоришъ (завидовашъ), и сами на себя вражду ковашъ; а нечиспые со всѣхѣ сторонѣ приходили съ побѣдами на землю Русскую. О! далеко залешѣлѣ соколѣ, избивалъ шпицѣ у моря; а Игорева храбраго полку не воскресишъ. За нимѣ крикнули Карна и Жля, усшремились вѣ Русскую землю, мча *съ собою*

ская въсѣплакашась, аркуги⁸⁰: „цже намъ сво-
 ихъ милыхъ ладѣ⁸¹ ни мыслию съмыслити,
 ни думою съдумати, ни огима съглядати;
 а злата и сребра ни мало того потре-
 пати.“ А вѣстона бо, братіе, Кіевѣ тучою,
 а Чьрниговѣ напастѣми; тоска разліяся по
 Рцѣской земли⁸², пегаль жирна теге средѣ земли
 Рцѣской. А Князи сами на себе крамоду кова-
 ху⁸³; а поганіи сами побѣдами нарицѣше на
 Рцѣскую землю, емляху данѣ по бѣлѣ отъ
 двора. Тѣи бо два храбрая Святѣславлигя, Игорьъ
 и Всеволодѣ, цже лжѣ⁸⁴ цѣцдиста, которѣю
 то бѣше цспилѣ отецѣ ихъ⁸⁵, Святѣславѣ грозный,
 великій, Киевскій. Грозою бѣше, притрепе-
 талѣ своими сильными пѣлкы и харалуж-
 ными мегы, настѣпи на землю Половѣгѣскую,
 притопта хѣлми и арѣгы, възѣмѣти рѣкы и
 озеры, исѣсѣши потоки и болота; а поганаго
 Кобяка изъ луку моря⁸⁶, отъ жедѣзныхъ, вели-
 кыхъ пѣлковѣ Половѣгѣскихъ, яко вихрь выторже;
 и надеся Кобякѣ въ градѣ Киевѣ, въ еридницѣ
 Святѣславли⁸⁷. Тѣ Нѣмци и Венедици⁸⁸,
 тѣ Греци и Морава поють славу Святѣславлю,
 кають⁸⁹ Князя Игоря, иже погрѣзи жирѣ во
 днѣ Каалы, рѣкы Половѣгѣской. Тѣ⁹⁰ Рцѣскаго
 злата насыпаша, тѣ Игорьъ Князь высѣдѣ изъ
 сѣдла злата, а въ сѣдло кощеево⁹¹; цныша
 бо градомѣ забралы⁹², а веселіе пониге. А
 Святѣславѣ мѣтенѣ сонѣ видѣ: „въ Киевѣ
 нагорахѣ, си ногѣ сѣ вегера, одѣваху⁹³ мя,

пожары въ пламенномъ рогѣ. Жены Русскія всплакали, причишая: „уже намъ о своихъ милыхъ мужьяхъ ни мыслью *не* помыслишь, ни думой *не* вздумашь, ни глазами *на низъ не* поглядѣшь; а золошомъ и серебромъ ни сколько *не* побрячашь.“ Вспональ, брашья, Кіевъ отъ горещи, а Черниговъ отъ напашей; шоска разлилась по Русской землѣ, печаль глубокая шекла среди земли Русской. А Князья сами на себя вражду ковали; а нечисные, побѣждая *ихъ* въ набѣгахъ своихъ на Русскую землю, брали дань по бѣлкѣ сѣдво-ра. Сіи два храбрые Свяшославоичи, Игорь и Всеволодъ, уже разбудили льгошу, кошорую было усыпилъ ошецъ ихъ, Свяшославъ грозной, великой Князь Кіевской. Грозой *Половцовъ* былъ, засшавилъ шрепешашъ своими сильными полками и булашными мечами, наспунилъ на землю Половецкую, пришошшалъ холмы и овраги, взмушилъ рѣки и озера, изсушилъ прошоки и болоша; а нечисшаго Кобяка отъ излучины моря (Азовскаго), изъ середины желѣзныхъ, великихъ поковъ Половецкихъ, какъ вихоръ, испоргнулъ; и попался Кобякъ въ городъ Кіевъ, во дворецъ Свяшославова. Тамъ Нѣмцы и Венеціане, тамъ Греки и Моравцы поюшъ славу Свяшославоу, хаюшъ (порицаюшъ) Князя Игора, кошорой погрузилъ жиръ земли Русской (богашество) на дно Калы рѣки Половецкой. Тушъ насыпали Русскаго золоша; шушъ Игорь Князь пересѣлъ изъ сѣдла своего золошаго въ простое сѣдло опрока. Уныли городскія спѣны, и веселіе поникло; а Свяшославъ дурной сонъ видѣлъ: „въ Кіевѣ на горахъ

реге, гърною наполюю, на кровати тисовѣ, гърпаху ми синее вино съ трудомъ⁹⁴ смѣшено, сыпаху ми тѣщици тѣлы поганыхъ тлько-вичѣ⁹⁵ великый женьюгѣ⁹⁶ на лоно, и нѣгують мя; уже дѣски безъ кѣнеса⁹⁷ въ моемъ теремѣ златовѣрѣмъ. Всю ночь съ ветра босци⁹⁸ врани възвѣрааху у Пльсньска⁹⁹, на болони¹⁰⁰ бѣша, дѣбрь Кисаню, и не сошли¹⁰¹ къ синему морю. И ркоша Бояре¹⁰² Князю: „ уже, Княже, тѣга цѣмъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня¹⁰³ стола злата поискати града Гьмцтороканя¹⁰⁴, а любо испити шеломомъ Дону¹⁰⁵. Уже соколома крыльця припѣшли поганыхъ саблями, а самаю опущоша въ пѣтины¹⁰⁶ желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день; два сѣлнца померкоста, оба ба-граная стѣлна погасоста, и съ нима молодая мѣсяця, Владимірѣ¹⁰⁷ и Святѣславѣ, тѣмою ся поволокоста, на рѣцѣ, на Каалѣ тѣма свѣтѣ покрыла. По Рѣсской земли прострошася Половци, акы парцѣже гнѣздо¹⁰⁸, и въ морѣ по-грузиша¹⁰⁹, и великое бѣйство подастъ Хинови. Уже снесѣся хѣла на хвалу, уже тресну нѣжда¹¹⁰ на волю, уже вѣржѣся дѣвѣ на землю. Се бо Готьскыя¹¹¹, красныя дѣвы вѣсѣпѣша на брѣзѣ синему морю; звоня Рѣсскымъ златомъ, поють время Бѣсово, дѣлѣють мѣсть Шароканю¹¹²; а мы уже, дружина, жадни веселія!“ тогда великый Святѣславѣ изрони злато слово, слезани смѣшено¹¹³, и реге: „ о моя сыновѣ, Игорю и Всеволоде! рано еста нагала Поло-

въ ешу ночь свечера, одѣвали меня, говорилъ онъ своимъ Боярамъ, чорнымъ покровомъ на кровашѣ шесовой, подносили мнѣ синее вино, съ ядомъ смѣшенное, сыпали мнѣ крупной жемчугъ въ колѣна, и нѣжашъ меня; уже доски безъ мапицы въ моемъ шеремѣ золоповерьхомъ. Всю ночь съ вечера босые вороны прокаркали у Пѣнска, усѣлись на болонѣ, гдѣ лощина Кисанова, и не слешѣли къ синему морю. “ И молвили Бояре Князю: „уже, Князь, печаль насъ сокрушила; два сокола слешѣли съ опцовскаго престола, золопаша доспашъ городъ Тьмушороканъ, либо испишь племомъ воды изъ Дону. Уже соколамъ крылья обрубилъ нечисныхъ сабями, а самихъ опушали желѣзами. Темно спало въ прешій день; два солнца померкли, оба багряные сполна погасли, и съ ними молодые мѣсяцы, Владиміръ и Свяшославъ, шьмой одѣлись, на рѣкѣ, на Каялѣ шьма свѣшъ покрыла. По Русской землѣ простерлись Половцы, какъ леопардово гнѣздо, и въ морѣ (Азовское) загнали остатокъ Русскихъ; и сіе большую дерзосшь придасшъ ихъ Хану. Уже вознеслась хула на хвалу; уже воспало насиліе на свободу; уже съ вершины дерева спустился филинъ на землю. Вотъ Гопскія, прекрасныя дѣвы всѣли на берегу синяго моря; бряча Русскимъ золопомъ, поюшъ время Бусово, славяшъ мщеніе Шураканово; а мы, твоя дружина, хопимъ еще веселья! “ Тогда великій Князь, Свяшославъ выронилъ золопое слово, съ слезами смѣшенное, и молвилъ: „о мои племянники, Игорь и Все-

вѣгьскую землю мѣги цѣблити ¹¹⁴, а себѣ славы
 искати; нѣ негестно одолѣста, негестно бо кровь
 поганю проліяста. Ваю храбрая сердца въ же-
 стоцѣмъ харалцѣмъ сѣкована, а въ бцести зака-
 лена; се ли сѣтвориста моеи сребренѣи сѣдинѣ?
 А цже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и
 многовои брата моего, Ярослава сѣ Чернигов-
 скими былями ¹¹⁵, сѣ Могучы, и сѣ Татра-
 ны, и сѣ Шельбиры, и сѣ Топгакы, и сѣ Ревуцы, и
 сѣ Ольберы ¹¹⁶. Тіи бо безѣ щитовѣ сѣ заса-
 пожникы кликомъ пѣлкы побѣждають, звонаги въ
 прадѣдную славу; нѣ рекосте: „мужаимся са-
 ми! преднюю славу сами похитимъ, а заднюю
 ся сами подѣлимъ.“ А ги диво сѣ, братіе, ста-
 рцу помолодити? коли соколъ въ мытѣхъ ¹¹⁷
 бываетъ, высоко птиць вѣзѣбываетъ, не дастъ
 гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло: Князи ми не
 пособіе; на ните ¹¹⁸ сѣ години обратиша.“ Се
 цу Римъ ¹¹⁹ кригать подѣ саблями Половѣгьскы-
 ми ¹²⁰, а Владимірѣ, подѣ ранами; тѣга и
 тоска сыну Глѣбову ¹²¹. Великій Княже, Всево-
 лode ¹²²! не мыслию ти прелетѣти издалега от-
 ня, злата стола поблюсти; ты бо можеши Вѣл-
 гу веслы раскропити, а Донѣ шелома выльяти.
 Аже бы ты былъ, то была бы тага по ногатѣ,
 а кощей по рѣзанѣ ¹²³; ты бо можеши посуху
 живыми шерширы ¹²⁴ стрѣляти, удалыми
 сыны Глѣбовы ¹²⁵. Ты, бцй Рюриге и Давиде!
 не ваю ли златеная шелома по крови плаваша?

володѣ! рано начали Половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искашь; но худо одолѣли, худо кровь нечистую пролили. Ваши храбрыя сердца изъ жоспкаго булаша скованы, и въ мужествѣ закалены; что вы сдѣлали съ моею серебряною сѣдиной? Уже не вижу власти сильнаго, и богатаго, и многорапнаго брата моего, Ярослава съ Черниговскими *Ковчями*, съ Могушами, и съ Ташранами, и съ Шельбирами, и съ Топчаками, и съ Ревугами, и съ Ольберами. Сіи безщиповѣ съ засапожниками (родѣ кинжаловѣ) крикомѣ полки побѣждаютъ, звоня въ прадѣдовскую славу (идучи по слѣдамъ славныхъ прадѣдовѣ); но сказали: „спанемъ мужашься! пріобрѣшемъ сами славу въ попомствѣ, а слава предковѣ не естъ еще наша.“ А развѣ диво, брашья, старому помолодѣшь? когда соколъ линияетъ, высоко пшицъ гонитъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Но по худо: Князья мнѣ не пособіе; години наничь выворошились (все вверхъ дномъ оборотилось).“ Вотъ у Римѣ кричашъ подѣ саблями Половецкими, а Владиміръ подѣ ранами; горе и шоска сыну Глѣбову. Великій, Князь Всеволодъ! мыслью не перелетѣшь себѣ издалека для охраненія опцовскаго, золопшаго престола; шы можешь Волгу веслами разбрызгать, а Донѣ шлемами вылишь. Когда бы шы былъ здѣсь, по плѣнныя, *Половецкія* жены продавались бы по ногашѣ, а опроки *иа* въ рѣзанѣ; шы можешь посуху живыми шереширами стрѣляшь, удалыми сынами Глѣбовыми. Мужеспвенной Рюрикѣ и Давидѣ! не ваши ли позолоченные шлемы по крови плавали? не ваша

не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, Господина, въ злата стремежня за обиду сего времени, за землю Русьскую, за раны Игоревы, бжего Святъславля! Галигьскый Осмомысле, Ярославѣ¹²⁶! высоко сѣдиши на своемѣ златокованибѣ столѣ, подперѣ горы Цгорьскыя своими желѣзными пѣлкы, заступивѣ Королеви путь, затворивѣ Дунаю ворота, мега бремены трезѣ облакы, суды ряда до Дуная; грозы твоя по землямѣ текуть, отѣтворяеши Киеву врата, стрѣляеши сѣ отня, злата стола Салтани за землями. Стрѣлай, Господине, Конгака, поганого Гзакка¹²⁷ за землю Русьскую, за раны Игоревы, бжего Святъславля! А ты, буй Романе¹²⁸ и Мьстиславе¹²⁹! храбрая мысль носить васѣ, цмѣ на дѣло; высоко плаваеши на дѣло въ бжести, яко соколѣ на вѣтрехѣ ширяеся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо ц ваю желѣзныи папорци¹³⁰ подѣ шеломи Латинскыми; тѣми треску земля и многы страны хинови. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сѣлицы свои повѣргоша, а главы своя поклониша подѣ тыи меги харалужныи¹³¹. Нѣ цже, Княже Игорю, цтѣрѣ сѣлнцю свѣтѣ¹³², а древо не бологомѣ листвѣе срони; по Руси, по Сѣлѣ грады подѣлиша¹³³, а Игорева, храбраго пѣлкѣ не кресити. Донѣ ты, Княже, клиеть, и зоветь Князи на побѣду;

ли храбрая дружина рыкаешъ, какъ шуры, раненые саблями каменными, на полъ незнаемомъ? Вспунише, Государи, въ золотые спремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, храбраго Свяшослаовича! Галицкой Осмомыслъ, Ярославъ! высоко сидишь *ты* на своемъ золотокованномъ престолю, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, засшувивъ Королю дорогу, зашворивъ Дунаю вороша, бросая шягоспи черезъ облака, господшвуя до Дуная; спрашно имя швое по всей землѣ, отворяешъ Киеву вороша, спрѣляешъ сѣ опцовскаго, золоташаго престола въ Сулшановъ земель дальнихъ. Спрѣлай, Государь, въ Кончака, въ нечисшаго Гзана за землю Русскую, за раны Игоревы, мужешшвеннаго Свяшослаовича! А шы, мужешшвенной Романъ и Мшпшславъ! храбрая мысль спремшшвъ васъ на умной (славной) подвигъ; высоко возношишь шы на мужешшвенной подвигъ, какъ соколъ на вѣшрахъ ширяясь, хотя *всякую* шшцу въ спремленъи одолѣшъ. У васъ желѣзные нагрудники подѣ шлемами Лашинскими; имени вашего славою полна земля и многія владѣнія ханскія. Лишва, Яшвяги, Деремела и Половцы копля свои побросали, а головы свои подклонили подѣ шѣ мечи булашные. Но уже, Князь, Игорь, *для тебѣ* солнце не свѣшштъ, и дерево не иѣ добру лшшья сронило; по Роси, по Сулѣ города подѣлили, и Игорева храбраго войска не воскресшш. Донѣ шебѣ, Князь, кличешъ и зовешъ Князей на побѣду; Ольговичи, храбрые

Ольговичи, храбрии Князи, досѣли на брань,
 Инѣгварь, и Всеволодѣ, и вси три Мьстисла-
 вичи, нехуда гнѣзда шестокрильци! не по-
 бѣдными ли жребіи собѣ власти расѣхытисте?²
 кое ваши златыи шелома, и сѣлицы Лацьскыи,
 и щиты? загородите полю ворота своими
 острыми стрѣлами за землю Рѹсьскѹю, за ра-
 ны Игоревы, бѣго Святѣславигл. Уже бо
 Сѹла не теgetь сребреными стрѣлами кѣ граду
 Переяславлю¹³⁴, и Двина болотомѣ теgetь
 онымѣ грознымѣ Пологаномѣ подѣ кликомѣ
 поганыхѣ¹³⁵. Единѣ же Изяславѣ¹³⁶, сынѣ Ва-
 сильковѣ, позвони своими острыми мети о
 шелома Литовьскыя, притрепа славу дѣду
 своему, Всеславу; а самѣ подѣ гърлеными щиты
 на кровавѣ травѣ притрепанѣ Литовьскыи
 мети, и сѣхыти ю¹³⁷ на кровать, и рекѣ: „ дру-
 жину твою, Княже, птицѣ крылы приодѣша;
 а зѣбри кровь полизаша!“ Не бысть тѣ бра-
 та Брягяслава, ни другаго Всеволода; единѣ
 же изрони женѣгюжну дѹшу изѣ храбра тѣла
 грезѣ злато ожереліе. Уныли голоси, пониге
 веселіе, тѣбѣ тѣбѣ Гроденьскыя¹³⁸. Яро-
 славе¹³⁹ и вси внуци Всеслави! уже пони-
 зить стази свои, вонзить свои мети верже-
 ни; уже бо выскогисте изѣ дѣдней славы¹⁴⁰. Вы
 бо своими крамолами нагасте наводити пога-
 ныя на землю Рѹсьскѹю, на жизнь Всеслави¹⁴¹;
 которое бо баше насиліе отѣ земли Половегь-
 скыя? На седьмомѣ вѣцѣ Гройни вѣрже Все-
 славѣ жребій о дѣвицю себѣ любѣ¹⁴²; тѣвѣ клю-

Князья, поспѣли на войну. Ингварь, и Всеволодъ, и всѣ при Мспиславичи, нехудаго гнѣзда шестпокрильцы! не побѣдами ли *вы* приобрѣли себѣ могущество? къ чему вамъ золотые шлемы, и щипы, и копя Польскія? загородите въ поле вороша своими оспрыми спрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, мужеспвеннаго Свяшославовича. Уже Сула не печетъ серебряными спруями къ городу Переяславлю, и Двина бодошомъ печетъ къ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ крикомъ нечиспыхъ. Одинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими оспрыми мечами о шлемы Липовскіе, припрепалъ славу дѣду своему, Всеславу (превошелъ его славой); а самъ подъ багряными щипами на кровавой правѣ припрепанъ Липовскими мечами, и на *смертной* посшелъ восхилилъ ее (славу), и сказалъ: „дружину швою, Князь, пшицъ крылья одѣли; а звѣри кровь полизали!“ Не было тушъ брата *его* Брячислава, ни другаго брата, Всеволода, одинъ же выронилъ жемчужную *свою* душу изъ храбраго шѣла черезъ золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселіе, прубы прубяшъ Городенскія. Ярославъ и всѣ внуки Всеславы! уже понизипше знамена свои, вложипше *въ ножны* мечи свои поврежденные; уже высочили *вы* изъ дѣдовской славы (совсѣмъ непохожи спали на славнаго дѣда). Вы своими враждами начали наводипше нечиспыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеславою; какое было насилье отъ земли Половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Траяновомъ бросилъ Всеславъ жеребей о милыхъ ему дѣвицахъ

ками ¹⁴³ подвѣрся о кони, и скози къ граду Кыеву, и дотрѣся стружіемъ злата стола Кыевскаго ¹⁴⁴. Скози отъ нихъ лютымъ зѣремъ въ пѣлвноти изъ Бѣлаграда ¹⁴⁵, обѣсися си нѣ мѣлѣ; ѹтрѣ же вонзи стрикѹсы ¹⁴⁶, отѣтвори врата Новѣграда ¹⁴⁷, разѣшибе славу Изяславу ¹⁴⁸, скози вѣлкомъ до Немиги съ Дѹдѹтокѣ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять гени харалѹжными, на тоѹѣ животѣ кладуть, вѣють дѹшу отѣ тѣла; Немизѣ кровава брезѣ небологомъ ¹⁴⁹ бѣста посѣяна, посѣяна костью Рѹсьскыхъ сыновѣ. Всеславѣ Князь людямъ сѹдаше, Княземъ грады рѣдаше; а самѣ вѣ ногѣ вѣлкомъ рискаше, изъ Кыева дорискаше до кѹрѣ Тѣмѹторокана ¹⁵⁰, великому Хрѣсови ¹⁵¹ вѣлкомъ пѹть прерискаше. Тому вѣ Полотскѣ позвониша заѹтренюю раню ѹ Святыхъ Софїи вѣ колоколы; а онѣ вѣ Кыевѣ звонѣ слыша. Аще и вѣща дѹша вѣ дрѹзѣ тѣлѣ, нѣ гасто бѣды страдаше; тому ¹⁵² вѣщїй Боянѣ и пѣрвое припѣкѹ смысленый рече: „ни хытрѹ ни гораздѹ, ни птицею гораздѹ сѹда Божїа не минути.“ О! стокати Рѹсьской земли, помянѣвше пѣрвѹ годинѹ и пѣрвыхъ Князей: того стараго Владимира не лѣзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскимъ; сего бо нынѣ сташа стлзи Рѹриковы, а дрѹзїи Давидовы; нѣ рози носѣ имѣ, хоботы пашѹтъ; конїа ¹⁵⁴ поють на Дѹнаи.

клюками подпершись, *сбѣл* онѣ на коней, и поскакалѣ къ городу Киеву, и допикнулѣя всеоружіемѣ до золотого престола Киевскаго. Побѣжалѣ отѣ нихѣ (отѣ Киевлянѣ) лютымѣ звѣремѣ въ полночь изѣ Бѣлгорода, завѣсившись синимѣ шуманомѣ; по ушру же вонзилѣ сприкусы, ошворилѣ вороша Новгороду (великому), разшибѣ славу Изяславу, побѣжалѣ волкомѣ съ Неменя до Дудушокѣ. На Неменѣ головы спелюшѣ, какѣ снопы, молощяшѣ цѣпами булашными, на *кровавой* ладонѣ (мѣсто, гдѣ молощяшѣ) жизнь кладушѣ, вѣюшѣ душу отѣшѣла; Неменя кровавые берега не добромѣ были посѣяны, посѣяны косями сыновѣ Русскихѣ. Всеславѣ Князь людей судилѣ, Князьямѣ города раздавалѣ; а самѣ въ ночь волкомѣ рыскалѣ, изѣ Киева посѣвалѣ до *пѣнія* пѣшуховѣ въ Тьмушороканѣ. Ему въ Полошскѣ рано позвонили къ зашреннѣ у Свяшой Софіи; а онѣ въ Киевѣ звонѣ слышалѣ. Хотя иной человекѣ и благоразуменѣ, *каковѣ былѣ Всеславѣ*; однакожѣ онѣ часто бѣдами спрадалѣ. Ему *то* мудрой, смысленной Боянѣ съ начала *сей* прицѣвѣ сказалѣ: „никакому хипрецу, ни искуснику, ни шакому искуснику, кошорой, какѣ пшица лешаешѣ, суда Божія не миновашѣ.“ О! спонашѣ Русской землѣ, вспомянувѣ первыя времена и первыхѣ Князей: шого древняго Владиміра не лѣзя было пригвоздишѣ къ горамѣ Киевскимѣ; нынѣ знамена его спали *одни* Рюриковы, а другіе Давидовы; но враги ихѣ, впряженныя въ плугѣ вмѣсто воловѣ, пашушѣ *на нихѣ*; оружіе *ихѣ* славилѣся на Дунаѣ.

Ярославныиъ гласъ слышеть; зегзицею ¹⁵⁵,
 незнаемъ рано кытеть: „полегю, рече, зегзицею
 по Донови ¹⁵⁶, омогю бибранъ рукавъ въ Каалъ
 рѣцѣ, цтру Князю кровавыя его раны на же-
 стоцѣмъ его тѣлѣ.“ Ярославна рано платеть
 въ Путивлѣ на забралъ, аркузи: „о вѣтре,
 вѣтрило! гему, господине, насильно вѣши? ге-
 му мыеши хиновскыя стрѣлки на своєю не-
 трудною крыльцю на мою лады вои? мало ли ти
 баше горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣюги корабли
 на синѣ морѣ? гему, господине, мое веселіе по
 ковылію развѣя?!“ Ярославна рано платеть
 Путивлю городу на заборолъ, аркузи: „о Днѣ-
 пре словутицю ¹⁵⁷! ты пробилъ еси каменныя
 горы сквозѣ землю Половесьскую, ты лелѣ-
 ялъ еси на себѣ Святѣславли насады ¹⁵⁸ до
 пѣлку Кобякова; вѣзлелѣи, господине, мою
 ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на
 море рано!“ Ярославна рано платеть въ Пу-
 тивлѣ на забралъ, аркузи: „свѣтлое и тре-
 свѣтлое сѣлице! всѣмъ тепло и красно еси; ге-
 му, господине, простре горячую свою лцию на
 ладъ вои, въ полѣ безъводнѣ жадею имѣ лци
 свпраже, тцгою имѣ тцли затге?“

Прыснц море полцнощи, идуть сморци ¹⁵⁹
 мъглами; Игореву Князю Богѣ путь кажетъ
 изъ земли Половесьской на землю Рцьскую къ
 отню, злату столу. Погасоша ветеру зари;
 Игорь не ¹⁶⁰ спить, Игорь бдитъ, Игорь мы-
 слію поля мѣритъ отъ великаго Дону до ма-

Ярославниѣ голосѣ слышится; одна, какъ *горемышная* кукушка, рано кличетѣ (причи-
паетѣ) она: „полечу кукушкой къ Дону, омочу
бобровой рукавѣ въ Каалѣ рѣкѣ, ушпру Князю
кровавыя его раны на жоспкомѣ его шѣлѣ.“
Ярославна рано плачетѣ въ Пушивлѣ на го-
родской стѣнѣ, причишая: „о вѣшерѣ, вѣшерѣ!
къ чему, государь, сильно дуешь? къ чему
мчишь ханскія стрѣлки своими легкими крыль-
ями на воиновѣ моего мужа? мало ли шебѣ было
горѣ подѣ облаками душѣ, лелѣя корабли на си-
немѣ морѣ? къ чему, государь, мое веселье по
ковыли (родѣ спешной шравы) развѣялѣ?“ Яро-
славна рано плачетѣ на городской стѣнѣ Пу-
шивля, причишая: „о Дивирѣ пресловушой! шы
пробилѣ каменныя горы сквозѣ землю Половец-
кую, шы лелѣялѣ на себѣ суда Свяшославовы до
войска Кюбякова; взлелѣй на себѣ, государь, мо-
его мужа ко мнѣ, дабы не посылала къ нему слезѣ
на море рано!“ Ярославна рано плачетѣ въ Пу-
шивлѣ на городской стѣнѣ, причишая: „свѣшное
и пресвѣшное солнце! шы всѣмѣ шепло и красно;
къ чему, государь, просперло горячій свой лучѣ на
воиновѣ моего мужа, въ полѣ безводномѣ жаждою
имѣлуки свело, гореспью имѣ колчаны зашкнудо?“

Хлынудо море въ полуночи, находятѣ су-
мерьки подобно шуману; Князю Игорю Богѣ до-
рогу кажетѣ изѣ земли Половецкой въ землю
Русскую, къ опщовскому, золошому пресполу.
Погасли въ вечеру зари; Игорь не спитѣ, Игорь
бодрспвуетѣ, Игорь въ мысляхѣ поля мѣряетѣ

лаго Донца. Комонь въ полуноги; Овлурѣ¹⁶¹ свисну за рѣкою, велить Князю разумѣти. Князю Игорю не бытъ; кликнѣ, стѣкнѣ земля, въ шумѣ трава. Вежи ся Половетьскыя подвизаша; а Игорь Князь поскоги горностаемѣ къ тростію, и бѣлымѣ гоголемѣ на воду, вѣржеса на бѣрзѣ комонь, и скоги съ него, и босымѣ вѣлкомѣ потеге къ луцѣ Донца, и полетѣ соколѣмѣ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ѣжинѣ. Коли Игорь соколѣмѣ полетѣ, тогда Влурѣ вѣлкомѣ потеге, труся собою студенцю росу; претѣргоста бо своя бѣрзая комоныя. Донецъ рече: „Княже, Игорю! не мало ти велигія, а Контаку нелюбѣа, а Русьской земли веселѣя.“ Игорь рече: „о Донце! не мало ти велигія, лѣбѣвшу Князя на вѣлахѣ, стлавшу ему зелену траву на своихѣ сребреныхѣ брезѣхѣ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнію зелену древу; стрѣжаше е гоголемѣ на водѣ, тайцали на стругахѣ, гѣрнядѣми на вѣтрѣхѣ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна, хѣду струю имѣа, пожрши гюжи рѣгѣи, и стругѣи расѣстре на кустѣ? Уношу, Князю, Ростиславу затвори Дѣбѣрѣ темна березѣ; плачется мати Ростиславля по цюноши, Князи, Ростиславѣ¹⁶², цѣнѣша цѣвѣты жалобѣю, и древо съ тѣгою къ земли преклонилось.“ А не сорокѣ вѣтроскотоша, на

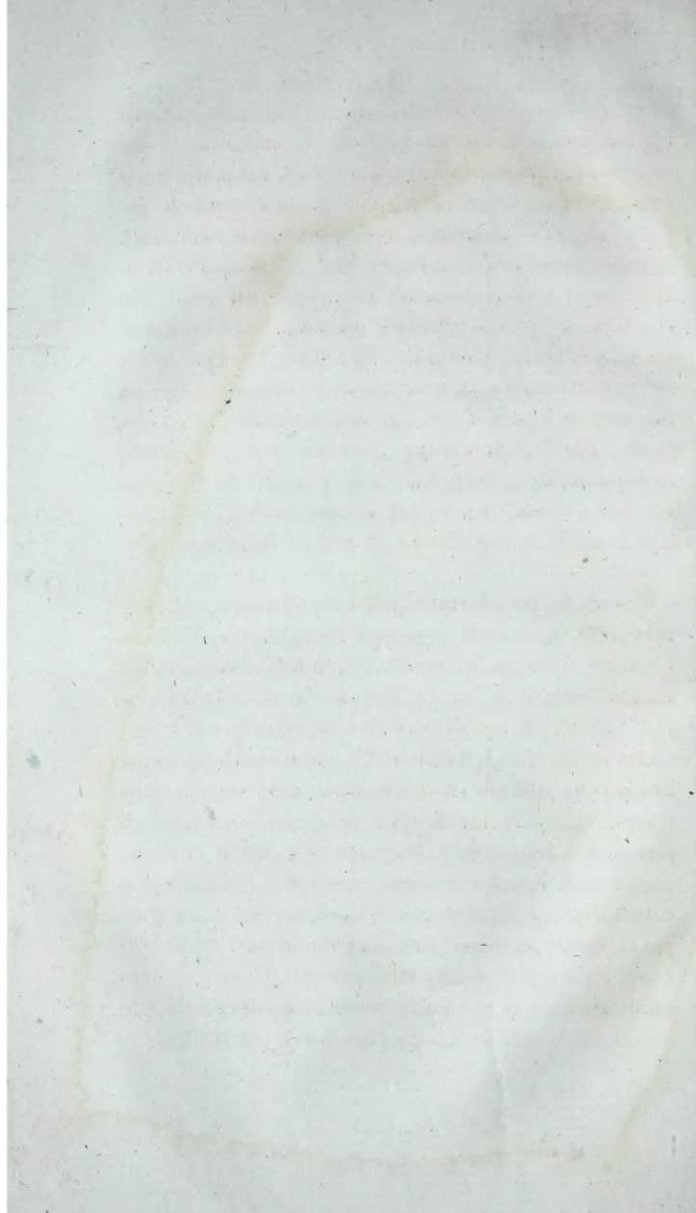
отъ великаго Дону до малаго Донца. Для побѣга Игорю готовъ конь въ полночь; Лаверь свиснулъ за рѣкой, даешъ знашь Князю. Князю Игорю не бышь *въ плъцу*; клинула, спуннула земля, зашумѣла шрава. Телеги Половецкія двинулись, и Игорь Князь побѣжалъ горношаемъ къ простнигу, *поплылъ бѣлымъ гоголемъ* (родъ ушки) по водѣ, бросился на лихаго коня, ѣскачилъ съ него, и босымъ волкомъ побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подѣ шуманами, избивая гусей и лебедей на завпракъ, обѣдѣ и ужинѣ. Когда Игорь соколомъ полетѣлъ, то Лаверь волкомъ побѣжалъ, опряхивая съ себя спуденую росу; надорвали своихъ лихихъ коней. Донець сказалъ: „Князь, Игорь! не мало для тебя славы, для Кончака досады; а для Русской земли веселья.“ Игорь отвѣчалъ: „о Донець! не мало и для тебя славы; шы лѣлялъ Князя на волнахъ, сплалъ ему зеленую шраву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его шеплыми шуманами подѣ сѣнію зеленого дерева, сперегъ его гоголемъ на водѣ, чайками (родъ рыболова) на спруяхъ, и чернышами (родъ ушки) на вѣпрахъ. Такова ли, примолвилъ онъ, рѣка Спугна, имѣющая дурную спрую (быстрое печеніе), пожирающая чужіе ручьи, и разбивающая спруги (родъ судовъ) о кусты? Юношѣ, Князю, Ростиславу зашворилъ Днѣпръ шемные (лѣсомъ поросшіе) берега *свои*; плачешся мащъ Ростиславова по юношѣ, Князѣ, Ростиславѣ; уныли цвѣшы отъ плача, и дерево съ горя къ землѣ наклонилось.“ А не сороки за-

слѣду Игоревѣ вѣдуть Гзакѣ съ Контакомѣ; тогда врани не грааху, галици помѣлоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша ¹⁶³ только датлове, тектомѣ пѣть кѣ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣснями свѣтѣ повѣдаютъ. Мѣлеть Гзакѣ Контакови: „аже соколѣ кѣ гнѣзду летить, соколигя ¹⁶⁴ расвѣстрѣляема своими злаными стрѣлами.“ Рече Контакѣ ко Гзѣ: „аже соколѣ кѣ гнѣзду летить, а нѣ сокольца опутаема ¹⁶⁵ красною дѣвицею.“ И рече Гзакѣ кѣ Контакови: „аще его опутаема красною дѣвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красныя дѣвицы, то погнѣть наю птици бити въ полѣ Половесьсколѣ.“

Рекѣ Боянѣ и ходи на Коганя, пѣсньтворца стараго времени Ярославля, Святѣславля, Ольгова ¹⁶⁶: „тяжко ти головѣ кромѣ плегю! зло ти тѣлу кромѣ головы!“ Русьской земли безѣ Игоря ¹⁶⁷; свѣнце свѣтитъ на небесѣ, Игорь Князь въ Русьской земли. Дѣвицы поють на Дунаи, вьются голоси трезѣ море до Києва. Игорь вѣдетъ по Боричеву ¹⁶⁸ кѣ святѣй Богородици, Пирогощѣй ¹⁶⁹; страны ради, гради весели, пѣше пѣснь старымѣ Княземѣ, а потомѣ молодымѣ. Пѣти слава Игорю Святѣславлигю, бѣю турц, Всеволоду ¹⁷⁰, Владиміру Игоревичю ¹⁷¹; здрави Князи и дружина, побарая за Христьяны на поганыя пѣлки! Княземѣ слава, а дружинѣ аминь!

спрекошали, по слѣдамъ Игоревымъ вѣдять Гзакъ съ Кончакомъ; тогда вороны не каркали, галки замолчали, сороки не спрекошали, только *въ лѣсу* по деревьямъ бѣгали дятлы, долбленьемъ дорогу къ рѣкѣ показывающъ, соловьи веселыми пѣснями свѣшъ возвѣщаютъ. Молвишъ Гзакъ Кончаку: „ежели соколъ ко гнѣзду лепишъ, по соколенка разспрѣляемъ своими позолочеными спрѣлами.“ Сказалъ Кончакъ Гзаку: „ежели соколъ ко гнѣзду лепишъ, по мы соколенка опушаемъ прекрасной дѣвицей.“ *На сіе* оповѣчалъ Гзакъ Кончаку: „ежели его опушаемъ прекрасной дѣвицей, по у насъ не будешъ ни соколенка, ни прекрасной дѣвицы, и начнушъ насъ пищицы бишъ въ степи Половецкой.“

Воспѣлъ Боянъ и походы на Кагана, пѣснопворецъ древняго времени Ярославова, Святославова, и Олегова, *воспѣлъ*: „*шяжело бытъ шебѣ* головѣ безъ плечь! худо *бытъ* шебѣ шѣлу безъ головы!“ Русской землѣ безъ Игоря; солнце свѣшпшся на небѣ, Игорь Князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поющъ на Дунаѣ; голоса *ихъ* вьюшся черезъ море (Черное) до Кіева. Игорь ѣдешъ по Боричеву къ Свяшой Богородицѣ, Пирогощей; земля *Русская* радуешся, города веселяшся, пѣвши пѣсню спарымъ Князьямъ, а попомъ молодымъ. Слава Игорю Свяшославовичу! Слава сильному шуру, Всеволоду! Слава Владиміру Игоревичу! Да здравспвуютъ Князья и дружина, воюя за Христіанъ пропивъ нечиспыхъ. Слава Князьямъ и дружинѣ!

ПѢСНЬ ВОИНСТВУ ИГОРЕВУ.

*Древни подвиги! воскресите;
Были мрачныя минувшихъ лѣтъ!
Озаритесь исполнѣемъ.*

О С С Л А Н Ъ.

Не воспѣшь ли, милы брѣшя, любезныя,
Мѣрой древней, заунывной не воспѣшь ли намъ
О походѣ на Половцовъ Князя, Игоря,
О походѣ неудачномъ Святославича?
Повѣсть, жалости достойная и вѣчныхъ слезъ.
А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу Бояна пѣснь почнемъ свою;
Вѣщій Бардъ онъ пѣлъ когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу расшекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки;
Помнилъ рѣчь временъ минувшихъ, и пускалъ тогда
Десять соколовъ на стадо лебединое.
Дошкалъ который соколъ, младъ, ясѣнъ соколъ,
Ту и пѣлъ онъ прежде пѣсню: либо старому
Ярославу, намъ законы мудры давшему;
Либо храброму Мстиславу, поразившему
Предъ Касожскими полки Редюю сильнаго;
Либо красному Роману Святославичу.
А внулъ Велесовъ не десять ясныхъ соколовъ
Напускалъ на бѣло стадо, лебединое;
На живыя струны онъ вѣщи персты вкладывалъ,
Струны сами рокошали похвалу Князьямъ.

А почнемъ мы пѣснь ошъ стараго Владиміра,
 Пѣснь обѣ Игорѣ, о храбромъ Свяшославичѣ,
 Чшо полки навелѣ на землю Половецкую
 За обиду и за раны земли Русскія,
 Духа рашнаго исполнившисѣ навелѣ онѣ ихѣ,
 Устремилѣ свои все мысли онѣ на подвигѣ сей.
 Игорь, Князь тогда воззрѣлѣ на солнце свѣтлое;
 Прикрывало оно шьмою все полки его.
 „ О дружино моя храбрая, рекѣ Игорь Князь,
 Лучше всемѣ не бышь живымѣ намѣ, чѣмѣ плененымѣ!
 Мы на борзы кони всядемѣ, позримѣ Дону мы.“
 Захотѣлѣ ошвѣдашъ Игорь Дону синяго,
 Пренебрегѣ онѣ ошъ решивѣ сердца знаменье.
 „Приломишь конье хочу я, рекѣ дружины онѣ,
 По конецѣ, хочу я, поля Половецкаго;
 Приложу свою главу я съ вами, браше,
 Либо шлемомѣ изолью я Дону синяго!“
 О Боянѣ! о соловей минуша времени!
 Соловьемѣ шы щекошала буйшуровѣ подвиги,
 Ты подѣ облаки парилѣ воображеніемѣ
*(Не дошелѣ до позднихѣ вѣковѣ ты, божественный,
 Время стерло твои пѣсни съ хартий древности;
 Но ты дышешь въ пѣсни звучной войску Игоря,
 И мы внемлемѣ рокотанье струнѣ живыхѣ твоихѣ!);*
 Пѣши Игорю шебѣ бы сладку, звучну пѣснь,
 Какѣ воспѣлѣ шы мрачны были шаринны сѣдой,
 По дорогѣ волкомѣ рыская Траяновой.
 Черезѣ доли занесла не буря соколы,
 Въ Дону жѣ синему бѣжашѣ шпадами галицы
(Вспѣшь шебѣ было, Бояне, вѣнче Ведесовѣ!).
 Ржущѣ и шонающѣ за Сулой кони борзые,
 О походѣ слава въ Кіевѣ давно звенишѣ,
 Трубы шрубяшѣ въ Новѣградѣ новоинскому,
 Во Пушивѣлѣ же знамена разѣвѣваюшѣ;

Мила брата, Всеволода Игорь два дни ³² ждець.
 И речець ему, буйшуру Всеволодъ, яръ шуръ:
 „У меня единъ ты, брата, свѣшлый свѣшъ единъ!
 Только двое насъ съ тобою Святославичей.
 Кони борзые сбѣдай скорѣе, Игорю,
 А мои сиюшъ у Курека ужъ осбѣданы!
 А мои Куряне, имети храбры, свѣдомы;
 Подъ военною грозюю они повишы,
 Подъ желѣзными шеломи воздѣлѣаны,
 Съ жестка, оштра харалуга коній вскормлены;
 Къ Дону синему пуши, яруги знаемы.
 Лукъ нашанушъ у буйшуровъ завсегда шугій;
 Тулъ ошворенъ, полный вѣчно смертоносныхъ стрѣлъ;
 Сабля длинная, каленая изосшрена;
 Самы скачушъ, какъ голодны волки, сѣрые,
 Ищушъ въ полѣ Князю славы, похвалы себѣ.“
 Игорь Князь тогда всшупаешъ во зланыи шпремь,
 На конѣ оиъ борзомъ ѣдець по чисту полю,
 Соляце шьмою засшупаешъ Князю къ славъ пушь.
 Сшонешъ шемна ночь грозюю ему, и будишъ шницъ;
 Воюшъ звѣри, чу шпадами воюшъ цѣлыми;
 Сверху древа грозно кличешъ дивъ, зловѣщій дивъ;
 Оиъ велишъ земли послушати незнаемой,
 Волгѣ, Сурожу, Корсуно, и Поморю,
 И шебѣ, Тьмушороканскій пшупавъ глухій!
 А Половцы правяшъ къ Дону пушь великому;
 Какъ распущенные лебеди склѣнаюшя,
 Такъ въ полуночи скрѣпяшъ шяжелы возы ихъ.
 Игорь шакже полкъ ведець свой къ Дону синему;
 По бѣды ему вѣщаюшъ шницы вѣщія,
 Грозно воюшъ по яругамъ волки сѣрые,
 Звѣри хищные сбѣгаюшя на клекшъ орловъ,
 На шцышы лисицы брешушъ, на червленые.
 Ты уже за шеломянемъ, земле Русская!

Меркнетъ темна ночь, и свѣшлый свѣшвъ зари запалъ,
 Мгла густая покрываетъ всѣ поля кругомъ,
 Сладкій щекотъ соловьиный по кустамъ заснулъ,
 Безумольный говоръ галчъ просыпаешся.
 Вошъ червлеными щитами заградился полвъ;
 Такъ ошъ ищешъ Князю славы, похвалы себѣ.

Рано въ пшницу враговъ узрѣли Русичи;
 Пошопшали Половецкіе полки они,
 И разсыпавшись стрѣлами по чисту' полю,
 Въ павѣ помчали красны дѣвы, Половецкія,
 Злашо, бархашы и щкани драгоцѣнныя;
 Епанчами жъ, узорочьями ихъ всякими
 По болошамъ, шопямъ начали мосшы мосшышъ.
 Князю Игорю досшалось знамя бѣлое,
 Сшягъ червленый, чолка, сребренное спружіе.
 Дремлешъ въ полѣ шы, Олега гшвздо храброе,
 Ахъ, далече залешло ошъ своей землѣ!
 Ты ошъ пшницъ шершшъ обиды не родилося;
 Ни младому, ясну соколу, ни кречету
 Ты, гшвздо, въ свой вѣкѣ еще не поддавалося,
 Ни шебѣ, поганый, черный врагъ, Половчине!
 Сѣрымъ волкомъ Гзакъ бѣжшвъ широкой степю,
 Правшшъ слѣдѣ ему Кончакъ ко Дону синему.

По ушрѣ кровавы зори свѣшвъ повѣдаюшъ;
 Какъ ночь темна, идушъ съ моря шучи черныя,
 И хошашъ прикрышъ чешыре солнца свѣшлыя;
 Сини молніи шренещушъ въ черныхъ шучахъ шѣхъ.
 Быши грому, быши шренешу великому,
 И ишши дождю стрѣлами съ Дону синяго:
 Тушъ шо коньямъ на Каялѣ приламаншся;
 Тушъ шо саблямъ изосшренымъ, саблямъ Русцей,
 О шеломы Половедци пошручашся.

Ты уже за шеломянемъ, земле Русская!
 Се на храбрую дружину Свяшославлича
 Съ моря снѣгѣ сѣрѣлами вѣсѣ буйный вѣсрѣ,
 Внукъ Сприбожа чу шумишь враговъ знаменами.
 Топощъ коней, шолощъ борзыхъ, полевъ слышнися;
 Рѣви мушны, пылъ густая помрачаешъ даль.
 Се ошъ Дона, се ошъ моря, се ошъ вѣсхъ сторовъ
 Хищны варвары, Половцы показались;
 Храбрыхъ Русскихъ обесунили дѣши бѣсовы,
 Дошъ широкій огласился громнымъ кликомъ ихъ.
 Ограждение изъ щиповъ шворнишь полкъ Игоревъ;
 Ты, аръ шуре, Всеволоде, боронишь его!
 Ты сѣрѣлами на поганы вои прыщещи,
 Харалужными мечи о шлемы гремлещи.
 Камо, шурѣ, шы ни коскочишь, шамо падшихъ рядъ;
 Гдѣ злещымъ своимъ шеломомъ ни посѣвнишь шы,
 Тамъ лежатъ главы поганы, Половецкя.
 И Аварскіе шеломы ихъ поскепавы
 Ошъ шебя, шурѣ, Всеволоде, острой саблею!
 О, какія ему раны, брашье, дороги!
 Онъ оставилъ ибгу, почещи, веселу жизнь,
 Градъ Черинговъ и злещый престолъ, ошечскій;
 Онъ оставилъ милу ладус⁸¹, красну Глѣбовну,
 Ея ибжнныя забощы, шихій нравъ ея.
 Были сѣчи грозны ибкогда Траяновы,
 Миновали ашша славы Ярославовой,
 Прошѣкли междуусобя Олеговы;
 Свяшославличъ онъ крамолу вѣкѣ мечемъ ковалъ,
 Засѣдая всю сѣрѣлами землю Русскую,
 Прыща ими со стола Тьмушороканскаго.
 Ярославъ охощно ибъ брашу преклонялъ свой слухъ,
 А Владимірѣ ибѣвко уши зашыкалъ свои;
 Вячеславлича же слава привела на судъ,
 Положила на попоу его конскую

За обиду Ольга, храбра и млада Князя.
 Святополкъ съ шоя жь Каялы шбло взялъ ошца,
 Взялъ по сѣчѣ ко Святой Софїи, Кїевской.
 Зло сильнѣе возрасшало межусобное,
 Возрасшало при Олегѣ Гориславичѣ;
 Погибала ни за что жизнь внука Даждьбожа.
 Въ шѣхъ крамолахъ княжихъ людемъ сокращались дни;
 Рѣдко рашая веселый раздавался гласъ,
 Врановъ карканье на шрунахъ всюду слышалось,
 Или галицы одни перекликалися,
 На обильный пиръ лешѣшь собираешъ шучами.
 Но и въ шѣ не слышно было раши дни такой;
 Съ свѣшомъ до ночи, и съ ночи до свѣшла свѣша,
 Свищущѣ стрѣлы, свищущѣ частыя, валеныя,
 О шеломы гремлющѣ сабли изосшреныя,
 Съ шрескомъ копыи харалужны сокрушающѣся,
 Брани громъ гремшѣ въ раздолїи невѣдомѣхъ,
 Посреди земли далекой Половецкїя.
 Черной кровїю суха земля вся поляна,
 Подъ копышами коней коштемъ посѣяна;
 Сильный врагъ одолѣваешѣ храбрыхъ Русичей.
 Чшо шумшѣ мнѣ? предѣ зорями рано чшо звеншѣ?
 Игорь Князь заворочашѣ полкъ разшроенный ⁷⁴;
 Жаль ему сердечно браша, Всеволода жаль.
 Бились день они, два бились; а на шрешїи день
 Пали Игоря знамена предѣ полуднями.
 Тушѣ два браша на Каялѣ разлучилися,
 Тушѣ кроваваго вина цшшь не достшало нмѣ,
 Тушѣ докончили пиръ славно храбры Русичи,
 Попоиши свашы досыша, какѣ водшїся,
 Сами въ полѣ полегли за землю Русскую.
 Вошѣ ошѣ жалѣсти поникла вся шрава въ лугахъ,
 Обдлїлись цѣшны лазоревы росю слезѣ,
 Ошѣ печали преклоншїся древа къ земли.

Не веселая година встала, браше,
 Мракъ пущыни прикрываешъ силу Русскую!
 Встала въ воинствѣ обида внука Даждьбожа,
 На Траянову вслушила землю дѣвою,
 Лебедиными всплескала крылы на морѣ,
 Близко Дову восплескала, близко синяго,
 Пробудила времена вздремавши, шучныя.
 На поганыхъ пересшали Князи рашовашъ,
 Сшали брашу брашъ во мадосни завидовашъ,
 На себя ковашъ крамолу сами начали;
 А поганые со всѣхъ споронъ съ побѣдами
 Сшали часто находить на землю Русскую.
 О, далече зайде соколъ, бѣя пищъ у моря!
 Не кресишь полку ужъ храбра, полку Игоря.
 Жля и Карна раззоряютъ землю Русскую,
 Ушоляютъ ея жажду росой пламенной;
 Тушъ восплакали злочасныя жены, аркучи:
 „Милыхъ ладъ своихъ ни мысляю намъ смыслити,
 Ни очами поглядѣшь, ни думой вздумати;
 А ужъ злата и сребра не пошрепашъ въ вѣвъ.“
 Кіевъ сповешъ, а Черниговъ, браше, бѣдствуешъ!
 Разлилась шоска великая по всей земли,
 Пошла печаль глубокая средь Русскія.
 А Князья кушотъ крамолу пуще прежняго,
 А поганые по бѣлкѣ емлютъ дань съ двора,
 Раззоряшъ въ конецъ приходивъ землю Русскую
 (Спящу аьгошу пробудили Свяшославичи);
 Залчили ея всѣ раны Свяшославъ было.
 Хищныхъ варваровъ Подовцевъ онъ грозою былъ;
 Укрошилъ было ихъ буйство Всеволодовичъ,
 Пришопшалъ яруги, холмы сильной рашію;
 Ихъ взмушилъ озеры, рѣки, засушилъ ключи;
 А поганого Робыака отъ дуки моря,
 Изъ среды полковъ желѣзныхъ вихремъ вышоргнулъ,

И отвелъ во стольный Кіевъ въ полоду его.
 Тамъ Моравы, Венедицы, Греки, Ивмцы шамъ,
 Величающъ Свяшослава, кающъ Игоря,
 На словушой кшо Каялъ, быспрой рвченъкъ,
 Пересѣлъ въ сѣдло кощя изъ злаша сѣдла,
 Къмъ въ пустыни пала многа сила Русская.
 И унынье, какъ осенняя ночь, шемная,
 И во гридницяхъ, и въ хижинахъ просшерлося,
 И изчезло благоденствіе градовъ и селъ.
 Свяшославъ же, Князь Великій, видѣлъ мушенъ соуб;
 Онъ рассказывалъ его своимъ Боярамъ шамъ:
 „Снилось мнѣ, что будшо, сѣ вечера во Кіевъ,
 Одѣвали меня черной паноломою
 На кроватѣ, на шесовой (ужь не гробъ ли шо?),
 И вино мнѣ подносили, сѣ ядомъ смѣшено,
 А на доно жемчугъ крушый (слезы) сынали,
 Самаго жъ меня дѣлали и ивжили;
 Ужь безъ кнеса въ злашверьхомъ доски шеремъ.
 А у Паѣска ночь всю вороны прокаркали,
 На болоньи, гдѣ Кисая дѣбрь усѣлся;
 Чшобъ зловѣщымъ полешѣши къ морю синему!“
 И рекушъ ему Бояре мудры, Кіевски:
 „Полонила, Княже, шуга умъ Бояръ швоихъ!
 Се два сокола слѣшѣли со штала ошня;
 Заохѣлось поискашъ Тьмушороканы имъ,
 Иль испишь злашымъ шеломомъ Дону синяго.
 Имъ приѣшали Половцы крильца саблями,
 Ноги спушали пушинами желѣзными.
 Въ шрешій день шѣлны погасели два багряные,
 Въ ясный полдень два померли солнца свѣшныя,
 Сѣ ними мѣсяцы младае два зашмилися;
 На рѣкѣ, Каялъ быспрой, помрачился свѣшъ.
 А Половцы, какъ голодио гѣздо, пардуже,
 По земли просшерлись Русской, жгушъ, зоряшъ ее;

Буйства придало ихъ Хану одолѣнье то ;
 Цѣль конца опустошеньямъ и насильствамъ ихъ.
 Сверху древа дивъ злобщій свертся на землю,
 Русскимъ золошомъ звенящъ дѣвицы Готскія,
 Моря синяго по берегу вьюща пѣсни ихъ;
 Въ нихъ поющъ месь Шураканю, время Бусово;
 А для насъ, швоей дружины, ищъ веселія!“
 Тушъ злшое Свяшославъ Князь слово выронилъ
 (Со слезой оно гѣрючей было смѣшено):
 „О родные вы мои, о Свяшославичи!
 Гано начали искаши славы въ полѣ вы,
 Гано начали Половцовъ избивашъ мечемъ;
 Вы нечесно одолѣли, кровь ихъ пролили.
 Въ васъ сердца изъ харалуга жесшва слованы,
 Калены они решивы въ дикой буесши ;
 Ахъ! что сдѣлали съ мовми сѣдинами вы?
 Гдѣ Черниговски Ковун, Ярослав, мой брашъ?
 Гдѣ союзна изъ Могушовъ и Тамрановъ рашъ?
 Изъ Шельбировъ и Топчановъ гдѣ полки швои?
 Гдѣ Ревуги и Ольберы? я не вижу ихъ.
 Безъ щиповъ они съ винжалами стремяща въ бой,
 Кликкомъ рати побждающъ сопрощивныя ,
 Славой предковъ превзойши хошашъ безспрашныя;
 „Мы дѣлами будемъ славны, а не предями!“
 Говорящъ они, и идущъ по слѣдамъ ошцовъ.
 Сшарику помолодѣши, брашъ, диво ли?
 Высоко взбиваешъ соколъ, ищщъ линиячи,
 Не даешъ онъ имъ въ обиду своего гнѣзда.
 То бѣда, что ошъ Князей не жди пособія;
 Времена други восшали, измѣнилось все!“
 Се у Римъ кричашъ подъ саблями поганымъ,
 Володимиръ же чу швовешъ ошъ кровавыхъ ранъ,
 Сыну Глббову шоска, печаль великая.
 Князь Великій, Всеволодъ, что не помыслишь шы

О защитѣ злата стола, ошеческа?
 Раскропишь, буй шурь, ты можешь Волгу веслами,
 Довѣ желѣзными шелома можешь выльятии;
 Ты давно смиришь бы гордость Половецкую,
 По ногашь бы ихъ жены продавалися,
 И ихъ пльицы по рѣзани малы дѣщица.
 Ты живыми шерешире, сыны Глббовы,
 Удалями, можешь посуху сирѣляши, Князь!
 Ты, буй Гюрече, Давиде! ваши плаваюшь
 Во крови враговъ шелома позлащенные;
 Какъ израненые саблями палеными
 Скачушь шуры, вашъ рыкаешъ храбрый въ полѣ поавъ.
 Во зланыи сиремь вешунише, Князи храбрые,
 За обиду вы вешунише сего времени,
 За пльи Игорева, за раны Святославлича!
 Ярославе, Осмомысле хисрый, Галицкый!
 На столѣ сидишь высоко златокованномъ,
 Подперъ ты полки своими горы Угорски,
 Заснуишь ты Королю пушь, ты прешишь ему;
 До Дуная власшь просшеръ ты, заперъ входъ въ него.
 Ты шяжелы мечешъ бремены чрезъ облаки;
 Сшрахи, грозы швои, Княже, по землямъ шekuшь,
 Ошворяеши врага шы спольну Киеву,
 Ты, сирѣляеши въ Салтановъ земли дальниа;
 Во врага сирѣлай Кончака, въ Гзава варвара,
 За безчестіе сирѣлай земли всей Русскія,
 За пльи Игорева, за раны Святославлича.
 Ты, Романе и Мещиславе, Князи буи!
 Вы, какъ соколы, во буети шираешесь;
 Одолъшь, убишь хошише всяку пщицу вы;
 Вы исполнены ошваги, гордыхъ замысловъ;
 У васъ палорзы желѣзны, шлемы Римскіе;
 Васъ шренещушь земли дальни, сшраны ханскія;
 Деремела и Яшвяги ваши пльицы,

А Половцы и Лишва повергли коніи,
 Подклонили подъ мечи ваши главы свои.
 Но для Игоря лучи померкли солнечны,
 И не бологомъ срѣнило древо лишвіе.
 Ужъ по Роси и по Сулѣ дѣлашъ городы;
 И ужъ Игорева, храбра не кресишь полку,
 Слышишь, Княже, кличешъ Донѣ тебѣ, великій Донѣ!
 Онѣ зовешъ васѣ на побѣду, Князи Рускіе!
 И Ольговичи досѣли на кроваву брань.
 Всеволодъ, и Ингваръ Князь, всѣ шри Мстиславичи!
 Вы, пернашы шестокрильцы нехуда гвѣзда!
 Не побѣдами ль снѣжали вы могущество?
 Вамъ на что жѣ злашы шеломаы Ляци сулицы?
 Заградише входъ вы, Князи, во числѣ поле,
 Заградише вы шрѣлами смѣртноносными,
 Ошомшише за обиду земли Рускія,
 За плѣви Игоревѣ, за раны Свяшославлича.
 Кѣ Переяслави, подъ грознымъ кликомъ варваровѣ,
 Ужъ не кашинѣ Суда спруй своихъ серебряныхъ,
 И Двина шечешъ болошомъ кѣ древию Полошску.
 Харалужными своими позвонилъ мечи
 О Лишовскіе шеломаы Изяславъ единѣ;
 Пришрепалъ онѣ славу дѣду, и пришрепанѣ самѣ,
 Онѣ Лишовскими мечами во числѣ полѣ.
 На шравѣ кровавой лежа, и кончаяся,
 Онѣ вѣщаль:, шводу дружину приодѣли, Князь,
 Крилы пишицѣ, и полизали хищны звѣри кровь!“
 Такѣ единый (бращевѣ не было оббихѣ шумѣ),
 Такѣ единый, неощмщеный, неоплаканный,
 Изрониѣ изъ шѣла душу онѣ жемчужную,
 Черезъ злашое изрониѣ онѣ ожереліе.
 Гласы смолкли, и веселье помрачилось;
 Трубы шрубятѣ Городенскія, унылыя.
 Ярославъ и вси Всеслави внуци, буйные!

Днесь понизише свои знамена гордыя,
 И мечи свои вознише поврежденные;
 Вамъ ли свѣшлюю сіяши славою дѣдовскою?
 Вы красками своими первы начали
 Наводишь на землю Русскую поганые,
 Наводишь на жизнь Всеслава, дѣда вашего;
 Прежде было ли насилье оубѣ Половцовѣ шѣхъ?
 На седьмомъ Траяна вѣкѣ храбрый Князь, Всеславъ
 О любыхъ себѣ дѣвицахъ бросилъ жеребій;
 Подпершися клюками бодро, сѣлъ на кони онѣ,
 И помчался вихремъ къ Кіеву, и спружіемъ
 Онѣ дошнудся до злата пресшолъ, Кіевска.
 Люпымымъ звѣремъ поскочилъ онѣ изъ Бѣлаграда,
 Поскочилъ въ глухую полночь, мглой одѣвшись,
 Ошворилъ враша спривусами Новуграду,
 Помрачилъ сіянье славы Изяславовой.
 Поскочилъ съ Дудушокѣ волкомъ до Немизы онѣ;
 Не сионы на шой Немизѣ шелюшѣ головы,
 Харалужными молошашѣ цѣпы оспрыми,
 На кровавомъ шокѣ вѣюшѣ духѣ онѣ шѣла прочь.
 Напились берега Немизы кровью Русскою,
 Напились одѣшы сѣгомъ, льдомъ окованны ¹⁴⁹.
 Князь Всеславъ не зналъ покоя, людымъ судѣ шворилъ,
 Раздавалъ Князьямъ удѣлы, волкомъ рыскалъ въ ночь,
 Посѣвдалъ въ Тьмушороканѣ до курѣ изъ Кіева.
 Позвонили ему въ Подолскѣ къ зашрени,
 А онѣ слышалъ звонѣ во Кіевѣ; шаковѣ онѣ былъ!
 Но каковѣ разумѣнъ ни былъ, а онѣ бѣдѣ шрадалъ;
 И ему злату приѣвну вѣщій рекѣ Боянъ:
 „Каиѣ быхширѣ, гораздѣ кшо ни былъ, первый былъ мудрецѣ,
 Хощѣ бы пишицею лешалѣ кшо по поднебеси;
 Не минуешѣ онѣ однакожѣ суда Божія!“
 О, спонаши земли Русской, о, спонаши ей,
 Помянуѣвъ годину первую и Князей первыхъ!

Того стараго Владимира и въ старости ¹⁶³
 Не лзя было пригвоздиши къ горамъ Кіевскимъ.
 Отъ раздѣловъ погибашь, земле Русская,
 Но и шумѣ еще ты, машь буйшуровъ, славишься,
 Полный славою сыновъ швоихъ Дунай пещешъ!

Какъ въ глухомъ бору зегзицнш, Ярославниш гласъ
 Рано слышиши въ Пушивлѣ, на градской стѣнѣ:

„Полечу, рече, зегзицей къ ⁴Дону спиему,
 Омочу рукавъ бибрянный во Калѣ я,
 Обошру кровавы раны Князю на шѣлѣ.“
 Ярослава рано плачешъ, жалко аручи:
 „Вѣшре, вѣшре! ты чему насильно вѣши?
 Чему мычешъ, господине, спрѣлки хавскія,
 Мычешъ крыльцами своимъ шиховѣйными
 На любезныхъ мнѣ и милыхъ воевъ Игоря?
 Горь подѣ облаки шебѣ не мало вѣяши,
 Корабли лелѣя черны на синѣ морѣ;
 Какъ ковыль мое веселіе развѣялъ ты.“
 Ярослава рано плачешъ, жалко аручи:
 „Ты пробилъ, Дибире словушнчъ, горы каменны,
 Ты насневозъ земли пробилъ ихъ Половецкія,
 На себѣ суда лелѣялъ Свяшослава ты;
 Возлелѣй мою ты ладу, возлелѣй ко мнѣ,
 Да не слала бѣ къ нему рано слезъ я на морѣ!“
 Ярослава рано плачешъ, жалко аручи:
 „Солнце свѣшрое! ты всѣмъ еси шепло, красно;
 Ты чему просшре лучи свои горячіе
 На любезныхъ мнѣ и милыхъ воевъ Игоря,
 Луки имъ спряже въ безводнѣ полѣ жаждею,
 За спиной зашче имъ шулы крѣпкой шугою?“

Взволновалось море синее въ полуночи,
 Какъ шуманъ, просшрся сумракъ; Князю Игорю

Богъ пущь кажеть, наъ земли пущь Половецкія
 Въ землю Рускую къ злашу шолу, ошеческу.
 Свѣтъ зари погасъ вечерней, Игорьъ Князь не спитъ;
 Мѣришь мыслию поля онъ между Донами.
 Борзый конь гошовъ съ полночи, ржеть и шонаеть,
 Бьеть копышомъ съ нешеривня, и грызеть бразды;
 Вѣрный Овлуръ за рѣкою свиснулъ Игорю,
 Разумьшь велитъ онъ Князю, что давно пора.
 Кликъ и шопотъ раздался, поде стукнуло,
 Вежи двинулись за Княземъ Половецкія.
 Поскочилъ онъ горносшаемъ легкимъ къ просѣю,
 Бѣлымъ гоголемъ онъ поплылъ, сѣлъ на борзый конь,
 И пошекъ къ Донцу лугами онъ босымъ волкомъ,
 Полетѣлъ подъ мглами ушра яснымъ соколѣмъ,
 Избивая гуси, лебеди шаницами
 На обѣдъ себѣ, на завшракъ и на ужину.
 Волкомъ Влуръ пошекъ, стрясаючи росу съ себя;
 Надсадили Игорьъ, Влуръ своихъ добрыхъ коней.
 „Княже, Игорю, речеть ему Донецъ рѣка,
 Для тебя не мало славы и величія,
 Для Ковчака же досады и нелюбія;
 А для Русской всей земли веселья, радости!“
 Игорьъ, Князь речеть въ ошвѣтъ на шо Донцу рѣкѣ,
 „Развѣ мало чеспи шакже для тебя, Донецъ,
 Что лелѣялъ на волнахъ шы Князя, Игоря,
 Сшлалъ шраву ему шы мягкую, зеленую,
 Сшлалъ на серебряныхъ ему шы берегахъ своихъ,
 Одѣвалъ его шы, Князя мглами шеплыми
 Древъ развѣспешыхъ подъ сѣнію зеленою,
 Чайкой, гоголемъ сшерегъ шы на водѣ его,
 А на буйныхъ, рѣзкихъ вѣшрахъ легкой чернядью.
 Сшугна шакъ рѣка сердишая не дѣлаеть,
 Разбиваеть она шруги о кушты сдоп.
 Ростиславу зашворилъ Дивиръ шемны береги;

Горько плачешся по сыиѣ Ростислава мавшъ,
 И оиѣ шуги преклонилися древа къ землѣ,
 И уныли всѣ оиѣ жалобы въ лугахъ цѣвшы. “
 Не сороки шо шроскочушъ, вѣдшиѣ Гзаиѣ, Кончаиѣ,
 По слѣдамъ они шо вѣдшиѣ Князя, Игоря;
 Смолиѣ шшиѣ говорѣ, шекшомиѣ дяшлы кажущъ пушь къ рѣкѣ,
 Соловиѣ веселыиѣ пѣнъемъ свѣшъ повѣдающъ.
 „Разшрѣляемъ соколенка, рекъ Кончану Гзаиѣ,
 Газшрѣляемъ, коли соколъ ко гнѣзду лешиншъ.“
 „Пѣшъ опушамъ его мы красной дѣвицей.“
 „Чшо жь намъ пользы вѣшомъ, речешъ опашъ Кончану Гзаиѣ,
 Ни его у насъ не будетъ, и ни дѣвицы,
 И насъ въ полѣ Половецкомъ шшиѣ бышь почнушъ.“

На Кагана ходы шакже вѣщій рекъ Бояиѣ,
 Пѣсношворецѣ дней минувшихъ, Ярославовыхъ,
 Рекъ припѣву оиѣ разумну, дошшопамяшну:
 „Тяжело главѣ безъ плечъ бышь, безъ главы плечамъ!“
 А безъ Игоря бышь худо Русской всей землѣ;
 Соляце на небѣ, а въ Русской Игорь Князь земли.
 На Дунаѣ распѣваюшъ красны дѣвицы;
 Черезъ море вѣюшся пѣсни ихъ до Кіева.
 Игорь вѣдешъ къ Пирогощей по Боричеву;
 Вся земля полна веселія и радѣсти,
 Грады Русскіе ликуюшъ, пѣснь поюшъ Князьямъ.
 Чешъ и слава вамъ, Князья хриштолюбивые,
 Всеволодъ, буй шуръ! Владиміръ! Игорь, солъшио!
 Чешъ и слава и шебѣ, дружино храбрая,
 На поганые за Церковь побарающа!

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

(1). Такъ говорящъ перв. Изд. другіе самовидцы почине опредѣляющъ его древность, увѣряя, что онъ не старѣе былъ XVI вѣка (Сынъ ошечеш. LXX, 35).

(2). Дабы читатели имѣли понятіе о переводѣ А. С. Шишкова, я приведу его собственныя слова: „сего ради разсудилось мнѣ предложить, или паче *передѣлать* (одни Гомеры имѣющъ право *поправять* равныхъ себѣ; но передѣлывашъ Гомеровъ, какъ свѣтъ ученый спобѣ, никому въ голову не приходило) оную (пѣснь) такимъ образомъ, чтобы оставляя все красоты подлинника, безъ всякой, поколику можно, переменны словъ, невразумительныя мѣста *сократить* (что жъ пользы въ этомъ сокращеніи? они еще *невразумительнѣе* будутъ), или *пропустить* (гораздо лучше, безъ всякой порчи и думы), прочія же, пребывающія распрощанія, дополнить своими приличными, и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умщвованіями. “Соч. и перев. Рос. акад. ч. I, стр. 202. Въ самомъ дѣлѣ такое предложеніе приличнѣе назвашъ *передѣлкою*; только на что похожа будетъ еша *творческа* передѣлка?

(3). А не *стариннымъ*, *Русскимъ* языкомъ, какъ сказали въ заглавіи перв. Изд. и шѣмъ ввели многихъ въ заблужденіе, тогда какъ не говорили; сіе должны мы заключить изъ точныхъ словъ автора: *не льво ли ны бѣше, братіе, нагати старыми словеси?*

Одно ученое общество предложило для рѣшенія задачу, коей главная мысль заключалась въ слѣдующемъ: на какомъ языкѣ писано *Сл. о пол. Иг.* на древнемъ ли Славенскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій? На сіе можно бы не шутя, весьма коротко и удовлетворительно отвѣчать: ни на томъ, ни на другомъ: 1) что за древній языкъ, существовавшій въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія? не говорю о томъ, что наша библия переведена въ Моравіи (Исп. гос. Рос. I, стр. 250). Положимъ, что нѣкошорыя церковныя книги дѣйствительно переведены при В. К. Ярославлѣ Владиміровичѣ (Библ. Рос. 106); слѣдуетъ ли изъ сего, чтобъ до Ярослава (и даже до Владиміра) существовалъ другой языкъ? когда и отъ чего измѣнились оному? Мы видимъ, что Варяги, бывшіе народъ господствующій въ Россіи, едва ли оставили слѣды своего языка въ нашемъ; напрошивъ совершенно позабыли свой собственный, и черезъ два или три поколѣнія сдѣлались настоящими Славянами. Сверхъ того еще временъ Ярославовыхъ намъ остался памятникъ *Русская Правда*; ученое общество могло бы сличить словъ оной съ словомъ *Сл. о пол. Иг.* и тогда бы увидѣло, кошою изъ нихъ древнѣе. 2) Что за областныя нарѣчія? ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго, и развѣ Бѣлорусскаго, (а), сосна-

(а). И. М. Карамзинъ нацѣпываетъ еще *Суздальское* и *Новгородское*, Т. I, стр. 240; но въ первое зашло изъ

ившихся, когда сіи обласни опшоргнушы были опѣ Россіи вскорѣ послѣ нашествія Ташарѣ; а тогда опѣ Ильменя до Дибпра, шакже какъ нынѣ опѣ Невы до Камчашки; говорили однимъ языкомъ. Разница въ выговорѣ и нѣсколькѣ словъ, принадлежащихъ одной какой либо губерніи, не сосзавляютъ еще особаго нарѣчія.

Но что сказашь о намѣреніи одного изъ переводчиковъ Сл. о пол. Иг. извясняшь смыслъ онаго словами, взятыми изъ языковъ: Польскаго, Чешскаго, Кроашскаго, *Виндійскаго* (надлежало бы: Виндскаго), Далмашскаго, *Корніольскаго* (надлежало бы: Карніольскаго), Сорабскаго

неизвѣстнаго языка только нѣкоторыя слова, а въ послѣднемъ вся разница едва ли не въ одномъ выговорѣ, на пр. *лодія, розбой, Черниговѣ, чернецѣ*, вмѣсто: ладія, разбой, Черниговъ, чернецъ. Онѣ самѣ приводятъ словаученаго Чеха, Добровскаго: „ежели отмѣны въ двухъ или трехъ нарѣчіяхъ могутъ бышь подведены подѣ общія правила одной Грамматики, то ихъ не должно счишашь разными нарѣчіями, хошя нѣкоторыя слова иначе произносятся, и нѣкоторыя имѣють смыслъ особенный. Но ежели два нарѣчія существенно не согласны въ Грамматикѣ, тогда признаю ихъ разными.“ Иеш. гос. Рос. Т. I пр. 242.

Даже нѣкоторыя окончанія какой нибудь части рѣчи, несходныя съ общимъ употребленіемъ, не суть еще особое нарѣчіе; шакъ въ Костромской губерніи вмѣсто шворинель. над. употребляютъ дашель. ешо сдѣлано не *рукалѣ*, онѣ слабѣ *ногалѣ*, и пр. но кто жѣ употребляетъ? невѣжество; слѣдуетъ ли изъ сего, чшобѣ было Костромское нарѣчіе?

(Лаузицкаго), *Босницкаго*, или еще *Босненскаго* (надлежало бы: *Боснійскаго*) и *Рагузскаго*? Какое отношеніе имѣютъ сіи *девять* языковъ, особливо *нынѣшній* Польской, погда еще не существовавшій (есть то же, что извѣснѣе Лашинской языкъ Гиспанскимъ или Французскимъ), въ языку, которымъ писано Сл. о пол. Иг.? почти такое же, какое кометы въ нашей Атмосферѣ. Если нѣсколько словъ, исчезнувшихъ въ нынѣшнемъ Русскомъ (на пр. *кметъ*, *ярецъ*, *колонь*, *туръ*, *зезица*), сохранились въ Польскомъ, послѣдуетъ ли изъ сего, чтобы была возможность Сл. о пол. Иг. объяснять симъ послѣднимъ? Я едва имѣю повліяніе о Польскомъ языкѣ; но вотъ нѣсколько примѣровъ, доспащочныхъ, кажется, для убѣжденія въ справедливости сего замѣчанія: 1) въ Сл. о пол. Иг. и *нбгють* (отъ *нбга*: *нбгю*, *нбговать* и *нбжу* *нбжитъ*; такъ отъ *годъ*, *лѣшо*, *пора*: *годю*, *неупотреб.* *годовать* и *гожу*, *годить*), то же, что *нбжатъ*; Г. Пожарскій толкуетъ, что это Польское *пегује*, *прошиворѣчу*, спорю (спр. 68); но сіе очевидно происходитъ отъ Лашинскаго *него*, отрицаю, не признаю. 2) Г. Пожарскій пишетъ, что *каать* на Польскомъ языкѣ *каіас* (выг. такъ же *каать*) значить *жалть* (спр. 67); но простонародное *хаать*, *хулить*, *порицать*, *осуждать*, есть то же, что старинное *каать*, отъ котораго происходитъ *окальной*, *осужденной*, *проклятой*. 3) Попольски: *тили*, то же, что порусски: *или* (спр. 40); но въ перв. изд. *тили* неправильно напечатано слышно (надлежало бы *порознь*: *ти*, *ли*), а

зи, или еще ци, значивъ развѣ: „а гидиво ся, брашіе, стару помолодиши?... ци есьмо не Князи же?“ 4) *И на каницу, зелену наполому постла* Г. Пожарскій прелагаетъ: и на шелковое зеленое покрывало положила, полкуя, что Подское кани значивъ шелковой гервь (снр.62); но каницу очевидно описка вмѣсто коцину, конскую. Рѣчь о Князѣ, Борисѣ Вячеславовичѣ, убишомъ въ сраженіи, кошорого шѣло, видно, было положено на конскую попоу или чепракъ.

(4) Въ прешьемъ изданіи (Г. Пожарскаго) прибавлены новыя ошибки къ спарымъ: распекашешса, пѣлки, Свяшславицю, сѣ нихъ; Русицы, прегородиша, възграяну, храбрыя, рѣда, Яшвази, Рускихъ, Свяшславица; вмѣсто: *растѣшешса, пѣлки, Свяшславицю, въ нихъ, Русицы, преградиша, възграяну, храбрая, рѣда, Яшвази, Рускихъ, Свяшславица*. Теперь, естли каждой издашель будеть прибавляшь, а не *убавлять* ошибки; въ какомъ видѣ предшанеть Сл. о пол. Иг. предъ нашихъ правнуковъ?

(5) Вопреки общему мнѣнію, я почиаю Сл. о пол. Иг. писаннымъ въ началѣ XIII вѣка (см. пр. 171). Геродотъ, кошорому въ первой годъ Пелопонесской войны было 53 года, родился за 483 года до Р. Х. (см. Авла Гелмія, XV, 23); а испорикъ сей пишеть, что Гомеръ и Гесиодъ спарѣе его 400 лѣтъ (Исп. II, 53). Слѣдственно разстоянія между Гомеромъ и Пѣвцомъ Игоря будеть около 2100 лѣтъ.

(6) Война Каледонявъ съ Римлянами продолжалась до самой смерти Императора Сеп-

пимія Севера, копорой и умеръ въ Йоркѣ, въ 211 году по Р. Х. Вошъ эпоха Фингалова; ибо полагаюшъ, что *Каракулъ*, копорого Оссіанъ называетъ *сыномъ Царя Вселенныя* (см. поему: *Комала*), есть Каракалла, сынъ сего Императора, бывший при оцѣ своемъ въ Британіи (шакого великаго полководца, каковъ былъ Каракалла, мудрено ли побѣдитъ Царю Морвена?). Фингалъ не былъ тогда еще женатъ на Роскранѣ, матери Оссіановой; а сей, извѣстно, сочинялъ поемы свои въ самой глубокой старости; слѣдственно жилъ, вѣроятно, въ исходѣ III вѣка. Такимъ образомъ разстоянія между Оссіаномъ и Швцомъ Игоря будетъ около 900 лѣтъ.

(7) Вошъ сіе мѣсто по переводу Коспрува (см. поему: *Сраженіе съ Каросомъ*): „его бесѣды были столь же мрачны и непонятны, сколь мрачно повѣствованіе о предкахъ нашихъ, доколѣ духъ Бардовъ не озарилъ еще временъ прешекшихъ.“

(8) Блеръ, слѣдуя Макферсону, называетъ Фингала и Темору *эпическими поемами*; но они, говоря его же словами, также составляютъ піпическую исторію вѣка Фингалова; слѣдственно также *историческія*.

(9) Сему мѣсту подражалъ В. А. Жуковскій въ посланіи своемъ къ *Воейкову*:

О вѣшеръ, вѣшеръ! что ты вѣшеся?
Ты не ошъ млага несешься,
Ты не принесъ веселья мѣ;
Играй съ косашкой въ вышивъ,

По поднебесью съ облаками,
 По снью море съ кораблями,
 Спрѣлу пернашую ошвѣи
 Ошв друга, радости моей.

(10) Т. е. старымъ или древнимъ языкомъ; какой же епо былъ *старой языкъ*? Славенской или церковной, каковымъ въ самомъ дѣлѣ Сл. о пол. Иг. большою частію писано (а). Сей языкъ, которымъ въ Россіи *никогда* не говорили (б), со времени введенія Христіанской вѣры, сдѣлался книжнымъ языкомъ, пошому что былъ подведенъ подъ правила, тогда какъ Русской былъ нарѣчіе, совершенно необразованное, которымъ писать ни одному автору въ голову не приходило. Но какъ правила Славенскаго

(а) Однимъ словомъ такимъ же, каковымъ писаны древнѣйшія лѣтописи: *Новгородская, Киевская, Волынская*, въ концѣ найдешь и шѣ же старинныя, Русскія слова; но натурально, что Сл. о пол. Иг. понимаешь гораздо труднѣе. Въ немъ, какъ въ произведеніи Поезій, слова часто употреблены не въ собственномъ, а переносномъ смыслѣ, а и собственной ошв древности не всегда ясенъ.

(б) Переселеніе Славянъ съ Дуная на Днѣпръ и на Волховъ необходимо должно было измѣнить первоначальное произношеніе, а съ сѣ нимъ вмѣстѣ и Грамматикѣ Славенскаго языка. Н. М. Карамзинъ не станешь отрицать, что Русской языкъ родился ошв Славенскаго; но слѣдуя его повѣствованію, что Славяне Дунайскіе оставили свое древнее отечество на сѣверѣ (т. е. на Волховѣ), гдѣ нашель ихъ Св. Апостолъ Андрей (Ист. гос. Рос. I, стр. 50, 56), выходилъ напрошивъ.

языка не были собраны вмѣстѣ, и имъ надлежало учиться не изъ Грамматики, а изъ прилѣжнаго чшенія священнаго писанія, по писавшіе, не шверды были въ оныхъ, и больше или меньше сбивались на Русское, живое нарѣчіе, чему мы видимъ убѣдительный примѣръ въ нашемъ авторѣ, которой именно говоритъ, что онъ хочетъ воспѣвать старымъ языкомъ, и пошчасъ сбивается на новой, на пр: *о пѣлцу, по быликамъ, лебедей*; пославенски надлежало бы: *о пѣлцѣ, по былиномъ, лебедій*. Но цѣлолюбо слова, цѣлыя выраженія находимъ Русскія: *заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла. . . Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала. . . вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, и пр.*

(11) Перв. Изд. перевели *трудный* прискорбный; А. С. Шишковъ шакъ извѣсняетъ сіемѣшо: „не непристойно намъ будешъ, братіе, начашъ повѣшпованіе наше о походѣ Игоря шѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена описывались многшрудные подвиги.“ Но гдѣ ешо въ подлинникѣ? *трудный* употреблено въ собственномъ его значеніи; мы говоримъ: *трудное дѣло, трудное предпріятіе*, ш. е. пребывающее *труда*, а всякое сочиненіе пребуешъ онаго.

(12) Здѣсь и еще въ другомъ мѣстѣ (за обиду сего времени) ясно видно, что пѣвецъ Игоря воспѣвалъ современное ему происшествіе, даже едва ли самъ не участвовалъ въ походѣ. Слѣдующія слова заспаваютъ сіе подозрѣванъ: *что ми шумить? что ми звенить давегя рано предъ зорали?* . . . здѣсь авторъ, описывая Каяльское

сраженіе, говоришъ именно о себѣ; слова его могутъ приняты быти въ спрогомъ, историческомъ смыслѣ. Отъ того похвѣ сей павъ возвеличенъ въ глазахъ его, отъ того повѣствованіе его согласно по свѣдѣніямъ, по свѣдѣніямъ лѣтописцемъ; мнѣніе сіе кажется больше, нежели догадка.

(13) Сокращенное причастіе гл. *вѣмь*; но *вѣщій* (въ смыслѣ: *вѣщая* или *зловѣщая птица*) есть также сокращ. прич. гл. *вѣсто*, вѣщаю, отъ котораго происходишъ древнее, знаменитое *вѣте*, и новѣйшее *вѣщунъ*. Упошребительная и нынѣ частица *вѣтъ* или *вѣтъ* (въ нѣкоторыхъ словахъ и Великороссіане *ѣ* произносяшъ, какъ *и*, на пр: свѣдѣшельство, *свидѣтельство*; дѣша, *дитя*) есть также сокращеніе неопред. накл. гл. *вѣмь*, и отъ *вѣтъ* происходятъ: старинное *вѣтство*, колдовство (Исп. гос. Рос. I, пр. 506); *вѣтія* или *вѣтія*, краснобай, орашоръ; *вѣтійство* или *вѣтійство*, краснорѣчіе; *вѣтійственный* или *вѣтійственный*, краснорѣчивый.

(14) Пер. Изд. перевели:, памяшно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на спядо лебедей пущеннымъ: чей соколъ долеталъ, тому прежде и пѣснь начиналася.“ Здѣсь пѣни нѣшъ подлинника; что слово, но ошибка. А. С. Шишковъ думаешъ, что ето былъ *обыгай*, существовавшій между Князьями, что они, бѣдивши на соколиную охоту, бывшую всегда любимымъ увеселеніемъ нашихъ Князей, рѣшали такимъ образомъ споръ: кому напередъ должна быти воспѣша въ похвалу пѣсня (причи-

ной сему пер. Изд. они перевели: копорой *сей*, ша или пу, въ древней Славенской Грамматикѣ виниш. пад. сходенъ съ имениш. *толу*); но Романъ Красный, убитый въ 1079 г. не могъ веселиться на охотѣ съ дѣдами своими, Ярославомъ Спарымъ и Мспиславомъ Храбрымъ, умершими: первой въ 1054, второй въ 1036 г. а особливо прославился какимъ либо подвигомъ, чшобъ бытъ воспѣшу на ряду съ ними. Г. Пожарскій полагаетъ, что обычай сей наблюдался *между Славенскими стихотворцами* (причиной сему оцять пер. Изд. они перевели: *это повѣдая о какомъ либо сраженіи*); но сіе мнѣніе должно бытъ основано на Исторіи, копорая молчитъ, чшобъ при дворахъ нашихъ Князей были пѣсношворцы, также какъ у Кельшовъ Барды, или у Скандинавовъ Скальды; мы знаемъ только двухъ: Бояна и Пѣвца Игорева. Г. Бупковъ одного мнѣнія съ Г. Пожарскимъ; но къ сему прибавляетъ онъ, что Сл. о пол. Иг. писано не однимъ авторомъ, а *многими* (мысль спранныя, но не новая; Нѣмецкіе ученые почитали Иліаду, также писанную не Гомеромъ, а рапсодиспами), составлявшими общество пѣсношворцовъ, подобное не нашимъ ученымъ обществамъ, а обществу *Кягаковъ* или Черкесскихъ пѣсношворцовъ; доказательства же его: 1) авторъ въ началѣ поэмы говоритъ:., не лѣно ли *ны* бѣше братіе;“ но такъ говоритъ всѣ авторы, ш. е. во мн. числѣ; а напрошивъ нѣсколько авторовъ вмѣстѣ не скажутъ:., что *ми* шумишь? что *ми* звенишь?“ *братіе* же естъ обращеніе, или къ пріятелямъ, или ко всѣмъ вообще

Русскимъ. 2), „А мы уже дружина жадни веселія;“ и еще: „а чи диво ся, братіе, спару помолодиши?“ но сія дружина и сіи брашя сушь не пѣснопворцы, а Кіевскіе бодре (Вѣст. Евр. СХХІ, спр. 111, и слѣд.). Чинашели припомняшв (см. выше, спр. 28), чшо авторѣ сравниваетъ десяшь першовѣ Бояна св десяшью соколами, а спруны со стадомъ лебедей; *полнаше, пуцаше, пояше* естѣ прешіе лице и ошносися кв Бояну. Смыслъ ясенъ: *пѣснь поаше; кшо? Боянѣ; кому? старому Ярославу, храброму Мъстиславу, красному Роману* (шеперь мы знаемъ по крайней мѣрѣ кого пѣлв древнѣйшій Русской бардѣ). Сверхъ того должно замѣшисъ, чшо Боянѣ шогда пускалв десяшь соколовѣ (ш. е. вскладывалв десяшь першовѣ на спруны; здѣсь аллегорія), когда вспоминалв рѣчь или сказаніе первыхъ временѣ. Далѣ: *который соколв дотегаше, та преди пѣснь поаше* (авторѣ продолжаетъ аллегорію; но соколв значивъ уже не першв, а сказаніе), которое сказаніе вспоминалв онѣ, шу напередѣ пѣсно пѣлв; но естѣлибѣ онѣ такимъ образомъ выразился, шо сіе было бы и проза, и повшореніе; а шеперь и спихошворно, и замысловашо.

(15) Касожскій Князь, Редедя, исполнив и богатырь (*бѣ бо великѣ и силенѣ*, Библ. Рос. спр. 101), по обычаю пѣхѣ Гомеровскихѣ временѣ, вызвалв Мспислава на единоборштво; сей, поборовѣ Редедю, зарѣзалв его ножемъ, и вѣ слѣдствіе сдѣланнаго между ними напередѣ условія, пѣлвилв его жену и дѣшей, а на Касоговѣ наложилв дань. Сіе происходило вѣ 1022 году.

(16) Древніе Касоги суть нынѣшніе Черкесы; Императоръ Конспаншинъ Багрянородной, писавшій около 948 года, кладетъ спрану *Касахю*, названную такъ отъ народа *Касаховъ*, у самой подошвы Кавказскихъ горъ, шамъ, гдѣ живущъ Черкесы, коихъ спрана раздѣляется на верхнюю и нижнюю Кабарду (Nord. Gesch. 521). Осепинцы и нынѣ ихъ зовущъ древнимъ именемъ Касаховъ (Исп. гос. Рос. I, спр. 172), сами же себя Черкесы называютъ *Адигами* и *Аделами*, ш. е. *островными жителями*; поелику живущъ частію по островамъ нижней Кубани (Опис. въ Рос. госуд. общ. нар. II, 49), а *Черкесъ* есть слово Ташарское, составленное изъ *геръ* дорога, и *кесмень* опрѣзашъ (а); слѣдственно прямой смыслъ онаго *разбойникъ*. Аравіяне Черкесовъ называютъ *Мелехи* (Nord. Gesch. 519), изъ копорыхъ мы Европейцы сдѣлали *Мамелюковъ*; такъ одинъ и тотъ же народъ бываетъ иногда извѣстенъ въ исторіи подъ разными именами.

Отъ сихъ *Касоговъ* или Черкесовъ Н. М. Карамзинъ выводилъ имя и происхожденіе *казаковъ* (Исп. гос. Рос. V, спр. 393); вопреки сему замѣшимъ: 1) казаки никогда не составляли на-

(а) Сіе пишеть пушешественникъ Клапротъ (Вѣст. Евр. XIV, 5); Фишеръ думалъ, что *Черкесъ* испорчено изъ *Кергесъ* (такъ называется пушешественникъ Губрувинскъ Черкесовъ), которое слово будшо по же, что *Киргисъ*, и на Ташарскомъ языкѣ значить: смертъ, мужикъ, голь, бѣднякъ (Nord. Gesch. 411).

рода, а издревле были родъ войска, или общесства военныхъ людей, и первое ихъ учрежденіе находимъ въ Рязани (Исп. гос. Рос. V, пр. 321). 2) Омъ Касоговъ, покоренныхъ Свяшославомъ I въ 966 году, до *Рязанскихъ казаковъ*, упоминаемыхъ въ Лѣтописяхъ подъ годомъ 1444, прошло 478 лѣтъ, разстояніе времени и мѣста слишкомъ далеко, и кромѣ ничтожнаго сходства имени нѣтъ никакого отношенія. Правда Воскресенская Лѣтопись (II, 21) уничтожаетъ сей промежутокъ, увѣряя, что древніе, *гермие Клобуки*, подъ коими разумѣлись Торки, Берендеи, или Берендичи, и даже Печенѣги, суть то же, что *Черкасы* (или Черкесы); но ещо должна бытъ новѣйшая вставка (чему въ Лѣтописяхъ естъ множесство примѣровъ); ибо слово *Черкесъ*, какъ я уже сказалъ, естъ Ташарское, и Русскіе безъ сомнѣнія омъ Ташаръ научились шакъ называть Касоговъ. Въ нынѣшнихъ *Кара-калпакахъ* надобно искать древнихъ, черныхъ Клобуковъ; ихъ имя поже значить, и у нихъ естъ преданіе, что дѣды ихъ живали нѣкогда въ восточной Россіи (Рычк. Оренб. поп. I, 173, 174). 3) Слово *казакъ* естъ Ташарское, а пошому и учрежденіе сего войска находимъ послѣ нашесствія Ташаръ; соплеменные имъ Киргисы сами себя называютъ *Сара-кайсаки*, т. е. *степные казаки* (Опис. въ Рос. гос. общ. нар. II, 115). Одна Ташарская пѣсня, сочиненная въ Сибирѣ на смерть пѣши Ермаковыхъ казаковъ, убитыхъ въ сраженіи, начинается шакъ: *янымъ, янымъ, бишъ казакъ!* т. е. *воины, воины, пѣшь казаковъ* (Сиб. исп. Мил. 185)! слово сіена Ташарскомъ

языкъ значить человека, у котораго нѣтъ семьи, или постоянного жилища (Сиб. Исп. Фин. 59); почто въ семъ же смыслѣ говорится: *онъ вольной казакъ*. Въ крестьянствѣ *казакъ*, *казакига* называется вольной работникъ, или работница. 4) Ежели казаки назывались *Черкасы*, то по городу *Черкесы*, что на Днѣпрѣ, бывшему первоначальнымъ жилищемъ Запорожскихъ казаковъ; а не потому, чтобы они были родомъ Черкесы или древніе Касоги.

(17) Хотя здѣсь инструмента и не названъ, но кромѣ гуслей бытъ некакому; извѣстно по Исторіи, что Славяне, по крайней мѣрѣ Балтійскіе, еще въ VI столѣтіи славились искусствомъ играть на гусяхъ (Изв. Виз. исп. I, 52), да и самой инструмента изобрѣшенъ Славянами, и названіе его находишь въ одномъ ихъ языкѣ.

(18) Въ Бѣлоруссіи и нынѣ говорятъ: *онъ рогозить*, *хохочешъ*; воды *рогозуть*, громко шумяшъ; громъ *рогозить*, сильно гремишъ (Сл. о пол. Иг. Пож. 33). Державинъ въ своемъ *водопадѣ* употребилъ *грохогетъ* въ томъ же самомъ значеніи:

Грохогетъ эхо по лѣсамъ,
Какъ громъ, гремящій по горамъ.

Въ крестьянствѣ *грохотомъ* называется деревянная машина, на которой кашаютъ ячмень или пшеницу, чтобы чище были; при чемъ происходитъ шумъ, отъ котораго машина и называется грохотомъ. Отъ этого же вѣроятно

произошло названіе *гороха*, чпо онъ шумитъ ,
когда ссыпаютъ его.

(19) Въ Славенскомъ языкѣ *цмѣ* значитъ *мысль* ; пакъ въ Евангеліи отъ Матѣея ,
XXII, 37: „возлюбиши Господа, Бога своего
всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душою своею,
и всею *мыслию* своею;“ отъ Марка, XII, 30: „и
всѣмъ *цмю* своимъ;“ XII, 33: „и всѣмъ *разу-*
момъ;“ въ Нѣмецкой библии во всѣхъ прехъ мѣс-
тахъ: gemüth. Г. Пожарскій переводилъ (за-
мѣшьте: въ прозѣ для ясности): *перепоясалъ*
цмѣ крѣпостию; но *истягнутъ* въ Славенскомъ
языкѣ значитъ: испытывать, извѣдать, опробо-
вать, *истяжи мѣ*, пс. CXXXVIII, 28, prüfe mich,
try me, sondez moi.

(20) Игорево войско состояло изъ пяти пол-
ковъ, шестой былъ сводной изъ сирѣковъ (см.
пр. 48), и всѣ они были конные (см. пр. 60); но
прудно опредѣлишь число воиновъ въ каждомъ.
Вѣроятно ихъ было не больше (если не мень-
ше) 10000 Грековъ, которыхъ краснорѣчіе Ксе-
нофонта учинило безсмертными.

(21) Подъ годомъ 1114 въ лѣтописяхъ ска-
зано: „бѣгаша Половцы съ Торки и съ Печенѣги
у рѣки Дону, и сѣкошася два дни и двѣ ночи,
и придоша Торцы и Печенѣзи къ Володимеру.
(Ист. гос. Рос. Т. II, пр. 218).“ Слѣдст-
венно вошъ когда Половцы ушвердились на
Дону, прогнавши ошшуда Торковъ и Печенѣ-
говъ, Тьмушороканъ же опняли они у Русскихъ
вѣроятно ранѣ; ибо послѣ 1094 года обѣ немъ
уже не упоминается. За рѣкою Хоролемъ, впа-
Ж

дающимъ въ Псоѣ, начинались кочевья Половцевъ; вошъ какъ близко были оныя отъ самаго Кіева, и какъ удобно Половцамъ было жечь и грабить Россію, гдѣ въ первой разъ явились они въ 1055 году. Сей варварской, Азіатской народъ вышелъ изъ обширныхъ степей близъ Каспійскаго моря, и былъ единоплеменный Печенѣгамъ, съ которыми говорилъ даже однимъ языкомъ (Изв. Виз. исп. IV, 174), Туркоманамъ (у Нестора *Торкменямъ*), Торкамъ (Библия. Рос. 145), и Моголамъ (Исп. гос. Рос. III, стр. 234). Путешественникъ XIII вѣка, монахъ Рубруквисъ пишетъ, что они сами себя называли *Каншамъ* (см. его *voyages* въ Бержерон. изд. стр. 26), то же, что *Кипгакъ* (въ Уфимскомъ уѣздѣ есть родъ Башкирцовъ, и нынѣ такъ называющихся, см. Сиб. исп. Фин. стр. 26), которое названіе Абулгази даетъ вообще всѣмъ народамъ, обитавшимъ между рѣками: Ураломъ, Волгою и Дономъ, и причисляетъ ихъ къ Ташарамъ (см. его *Hist. des. Tat.* 45, 47); между шѣмъ извѣстно, что Моголы и Ташара совершенно различной породы, и несходны между собою ни языкомъ, ни наружностію: первые суть братья Калмыкамъ, а послѣдніе Туркамъ. Вотъ какъ трудно разбирать происхождение народовъ, и означить съ точностію вѣдши одного корня; а мы хотимъ узнать дословѣрно, какой именно народъ древніе разумѣли подъ именемъ Скиѳовъ и Сарматъ. Слово *Половцы* есть Русское, и происходитъ отъ гл. *половить*; ибо они безпрестанно приходили грабить и ловить въ пѣлѣв. Гре-

ки называли ихъ *Команами*; Несторѣ св омерзениемъ ошзывается обѣ ихъ нравахъ (Библ. Рос. 14).

(22) Въ лѣтописяхъ причина сего похода такъ описывается: „въ шо же лѣшо (по лѣш. по Кен. сп. 1186) здумаша Ольговы внуцы, занеже бяху не ходили шого лѣша со всѣми Князьями (см. пр. 87); но сами поидоша особѣ, рекше: ци есьмо не Князи же? пойдемъ, шакожѣ собѣ хвалы добудемъ.“

(23) Когда союзники Маія 1 пришли къ Донцу, шо сдѣлалось шакое необыкновенное, солнечное зашмѣніе, чшо днемъ видны были звѣзды; оное такъ описано въ лѣтописяхъ: „мѣсяца Маія въ 1 день, на память святаго пророка Еремея, всреду на вечерни бысть знаменіе въ солнцы, шемно бысть вельми, и сие бысть больши часа, яко и звѣзды видѣши, и во очію бѣ у человекѣв зелено; а солнце сошворися, аки мѣсяцѣ, и изъ рогѣ его, аки огонь палящъ, изхожаше: и бѣ видети зело спрашно, и ужаса исполнено знаменіе (лѣш. по Ник. сп. II, 247).“

(24) Дружину Князя сосшавляли его *Бояре*, *Отроки* или *дѣтскіе*, и *Гридни* или *мезеноши* (опѣ Шведскаго слова *gred*, мечь); такъ ниже Кіевскіе бояре говорятъ В. К. Свяшославу III: *а мы уже дружина жаднивеселія!* ш.е. а мы, (швоя) дружина, хошимъ еще веселья! Однимъ словомъ изъ дружины сосшоялъ Княжеской дворѣ, опѣ коего произошло и слово *дворянинѣ*; а не опѣ шого, чшо крешьянскіе дворы за службу жаловались.

Н. М. Карамзинъ замѣчаетъ, что слово *дворяне* въ лѣтописяхъ употреблено въ смыслѣ придворныхъ, въ описаніи 1174 г. (Исп. гос. Рос. III, пр. 22).

(25) Происходитъ отъ древняго гл. *тети*, сѣчь, бишь: „Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на ручай; 12 мужа прислави *тети* жезліемъ.“ Несш. Исп. гос. Рос. I, пр. 459.

(26) Сія и послѣдующія Игоревы слова: *ахощу главу свою приложити, а либо испити шелоюмъ Дону!* ш. е. паду, или буду на Дону (а)! напоминаютъ крашкую, но сильную рѣчь знаменитаго предка его, Святослава I: „уже намъ не камо ся дѣши (дѣшья), волею и неволею спаша прошиву, да не посрамимъ земли Русьскыя, но ляжемъ кошми шу; мертвыи бо срама не имушь. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но спанемъ крѣпко; язъ же предѣ вами пойду. Аще моя глава ляжеть, по промышлайше о собѣ (Исп. гос. Рос. I, пр. 403).“ Никогда вымыслъ не возвысился до такой силы.

(27) Въ перв. изд. было: *спала Князю чъмь похоти*; авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать въ двойсп. чис. но пославенски надлежало бы: *спадостѣ*, или *спалѣ естѣ Князю чъмь похотѣ*. Нынѣ говорятся: у него охота *спала*, пропала; вода

(а) Кажется чего бы простѣе и яснѣе; но Г. Пожарскій написалъ цѣлыя двѣ страницы изъясненій, и наконецъ изъяснилъ такъ; „хощу главу свою приложити къ тому, чтобы пріобрѣсть землю Половецкую, или напиться шлемомъ Дону (стр. 40).“

спала, упала, сбыла; но въ шпарину спали похоти значило: вспали, припали желанія (какія?) *искусити Дону великаго* (шакъ надлежало бы словамъ сполышь, сего перебуесть естественной порядокъ мыслей; но вѣроятно писцы перемѣшали), опивдашь (воды изв) Дону великаго; а не *щастья извѣдать* на Дону, какъ перевели пер. Изд. поелику Игорьъ ниже говоришь: *а любо испити шеломоль* (воды изв) *Дону*. Конечно ето буквальной смысл; но кому, кажется, придетъ въ голову, что Игорьъ предпринялъ походъ на Донъ шолько за пѣмъ, чтобъ опивдашь или напишься Донской воды. Далѣе: *и жалость* (въ Славенскомъ языкѣ значить стремленіе, рвеніе; горячность: „*жалость* дому швоего свѣсь мя, Иоан. II, 17;“ сіе же самое мѣсто, на которое здѣсь въ Евангеліи ссылака, во Псалмири переведено: „*ревность* дому швоего свѣде мя, пс. LXVIII, 10.“) *ему знаменіе заступни*, и (геройское) стремленіе заслонило ему знаменіе, ш. е. заспавило пренебречь; а не *уничтожило* его, какъ перевелъ Г. Пожарскій. Можешь ли рвеніе уничтожить зашмѣніе? И въ Кіев. лѣш. Игорьъ на слова своихъ бояръ: *се есть не на добро!* говоришь: „братіе и дружино! шайны Божія шипно же не вѣсть, а знаменію шворецъ Божь и всему міру своему; а намъ что свшворипъ Божь, или добро, или наше зло, а шо намъ видѣши (Исп. гос. Рос. III, пр. 69).“ Клеомброшь, полководецъ Лакедемонскій, въ подобномъ случаѣ не былъ шакъ разсудшеленъ и неуспрашимъ; онъ шакъ испугался зашмѣніа (въ 480 г. до Р. X.), онъ котораго среди бѣла дня сдѣлалась шьма, подоб-

ная ночной (Herodot. VII, 37), что бросил войско, и через несколько дней умер.

(28) Здесь *славы* будет швор. пад. ибо имениш. *оба поля*; что ж автор разумет под обоими половинами *сега* (замышле: не древяго) времени? думаю: поход Игоря и возвращение его из пльна. *Сивая славы*, увивая славами, ш. е. увбковчивая в пьсни своей подвиги Игоря; да и по смыслу, кажется, по же; ибо автор говорит выше: *абы ты сія плькы цщекоталъ*. Перв. Изд. дали симб словам совершенно произвольной смысл:, сравнивая славу древнюю с нынешним временем. “

(29) В Сл. о пол. Иг. упоминается в чешырех мьсах о *Троля*; пер. Изд. никак не могли догадаться, кто такой *Троля* (Проч. пьсьн, стр. 6). Н. М. Карамзин справедливо замьшил, что это Римской Император Траян, завоевавший Дакію, что *тропа Траянова* (А)

(А) *Ся тропа* или *дорога Траянова*, как действительно она названа в одной простонародной пьсни, сочиненной во время войны с Турками, при Императрице Екатерине II:

На развѣтъ было вь середу,

На дорогѣ, на Траяновой,

Подшли мы близко къ лагерю (Карман. пьсен.).

есть земляной валъ, вь ных мьсах и понь вь сажень вышиною; одна ошрась его или направление, почти параллельное Дунаю, и примьнное на разстояніи 110 верств, упирается вь Прушь выше селения Колюбаши; другая ошрась идешь берегомъ Дьвщровскаго лимана, и вверх по Дьвщру до Каушанъ; наконецъ

есть *via Trajani*, изображенная на Сульцеровой карте Валахия, и идущая от берегов Дуная до Пруша и далее на Воспок по южной России, что *вЪги Трояновы*, какъ было вЪ перв. изд. есть описка, а надобно *сЪги*, и что отъ временъ Траяна до Всеслава прошло гораздо болѣе седми вѣковъ; но 1) лѣточисленіе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель Сл. о пол. Иг. могъ также ошибиться; или 3) число 7 есть описка (Исп. гос. Рос. I, пр. 69). Н. М. Карамзинъ не сказалъ только, что такое *земля Троянова*; но ешо есть Дакия, которую Славяне видно такъ называли отъ имени ея завоевателя; но авторъ, не зная настоящихъ ея границъ, распространилъ ее до самаго Дона. Слѣдственно вЪ началѣ II вѣка (Траянъ царствовалъ 98—117 г. по Р. X.) Славяне жили уже вЪ Дакии, гдѣ вѣроятно вмѣстѣ съ Гетами, вели сіи несчастныя войны противъ Римлянъ, продолжавшіяся пять лѣтъ (the Hist. of

шрешя, простирающаяся почти на 100 верствъ, разграничиваетъ собственно такъ называемую Бессарабію, или Буджакъ, съ Молдавіею, и также упирается въ Прушъ между Лекю и Леовымъ (Ошеч. зап. Свин. VI, 245, и слѣд.). Гиббонъ думалъ, что ешо вЪ самомъ дѣлѣ была военная дорога (a military road); но ешо было, вѣроятно, укрѣпленіе, подобное Антонинову валу вЪ Шотландіи.

Г. Пожарскій полкуетъ оная, что *тропа* на Польскомъ, Чешскомъ и Кроацкомъ языкахъ значить *войско*; вѣримъ, но на что намъ искать вЪ сихъ шрехъ языкахъ значенія слова *тропа*, когда оно есть вЪ Русскомъ, всякому извѣстно, и сверхъ того согласнo съ историческимъ смысломъ.

the decl. and fall of the rom. emp. I, 7), и спольнамяшныя для нихъ, что они считали, видно, годы съ сей пагубной для нихъ эпохи. Симъ удовлетворительно объясняется явное и большое сходство Славенскаго языка съ Лапшинскимъ и Нѣмецкимъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 245, 246; Готы въ III спольнѣши жили также въ Дакіи). Изъ Дакіи Славяне въ продолженіе пяти спольнѣши разселились до моря Бальшійскаго и до рѣки Ельбы, а не *отъ оныя до моря Адриатическаго, Мореи и Азіи* (Исп. гос. Рос. I, стр. 29, ш. е. что и Анпы, жившіе по берегамъ Азовскаго моря, пришли оштуда же; народы переходили изъ Азіи въ Европу, а не изъ Европы въ Азію), на чемъ основана вся система Н. М. Карамзина о Венедяхъ вопреки спочному свидѣтельству правдолюбиваго Неспора (Б).

(Б) „По мнозѣхъ же временехъ (по разбѣянн народѣ) сѣли сушь Словене по Дунаеву, гдѣ ешь Угорская земля (Венгрія) и Болгарская земля, и ошѣ шѣхъ Словенѣ разыдошась по земли, и прозвашась имены своимъ, гдѣ сѣдши на какомъ мѣстѣ (Библи. Рос. стр. 6).“ Сіе ясное сказаніе Неспора Н. М. Карамзинъ почтительнъ *взятъ мѣ изъ Византійскихъ историковъ*; а доказательство: *кажется* (Исп. гос. Рос. I, стр. 50); но съ такою легкостію не лзя ошверганъ свидѣтельство ошца Русской Истории. Въ его время могло бытъ общее преданіе, что Славяне въ Россію пришли съ Дуная; мы видимъ, что подобное преданіе о вровавыхъ, Траяновыхъ сѣчахъ въ Дакіи, сохранилось слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ (а).

(а) Даже то, что авторъ Сл. о пол. Иг. ошибочно считалъ вѣки, прошедшіе ошѣ Траяна до Всеслава, и называетъ его

Времени сего довольно будешь не только для

И. М. Карамзинъ шоржесшвенно отвязался рѣшить вопросъ: *откуда и когда Славяне пришли въ Россію* (Ист. гос. Рос. I, стр. 52; но онъ рѣшенъ Песторомъ); а все для того, чтобъ Славяны произвели отъ Венедовъ, отъ кошорыхъ самъ же онъ производилъ Лашышей (въ чемъ я совершенно согласенъ): „когда Гошеы удаались къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Бальшійскаго, смѣшались шамъ съ ошашками первобытныхъ жителей, ш. е. съ Гошеами, начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвались *Латышами*, или обитателями земель расчищенныхъ, ибо *лата* знаменуетъ на Липовскомъ языкѣ расчищеніе (Ист. гос. Рос. I стр. 58).“ Гошы удались къ предѣламъ Римской имперіи въ половинѣ III столѣтія, а Греческой землеописателю, Птолемей, жившій во II столѣтіи, пишетъ, что уже въ его время Венеды жили на юго-восточныхъ берегахъ Бальшійскаго моря (6). Имя Венедовъ очевидно испорчено изъ *Вендовъ*, ш. е. что Римляне узнали оное отъ народовъ Гевшонскаго племени, и Венеды первоначально безъ сомнѣнія были Славяне; но послѣ, когда испорчили языкъ свой (в), и прозвались Лашышами, свой-

Троляномъ, Дакію же распространяетъ до самаго Дона, и даетъ ей свое названіе: земля Тролянова, служить въ пользу преданію; ибо показываетъ, что оно родилось отъ Славянъ. Я не знаю, почему бы можно его опровергнуть?

(6) Т. е. въ Пруссіи, Курляндіи и Лифляндіи (Nord. Gesch. стр. 170), гдѣ и нынѣ опшашки живутъ попомки ихъ Лашыши. Во время Плинія и Тацита, или въ I столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы и граничили къ Югу съ Дакією (Ист. гос. Рос. I, стр. 15); слѣдственно въ продолженіе столѣтія подвинулись они далѣе къ Сѣверу, а не къ Югу или къ Адриатическому морю ближе (Ист. гос. Рос. Т. I, стр. 29).

(в) Языкъ Лашышскій есть испорченной Славенскій, шамъ

сего расселенія; но и для приобрѣтенія бѣлизны

свѣнно ли называшъ ихъ Славянами, и шакимъ образомъ смѣшивашъ народы и вѣки? Когда мнѣ говорять о Венетахъ, шо я понимаю Тацисовыхъ и Пшолемевыхъ Венетовъ, или потомковъ ихъ Лашышей; а не Венетовъ Нѣмецкихъ, или вообще Славянъ V и послѣдующихъ столѣтій.

Робертсонъ прекрасно говоритъ въ своей the History of America, II, 29: those regions of conjecture and controversy belong not to the historian; his is a more limited province confined to what is established by certain, or highly probable evidence, ш. е. область догадокъ и споровъ не принадлежитъ историку; его владѣнїе ограничивается тѣмъ, что достоверно, или что очевидно бѣроятно. Здѣсь напрощивъ: все основано на пущой догадкѣ Шлецера (г), что Венды, какъ называли Славянъ народы Тевтонскаго племени, искони жили на берегахъ Бальтійскаго моря и рѣки Ельбы (Nord Gesch. сшр. 9, 116, 535; при-

чно больше, нежели половина Лашышскихъ словъ суть числныя Славенскія, шакже и въ Грамматикѣ обѣихъ языковъ находится больше, нежели случайное сходство, на пр. гл. es dohmaju, азъ думаю; tu dohma, ты думаешь; wünsch dohma, онъ думаетъ; mehls dohmajaîn, мы думаемъ; juhs dohmajat; вы думаете; wînni dohma, они думаютъ. И Шлецеръ утверждаетъ, что древнѣйшій Славенскій языкъ есть Лашышскій (Nord. Gesch. s. 516, anmerk. e, f); слѣдственно первой произошла отъ послѣдняго. Оле ученой слѣпота!

(г) Самъ Шлецеръ, которому Н. М. Карамзинъ только что послѣдовалъ, говоритъ, что общее мнѣнїе о Венетахъ есть, что они пришли въ Германію и на берега Бальтійскаго моря въ V столѣтїи; но мнѣнїе сіе онъ отвергаетъ, какъ родившееся въ неисторическія времена, когда не умѣли различить ни происхожденїя, ни преселенїя какого народа, сдѣлавшагося въ послѣдствїи извѣстнымъ своими великими дѣлами, или собственнымъ именемъ (Nord. Gesch. s. 116).

лица и русыхъ волосъ (В), едва ли не главнаго

знаю *достовернымъ* сомнительное сказаніе Нестора, что св. Апостолъ Андрей доходилъ до мѣста, гдѣ нынѣ Новгородъ Великій, и нашелъ шамъ Славянъ (Ист. гос. Рос. I, стр. 50, пр. 70; развѣ Венедовъ? пошому что тогда имени Славянъ еще не было (д); а достоверное его сказаніе, что Славяне въ Россію пришли съ Дуная *солнительнымъ*.

Вообще все, что ни говорилъ П. М. Карамзинъ о Венедо-лашыхъ, наполнено сомнѣніями и прошиворѣчіями; да шамъ и должно бытъ, когда нѣтъ ничего вѣрнаго. Вездѣ: *ежели, вѣроятно, можетъ быть* (Т. I, стр. 15, 51; ешо ли языкъ историка?). Только утвердительно

(д) Ошъ Славянъ св. Апостолъ Андрей отправилъ къ Варягамъ, а ошъ сихъ въ Римъ (Библ. Рос. стр. 7); сіе сказаніе показываешь тольکو, что морскіе и сухопутные походы Варяговъ въ Грецію (о сихъ походахъ см. Nord. Gesch. cap. VII) во время Нестора въ Россіи были еще въ свѣжей памяти. О происхожденіи сказанія вошъ что говоритъ Шлецеръ: „Ипполитъ, ученикъ Иринея, первый сказалъ, что св. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангеліе Скивамъ и Тракамъ; а Оригенъ, Дороевъ и Никифоръ увѣряють въ томъ же самомъ. Всѣ разумѣли подъ Скивіею неизвѣстную землю выше Тракіи, и ближайшую къ Понту; но какъ черезъ нѣсколько сошъ лѣтъ начало разсѣпашъ на Сѣверѣ, и сей новой свѣшъ назвали древнимъ именемъ частицы онаго, Скивіею, шо св. Апостолъ Андрей долженъ былъ путешествовашъ изъ Корсуна въ Кіевъ, и изъ Кіева въ Новгородъ (окончавія сказанія Шлецеръ, видно, не зналъ), и первый обращать Русскихъ и Славянъ (Nord. Gesch. 211).“ Впрочемъ нашъ Геродотъ не взялъ на свою душу сего сказанія, принесъ дань своему вѣку, передалъ намъ его (также, какъ басню Юрья Тароговича, что нѣмой языкъ Югра шрепшй годъ просѣкаетъ гору, и просѣкъ тольکو небольшое окошечко (Ист. гос. Рос. II, пр. 64), оговорю *однакожъ*: „яко же рекоша.“ Какой же кришкы больше шребовашъ отъ уединеннаго жшпелъ мирной кельи въ XI вѣкѣ? Байеръ въ XIII приложилъ печашъ утвержденія къ сему сказанію (Ист. гос. Рос. I, пр. 66); а Г. Исто-

доказательства Евроейскаго происхожденія
Славянъ (Г).

и сказано: что еще въ самой глубокой древности, *лѣтъ за 450 до Р. Х.* (ш. е. во времена Геродота) было извѣстно въ Греціи, что литарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Ериданъ впадаетъ въ Сѣверный океанъ, и гдѣ живутъ Венеды (Т. I. снр. 14); вошъ сіе мѣсто, вѣроятно переведенное пзв Nord. Gesch. снр. 8: „онъ самъ (Геродотъ) не зналъ ничего вѣрнаго объ ешой самой крайней шпорой Европы, кромѣ того, что нѣкошорая рѣка, ошъ варваровъ называемая Ериданъ, западешъ въ море къ Сѣверу, ошкуда, какъ сказывали, шолъ литарь (гдѣ же Венеды и Сѣверной океанъ? (е);“ и еще въ другомъ мѣстѣ: *Венеды еще до временъ Филипповыхъ были уже извѣстны на берегахъ моря Бальтійскаго* (ш. I, пр. 52 (ж); но ешо шо же, что Венеды исконы

ріографъ въ XIX пользуется онымъ для сооруженія системы своей о Венедо-лашыхъ, отвергая въ шо же время другое подобное сказаніе Нестора, что св. Аношолы, Павелъ и Андроникъ, были шаже учителями Славянъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 305). Онъ самъ говоритъ: „люди знающіе (ш. е. Шлецеръ; жаль, что онъ не воспользовался его дѣльною кришикою) сомѣвающія (соезъмъ не вѣрашъ) въ истинѣ сего Андреева путешествія (Исп. гос. Рос. I, пр. 66);“ на что жъ онъ почитаетъ его истиннымъ?

(е) Надобно сказать, что Геродотъ не имѣлъ понятія не только объ Ериданѣ (кошорое названіе Греческое, и выдуманное стихошворцами) и Пруссіи; но и справахъ Европы, лежащихъ къ западу ошъ Чернаго моря. На пр. онъ пишетъ, что рѣка Испръ вытекаешъ изъ города Пирены, что Кельшы жили за Геркулесовыми шолбами на самомъ краю Европы, и что Испръ течешъ посреди оной (Nord. Gesch. s. 3. anmerk. k.), ш. е. онъ предшавлялъ Европу длинною полосою земли, простирающеюся ошъ Востока къ Западу, посреди коей текъ Дунай, выходящій изъ Пиренейскихъ горъ; ибо въ имени города Пирены безъ сомѣнія скривающія сіи горы.

(ж) Противорѣчіе: выше сказано, что Венеды заняли юго-восточные берега моря Бальтійскаго въ половинѣ III шолѣ-

Но откуда Славяне пришли на Дунай? Здѣсь

жили на берегахъ Бальшійскаго моря, и шакже досто-
вѣрно, какъ древнее преданіе Славенскихъ народовъ о
Сынѣ Филипповомѣ (3).

Слѣдующія мысли неволью заставляють кришну
взлаться за перо (замѣшше: въ Логикѣ, шакже какъ въ

шій; ибо въ сіе время Гошы удались къ предѣламъ Римской
имперіи.

(3) Такъ названа нелѣпая сказка объ Александрѣ Великомѣ,
внесенная невѣждами въ лѣтописи (Исп. гос. Рос. I, пр. 70), а
нашоящее древнее преданіе о Траянѣ названо сказкою (Исп. гос.
Рос. I, стр. 51). Правда самъ Н. М. Карамзинъ говоритъ: „и мно-
гіе вѣрили симъ нелѣпостямъ;“ но въ пр. 69. сказано: „объ Алек-
сандрѣ Великомѣ см. пр. 70, шакже Спанислав. Сарницк. Appa-
les Polovogum, кн. II, стр. 377, Мавра-урбина Исторіографію
народа Славенскаго, стр. 3, и Раича Исторію разныхъ Славен-
скихъ народовъ, изд. Вѣнскаго, I, 5;“ слѣдственно и на сіи не-
лѣпости ссылака. Я не знаю, что Мавро-урбинъ, Сарницкій и
Раичъ пишутъ о дѣлахъ Александра Великаго съ Славянами; но
увѣренъ, что кромѣ басенъ пишашъ имъ нечего. Спрашно шак-
же, что Н. М. Карамзинъ, называя находящееся въ Сл. о пол. Иг.
преданіе о Траянѣ сказкою, въ шо же время защищашъ его,
какъ истинное.

Замѣшимъ, что въ пр. 70 между прочимъ сказано: „ скоро
ужасный моръ опустошилъ землю Словенскую (Новгородскую),
осшалные лишеди ушли на Бѣлыя воды, ш. е. Бѣлоозеро или
Тинное озеро, и назвалия Весою, другіе на Дунай къ древнимъ
племенамъ своимъ, а въ Словенскѣ (небываломѣ городѣ) и въ
Русѣ обшшали шогда одни дикіе звѣри. Черезъ нѣкоторое время
Словени возвращались на берега Волхова, и привели съ собою
многихъ Скивоовъ и Болгаровъ; но скоро Бѣлые Угры явились
къ спранѣ ихъ и раззорили оную до конца. Тогда Словени Чер-
номорскіе, услышавъ о раззореніи отечественной земли своей,
опяшь пришли шуда, и пр.“ Не шо ли же самое пишешъ Н. М.
Карамзинъ въ своей исторіи: „но вѣроятно, что Славяне, уг-
нѣшвенные ими (Болгарами), опчасши дѣйствительно возвра-
тились изъ Мизіи къ Сѣвернымъ своимъ единоземцамъ (Т. I, стр. 31).“

мрачный свѣшпильникъ Кліи не озаряетъ болѣ

Машемашикъ, одна истина происхождаетъ изъ другой; а нусшья предположенія ведушъ къ шаковымъ же заключеніямъ): „но если и добродѣтели, и пороки *народные* всегда происходишъ отъ иѣкошорыхъ особенныхъ обшюяшельствъ и случаевъ, шо не можно ли заключишъ, что Славяне были иѣкогда облагошворены иностранцами, что признашельность вселила въ нихъ любовь къ гощепримству, а время обрашло его въ обыкновеніе и законъ священный? . . . Здѣсь предшавляющія мыслямъ нашимъ славныя Финикіане, кошорые за иѣсколько вѣковъ до Р. Х. могли торговашъ съ Бальшіисими Венедями, и бышъ ихъ насшавниками въ счасшавныхъ изобрѣшеніяхъ ума гражданскаго (Ист. гос. Рос. I, 60).“ Какое уваженіе къ нашимъ заключеніямъ послѣ сего будушъ имѣшъ чпшатели (не говорю уже о торговлѣ Финикіанъ съ Венедями, ничѣмъ недоказанной)? Сѣмя добра насаждено въ сердце наше самимъ Творцемъ; гощепримство свойственно всякому необразованному народу; ешо добродѣтель, украшающая общество больше въ младенчествѣ, нежели въ совершенномъ возрастѣ. Древніе Евреи, Греки, Каледонцы и Славяне сшоль же священнымъ почитали гощепримство, какъ нынѣшніе Аравшане, Черкесы и Черногорцы.

Но пора кончишъ ешо длинное и для другихъ ушомшельное замѣчаніе; мнѣніе Н. М. Карамзина о Венедолашыхъ, или объ Европейскомъ происхожденіи Славявъ, нимало не ошнпмаетъ надлежащаго достоинства у его исторіи. Жаль только, что онъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія послѣдовалъ Шлецеру, человѣку ученому; но упорному въ своихъ мнѣніяхъ и присшрасшному до крайности.

(В) Вошъ мнѣніе мое о происхожденіи слова Русь

миролюбиваго изыскашеля истины, вдохнув-

или *Русская земля*: Волховскіе Славяне прозвались шакъ ошѣ *русыхѣ* волосѣ; даже слова Нестора: „избрашася ѡ брашья сѣ родѣ своимъ, и *поша по собѣ всю Русь* (ш. е. раздѣлили по себѣ всю Русскую землю; тѣдѣшвенно она до нихъ еще шакъ называлася, а не то, что они забрали сѣ собою всѣхъ Русскихъ людей, ш. е. Варяговъ. Несторѣ сказалъ уже сѣ кѣмъ шри браша пришли кѣ Славянамъ: *сѣ роды своили*),“ какъ будшо прошиворѣчашѣ прежнему его сказанію: „и доша за море кѣ *Варягомѣ, Руси*.“ Память, ошѣ чего *Русь*, или Русская земля, получила названіе, совершенно погибла; ошало одно преданіе, что Варяги положили начало ей; шакимъ образомъ: *и отѣ тѣхѣ Варяговѣ, находниковѣ прозвашася Русь, и оттолѣ словетѣ Русская земля*. Не забудьше, что Несторѣ писалъ свою лѣшонисѣ спусшя 250 лѣшв послѣ сей эпохи; что помнимъ мы о Царѣ, Иванѣ Васильевичѣ? Всякое словесное преданіе смолкло.

Замѣшимъ, что почти всѣ имена Славенскихъ племенъ и самыхъ рѣкъ, гдѣ они усѣлись, упоминаемыя Несторомъ, могутъ бышѣ удобно произведены изъ Славенскаго языка; я приведу нѣсколько шакovýchъ примѣровъ: 1) *Днѣпрѣ* или *Днипрѣ* (Малороссіяне и нынѣ произношяшѣ *ѣ*, какъ *и*), ошѣ *дня* (начало *днь*, или *дни*; буквы *е*, и сушь измѣненія полугласной *ѣ*) и *прать*; поелику вода *претѣ* сѣ великимъ шстремленіемъ вѣ пороги, или каменя, лежащіе на *днѣ* (Зап. Зуева, стр. 255). 2) *Днѣстрѣ* или *Днистрѣ*, шакже ошѣ *дня* и *стирать*; поелику вода вѣ своемъ шстремленіи, вѣрояшно, *стираетѣ*, или ворошишѣ со *дня* каменя. 3) *Донѣ*, 4) *Дунѣ* или *Дунай* (*ай* прибавочной, ничего незначащій слогъ; можешѣ бышѣ прищѣвѣ), вѣ сущес-

шей въ него мысль пишашь сїи спроки; здѣсь

пшѣ одно и то же имя, и шакже происходшѣ отъ *днѣ*; буквы *о*, *у* сушь измѣненїя полугласной *ѣ*, на пр. *Вѣгѣ*, *Богѣ* или *Бугѣ* (а); *дѣбѣ*, *дубѣ* или *добѣ*, ш. е.

(а) Н. М. Карамзинъ пишешь въ своей исторїи, ш. 1, пр. 182: „Ломоносовъ (а за нимъ и Лексертъ), основываясь на повѣстїи Славянъ о божественности рѣкъ, думалъ, что самое имя Вышняго Существа, Богъ, происодшѣ отъ Буга, мысль совсѣмъ невѣроятная (напрощивъ слишкомъ вѣроятная; шакъ у Финновъ имя Вожїе Юмала произошло отъ главнаго идола ихъ Йомала; послїку надобно же было произвешїи изъ ихъ языка имя испшнїаго Бога, котораго они не знали)! Славяне поклонялись Творцу и Мїроправителю безъсомнѣнїя гораздо прежде, нежели рѣкамъ.“ Но чѣмъ онъ ешо докажешь? Проклїемъ; но была ли возможность секретарю Велисарїа изслѣдывашь духовныя мѣстїи варварскаго народа, котораго языка онъ даже не зналъ? Множешво Славенскихъ языческихъ боговъ, и въ шомъ числѣ имена рѣкъ Немизы (идоль Немиза поведывалъ вѣтромъ и воздухомъ; но имя его доказываешь, что онъ былъ изображенїе Немизы, или нѣкшнїаго Немецля) и Буга прошивное шому доказываюшъ. Можешь бышь Славяне (Дивировскїе) и воображали, что ешо было какое шо невидимое Существо, производящее громъ и молнїю, почему и назвали его Перуномъ (отъ гл. перу, см. пр. 125, бук. а, употребительнаго и нынѣ въ неопред. накл. перешь, и въ сложннхъ: уперешь, подперешь; а не отъ Индїйскаго праздника, Перушъ-Понголь, ш. е. Великій Понголь, Исп. гос. Рос. VШ, пр. стр. 129. Кшо доказалъ, что Славяне вышли изъ Индїи?); но чшобъ они присоединяли къ сему понятїю (слишкомъ философическїя для народа варварскаго) о Творцѣ и Мїроправителѣ, сего еще заключшъ не лзя. Короче, ешьлибъ они ихъ имѣли, шо понятїя сїи заключали бы въ самомъ словѣ Богъ, какъ у Евреевъ въ словѣ Іегова.

Вошъ еще доказательство, что Богъ и Бугъ одно и то же слово (напередъ замѣнимъ, что буква *г*, которая нынѣ имѣешь звукъ Латинской *g*, въ старїи произносилась, подобно *в*, на пр. *кдѣ*, вмѣсто *гдѣ*, см. Рус. Прав. Кза, вмѣсто *Гза*, шомъ

долженъ онъ спрансшвованъ въ шуманной

добль или *добрь* (буквы *л*, *р* измѣняющія одна на другую); *дѡхѣ*, *дохѣ* или *духѣ*; *вѣздѡхѣ*, *воздохѣ* или *воздухѣ*; *стѡль*, *столѣ* или *стулѣ* (Иеш. гос. Рос. II, пр. 555); *мѡшка*, *лошка* или *мушка*; *бѡй*, *бой* или *буй*; *мѡравь*,

же, что и *Гзакъ*, упоминаемый въ Сл. о пол. Иг. Кююкъ или *Каюкъ*, вмѣсто: *Гаюкъ*, см. Иеш. гос. Рос. III, пр. 71, IV, пр. 8; книга, вмѣсто: *гшига*, см. Спис. Рус. памят. стр. 57). Я нащель, что Славенская азбука, кромѣ просшаго названія буквъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ; первоначальное ихъ названіе, вѣроятно, было слѣдующее: *Азь*, *Букъ* (или *Бугъ*), *Вѣдю* (въ проспор. и нынѣ: *вѣду*), *Глаголю*, *Добро*, *Ешь*, *Живешь*, *Земля* *Иже*, *І*, *Како*, *Люди*, *Мыслень*, *Нашъ*, *Онъ*, *Покой*, *Рцу*, *Слово*, *Твердю*, и пр. ш. е. я Бога вѣдаю, глаголю: добро ешь (шому), живешь (въ древ. Слав. грам. вин. пад. сходень съ имениш. и живешь что, а не на чѣмъ) на землѣ кто и, какъ люди, мыслишь; нашъ Онъ (ш. е. Богъ) покой рцу, Слово (ш. е. имя Божіе; переводъ Греческаго *Логосъ*) швержу, и пр. Мысль весьма приличная для того, кто позналъ истиннаго Бога, и спалъ мыслишь, подобно людямъ, ш. е. посредшвомъ письма изображалъ свои мысли. Сей смыслъ Славенской азбуки давъ безъ сомнѣнія въ подражаніе Еврейской, въ которой св. Иеронимъ находилъ шансшвенной смыслъ (Hier. ep. ad. Paulam de alphab. hebr. ps. CXVIII).

Докшоръ Аншонъ производить слово Богъ ошь бѣгу, или бигу; по его мнѣнію бѣгъ, или движеніе Небесныхъ шѣлъ сообщило, какъ Грекамъ (*Θεός* также ошь гл. *Θέω*, бѣгу,) такъ и Славянамъ понятіе о Вышнемъ Существѣ. Конечно буква и измѣняется на о, и Богъ удобно можетъ бытъ произведено ошь бигъ; но странно, что два народа, такъ хитро и такъ согласно, мыслили при избобрѣшеніи слова Богъ, когда два человекъ рѣдко такъ согласно мыслятъ.

Говорить ли о производшвѣ слова Богъ Куменскаго лексикона (спр. 255) ошь богашъ? многосложныя слова происходять ошь односложныхъ, а не односложныя ошь многосложныхъ; и пошому гораздо вѣроятнѣе, что богашъ произошло ошь Богъ.

областни догадокъ и соображеній. Щасливѣвъ, моравъ или муравъ, шрава (ошъ ешого *мравій* или *муравей*, что въ шравѣ воднтся, а не ошъ *смурого* цѣвша, Изв. Рос. акад. IX, 92; кошорое древице: *мравій* или *муравей*? и пошому корня должно искашь *мравію*; да и *муравей* ближе къ *муравѣ*, нежели къ *смурой*). 5) *Дулѣбы* или *Долѣбы*, шавже *Дулѣбское* или *Долѣбское* озеро (Ист. гос. Рос. II, пр. 556), ошъ *дѣль*, дуль или долъ. 6) *Древляне* ошъ *дрѣвѣ*. 7) *Ильмерѣ* (шавъ въ древи. сп. Несшора), ошъ *ила* и *мѣрлять*; поелнку видно *мѣрляли* глубину дна его, кошорое *илогато*: при семѣ кшашни замѣвшшъ, что древнее названіе Волхова; шекущаго изъ сего озера, было *Мутная* (Ист. гос. Рос. I, пр. 70). 8) *Кривичи*, ошъ *кривь* или *крѣвѣ* (живущіе подѣ *кровоми* или въ шалашахъ); буква *и* или *ы* измѣняешся на *о*, на пр: *пливю* или *пльвю*, *плову*; *сливю* или *сльвю*, *слову* (ошъ ешого *словутой* или *пресловутой*); видимый, *видомый* (см. *Месія правдивый*, предмова, смр. 2), и всѣ прилагашельныя, кончащіяся въ Славенскомѣ языкѣ на *ій* или *ый*, а въ Русскомѣ на *ой*. 9) *Моравъ*, рѣка, по коей прозвалнсь народѣ и шрана *Моравъ* и *Моравія*, ошъ *Моравъ* или *Муравъ*, шрава. 10) *Полота*, рѣка, по коей прозвалнсь *Полочане*, ошъ *полоть* (шо же, что полишовски *лата*, расчищашъ; *по* предлогѣ, а корень *лотъ* или *латъ*). 11) *Поляне* или *Поляки*, ошъ *полей*. 12) *Поморяне*, ошъ *поморья*, морской берегѣ, кошорыхъ Пѣмцы преврашлн въ *ротт-г*; а мы уже въ новѣйшія времена въ *Померанію*. 13) *Сѣвера* или *Сивера*, ошъ сѣверной шраны или сѣвернаго, холоднаго вѣшра, называемаго и нынѣ въ просшорѣчн *сиверѣ*. Послѣ сего уже ли *Русь*, одно изъ главныхъ Славенскихъ племенѣ, сидѣвшее у Волхова, будешъ происходишь не изъ Славенскаго языка? или развѣ Финское *Руотсѣ*, или еще *Ротсѣ*, какѣ называютъ Финны Шведовѣ, имѣешъ болѣе сходшва съ *Русь*,

есшыли хошы нѣкій шускый лучь ввроаш-

чѣмь Славенское *русь* или *русѣ*? Городъ *старая Руса*, посироенной ввроашно до Гюрика, и рѣка *Порусьн*, въ Новгородской губернии, названнаа безъ сомнѣнн ошъ Славянъ при ихъ въ томъ краю поселенн, свидѣшельсшвуютъ шакже, что нма *Руси* извѣшно было прежде.

(Г) Гашшереръ ясно доказываетъ, что Язиги (Аланъ и Роксоланъ я не признаю нмъ единоплеменными) пришли изъ Азш въ Европу лѣтъ за 80 до Р. Х. (Ист. гос. Рос. I, пр. 20); слѣдешвенно, когда Прокопш и Мавршнш свидѣшельсшвовали о Славянхъ VI вѣка, что они *сѣб* русые волосомъ (хошы и нынѣ не льязшого сказашъ), шо пребыванню ихъ въ Европѣ мнвало лѣтъ 800. Въ сей першодѣ легко могли они, живши даже на берегахъ Дуная, ошъ смѣшенн сѣ Европейцами и ошъ суровосши климаша (Ренш и Дунай шогда шакже замерзали, какъ нынѣ Волга или Нева, the Hist. of the decl. and fall of the rom. emp. I, 285) пршобрѣшш русые волосы и Европейскую бѣлизну лица.

Въ Вѣст. Евр. СХ, 275, напечатана любопытная спашья о *Спорахѣ* и *Норикахѣ*, *древншхъ именовѣ Славянѣ*; сочинштель ея, Г. Бушковъ изьясняетъ Арменскимъ языкомъ названн *Спори*, кошорымъ по свидѣшельсшву Прокопш называлшсь прежде Славяне и Аншы (Изв. Виз. ист. I, стр. 15), и кошорое до сихъ поръ ошавалось безъ всякаго изьясненн. Г. Бушковъ указываетъ на жилища Споровъ въ Сѣверной или Кавказской Арменш, гдѣ нынѣ Тифлисъ, Ахалцигской пашалыкѣ, Сомхешш и Бамбеки; даале, что Геродотшвы *Саспирш*, жившше въ сосѣдешвѣ сѣ одной споровы сѣ Колахамш, а сѣ другой сѣ Мидамш (Геродотш. кн. VIII), и Аполлоншевы *Саспирш* (Аргонав. кн. II, стр. 597) едва ли не Прокопшевы *Спори*.

носпи опразися и прольшѣ на него дружественной свѣшъ свой.

Первое извѣстіе о Славянахъ въ Византійскихъ историкахъ находимъ подъ годомъ 495; они являюся народомъ сильнымъ и многочисленнымъ; одно ихъ имя показываешъ уже ихъ знаменитость, приобрѣтенную безъ сомнѣнія побѣдами. Сіе имя заспавляешъ шакже думашъ, что они не всегда носили оное; сверхъ того: какимъ образомъ очутился вдругъ столь многочисленной и знаменитой народъ, о которомъ прежде ни слова не упоминалось? Безъ сомнѣнія онъ извѣстенъ былъ подъ другимъ именемъ; *подъ какимъ же?*

Когда Плиній написалъ свою напуральную исторію въ 79 году по Р. Х. (L. IV, с. 25), по *Язиги*, варварской, Азіатской народъ, кочевали

Естьли Славяне въ самой глубокой древности назывались *Норици* (а не *Норики*; сіе будешъ происходишь ошъ страны *Норикулъ* или *Норикъ*, и значишь: жители *Норика*, кошорые были Кельшты или Галлы, Ист. гос. Рос. I, пр. 65), какъ пишешъ Несшоръ (Библ. Рос. стр. 6), то названіе сіе должно происходишь изъ ихъ языка (ошъ *норы*, *иць* же, или *ичь* ешь грамматическое окончаніе; шакъ: *Русиць* или *Русиць*, *Святъславлиць* или *Святъславличь*, и пр.) и значишь: *живущихъ въ норахъ* или *землянахъ* (нынѣ по шой же самой причинѣ *норкою* называется одинъ водоземной звѣрокъ), шо же, что Греческіе *Троглодиты*, или Арменскіе *Спори*, какъ шолкуешъ Г. Бушковъ. Миѣ могушъ возразишь: *почему жѣ Язиги не назывались Норицали?* вѣроятно по шому, что они спавляли уже *языкъ*, и жили не въ землянахъ.

на берегахъ Тибиска, или нынѣшняго Тейсса, въ Венгрии; во время же Спрабона и Овидія, назадъ пому лѣшб бо или 70, ш. е. въ 19 или 9 г. по Р. Х. повидимому жили они за Гешами, по берегамъ Чернаго моря. Сии Язиги, народъ многочисленной и воинственной, едва ли не были Славяне, и вошб доказательства: 1) ихъ имя чистое Славенское, нимаго неиспорченное Римлянами (Jazigae); 2) нѣшб ничего напуральнѣе, что Славяне, какъ самые грубые варвары (Д), не умѣли собшвенно назвашь себя, а назывались вообще *языкъ* или народъ, кошорое нарицательное имя Римляне обрапили въ собшвенное, пакже какъ Греки и самые Славяне, или правильнѣе *Славени* (какъ и дѣйствительнѣе пишущся въ лѣшописяхъ, кромѣ буквы о), прилагательное *славни* или *славные* (Е), какъ сами они назвались, сдѣ-

(Д) Прокопій пишешь, что они жили въ шалахахъ, въ безпорядкѣ разбѣянныхъ, въ бой ходили по большой части пѣшие, лашь никогда не носили, а иные сражались даже полунагѣ (Изв. Виз. исш. I, 14, 15).

(Е) Правда во всѣхъ древнихъ лѣшописяхъ называются *Словени*, въ Венгрии *Словаки*, въ Богемии *Словане*, въ округѣ Цилли, что въ Швейермакѣ, *Словенци*; но причиною сему Славенской выговорѣ, кошорой вообще на о, на пр: *Прове* (богъ суда), *Троянѣ*, *Коганѣ*, *Козары*, *Овары*, *олтарь*, *козакѣ*, *поганый*, и пр. вѣшею: *Праве*, *Траянѣ*, *Каганѣ*, *Хазары*, *Авары*, *алшарѣ*, *казакѣ*, *паганый*, и пр. въ лѣшописяхъ сряду вспрѣчаешся и въ просшорѣчн - говоршся: *Олексей*, *Ондрей*, *Онтонѣ*, *Овонасей*, *розбой*, *роздѣлѣ*, и пр. а что имя Славянъ происходшш ошб *славы*, шо доказываютшб: 1) народныя

лавшись въ послѣдствіи шаковыми черезъ свои

имена Русскихъ, Польскихъ, Чешскихъ, Сербскихъ и Моравскихъ Славянъ: *Святославъ*, *Ярославъ*, *Мстиславъ*, *Болеславъ*, *Мечиславъ*, *Владиславъ*, *Доброславъ*, *Самославъ*, *Вѣцеславъ*, *Влаславъ*, *Ростиславъ*, и пр. 2) Иностранные писатели, кои называютъ ихъ *Славяни*, *Склави*, *Спалавици*; первое явно *Славени*; ибо у Грековъ вѣшь ни одного слова, начинающагося съ Σλ (Nord. Gesch. 291).

Митрополитъ Сестреницевъ производилъ имя Славянъ отъ Греческаго *склавоу*, невольникъ: Язиги вооружили своихъ рабовъ для защищенія себя отъ Гошовъ; но рабы Язиговъ (вѣроятно ихъ пѣвики) обратили оружіе противъ своихъ господъ, и выгнали ихъ изъ обитаемой ими земли; почему Греки и назвали ихъ *Склави* (Ист. Цар. Херс. Тавр. II, 11). Предоешавля судишь чинашелямъ: сообразно ли съ чѣмъ нибудь шаковое производшво? я замѣчу: 1) Славяне были издревле народъ свободной и вольной: „*никому во всей вселенной не привести насъ себѣ въ подданство, говорилъ гордый ихъ вождь, Лавриша посламъ грознаго Баяна, требовавшимъ отъ него дани, а не шолько, чшобъ Славяне были рабами Славянъ же; мы обыкли у другихъ отнимать земли, а своихъ никому не дадимъ исторгнуть; доколь въ свѣтѣ не выйдутъ изъ употребленія меча и войны* (Ист. Виз. исш. I, 44).“ 2) Гошы перешли черезъ Дунай при Императорѣ Деціѣ въ самой половинѣ III вѣка, а Греки узнали имя Славянъ въ исходѣ V. 5) Древнѣйшіе Византійскіе историки: Прокопій Кесарійскій, Менадръ Проксхоръ и Теофилаитъ Симокаша называютъ Славянъ *Σκλαβηνοι* и *Σκλαβινοι*; слѣдственно вѣроятнѣе, что *Σκλαβι* сокращены или изпорчены изъ *Σκλαβηνοι*.

Во Французскомъ подлинникѣ (Histoire de la Tauride).

войны; 3) гдѣ и когда нахожу Языговѣ, шутѣ же

сочинишь производящѣ имя Славянѣ шакже отѣ славы (а въ переводѣ отѣ рабства; какая противоположность!): „во мнѣніяхъ о происхожденіи народовъ конечно больше заблужденія, нежели во всякомъ другомъ; ибо истина исчезаетъ въ ночи временъ; но четырнадцать вѣковъ прошло, какъ мы господствуемъ отѣ Тихаго океана до моря Бальшійскаго (Русскіе покорили Намчашку въ исходѣ ХVIІ; гдѣ жѣ шутѣ чешырнадцать вѣковъ?) вѣчно подѣ именемъ Славянѣ, производя отѣ славы, принадлежащей нашему языку (à notre langue). Иносстранцы не назвали бы насъ такимъ славнымъ именемъ (иносстранцы не знали нашего языка); по шой же самой причинѣ ошцы наши не осмѣлились бы шакъ назваться (Hist. de la Taogide, II, 13).“ Французской подлинникъ печашанъ въ Брунсвикѣ 1800, а Русской переводѣ въ С. Пешербургѣ 1806 года передѣ глазами самаго авторя; слѣдственно оной должно почтешъ шпорымъ, исправленнымъ изданіемъ. И шакъ я долженъ былъ почшешаго сочинишеля защищашъ отѣ него самаго.

Другіе ученые думаютъ, что имя Славянѣ происходишъ отѣ слова, и значишъ людей словесныхъ, что будшо они сами шакъ назвались въ противоположность *Нѣмцамѣ* (Вѣст. Евр. СІХ, 178), ш. е. *нѣмымѣ*; но сколько поняшє о словѣ просшо и ешешественно, столько о словѣ хшпро и искусшвенно. Народы варварскіе спрашсно любяшъ славу, и часшо хвашшавѣ народовъ просвѣщенныхъ; при шомъ мы называемъ *нѣмымѣ* и шого, кошорой лепечешъ или бормочешъ, шакъ что шрудно разобрешъ; и въ семъ шо смысль, я думаю, Славяне назвали Тешшоновѣ или Теушшей, *Нѣмцами* (слово весьма древнее; оно встрѣчаешъ уже въ Ярославовѣ уставѣ о лостахѣ, Пш. гос. Рос. II, пр. 108) :

и около того же времени нахожу Славянь (Ж); 4) въ концѣ V вѣка исторія замолчала объ Язигахъ (Ист. гос. Рос. I, стр. 18); въ то же самое время гремишь въ ней знаменитое имя Славянь.

Байеръ, сей вшорой Рудбекъ, между прочими своими мечшаніями (З), почишаешъ Рим-

Югра же языкъ есть ильмъ, ш. е. лепечущій, бормочущій (а не иноплеменный, Ист. гос. Рос. II, пр. 64; ешо полкуешъ Шлецеръ); здѣсь ясно, что *Ильмъ* происходишь отъ *ильмъ*, а не отъ Германскихъ *Нелетовъ*, о кошорыхъ Славяне вброяшно никогда не слыхивали.

(Ж) Около 79 года по Р. Х. Язиги пришли на берега Тейсса въ Венгрію; въ началѣ II вѣка Императоръ Траянъ воевалъ съ Гешами и Славянами (см. выше, стр. 105) въ Дакии. Сюда же относитъ Несторово сказаніе, что Венгрія издревле была жилищемъ Славенскихъ народовъ; почему преимущественно называется у него *Славенскою землею* (Ист. гос. Рос. I, пр. 65).

(З) Такъ почишаешъ онъ Ериданъ Геродотовъ *Западной Двиной*, а самое имя онаго происшедшимъ отъ небольшой рѣчки въ Пруссіи, *Рудены*, *Родауны* или *Раддуны* (и Шлецеръ съ важностію защищаешъ ешошь бредъ, Nord. Gesch. 8, anmerk. m); Чудъ Несторову *Скивами* (Nord. Gesch. 493; шеперь мы узнали кого древніе разумѣли подъ именемъ Скивовъ), Несторовыхъ же *Касоговъ казаками* (Nord. Gesch. 511, 526); основатель Кіева *Кія Кивомъ*, Готскимъ Царемъ, воевавшимъ въ Венгріи прошивъ Императора Деція (Ист. гос. Рос. I, пр. 71); Варяга Аскольда *діаромъ* или *діаромъ*, что значить: первое на Скандинавскомъ или Готскомъ языкѣ *вельможа*, *полководецъ*; вшорое на Козарскомъ или Турецкомъ *собраніе домовъ*. Несторъ не разумѣлъ ни поскандинавски, ни покозарски, и шакимъ

скихъ Язиговъ Русскими *Ясами* (Nord. Gesch. 511); Н. М. Карамзинъ къ сему мнѣнію Байера прибавилъ отъ себя доказательство, что въ Латинской надписи Адриановыхъ временъ (Императоръ Адрианъ царствовалъ 117—138 г. по Р. Х.), найденной въ Трансильваніи, Язиги, названы *Яссіями* (Исп. гос. Рос. I, пр. 388; на что жъ въ пользу своего мнѣнія превращаешь въ *Ясовъ?*). Очень вѣрю, что безграмотной Препфектъ, каковыхъ довольно было, есть и будетъ, превратилъ отъ невѣжества Язиговъ въ Яссіевъ; но чтобы побѣжденные въ 966 г. Свяшославомъ I *Ясы* были пѣже, чрезвычайно сомнѣваюсь; разстояніе времени мѣста слишкомъ далеко, и кромѣ ничтожна-

образовъ у него вышли два Варяга, Аскольдъ и Диръ (Исп. гос. Рос. I, пр. 282), дѣда Владимірова по матери (Ольгиной ключницы), Малка, *Мелхольдъ*, ш. е. *Царельдъ* какъ, значить ешо слово на Еврейскомъ и Арабскомъ языкахъ, Любечь же, откуда Малко былъ родомъ, Байеръ отодвигаетъ въ соседство къ Козарамъ (Nord. Gesch. 511); такимъ образомъ Владиміръ и по матери сшалъ Царскаго происхожденія. Имя Москвы отъ *москаго* (мужскаго; сшолъ *мостковъ* черезъ *рѣку Смородину*) монастыря, а *моской* отъ *мусъ* и *мусикъ*, мужъ, мужикъ (Исп. гос. Рос. II, пр. 501). Но ешо забавляешь чашащелей; и обѣ ешомъ человѣкъ Шлецеръ говоритъ: *явно заблуждаетъ; но остается тотъ же великій Байеръ* (irret augenscheinlich, und bleibt doch der grosse Bayer, Nord. Gesch. s. 319, англ. L; какое присстрашеніе!), а обѣ нашемъ знаменишомъ соотечественникѣ Ломоносовѣ: *никакой неученой Ломоносовъ* (kein ungelehrter Lomonossov, Nord. Gesch. s. 491, англ. J), Граммашку же его, которая и теперь изъ лучшихъ

го сходства имени (II), происшедшаго отъ порчи, между сими двумя совершенно различными народами не вижу никакого отношенія (I). Попомки Русскихъ Ясовъ, *Осетинцы* и нынѣ гнѣздящся въ Кавказскихъ горахъ; попомки Римскихъ Язиговъ, *Словаки* и нынѣ живущъ на Дунаѣ.

(30) Г. Волковъ думаетъ, что Велесъ есть пришлое къ намъ божество, и можетъ быть изъ сирянъ самыхъ опдаленныхъ, что Халдейской *Бель* и Германской (Гальской) *Беленцъ* одно и то же имя съ Славенскимъ *Велесомъ*, и что подъ

называешь *плохою* (eine elende Grammatik, Nord. Gesch. s. 531, англ. з; какая несправедливость!):

Tant de fiel entre-t'il dans L' ame des savants?

(II) Сходство имени ничего не значить, когда оно не подтверждено никакими историческими доказательствами; самъ П. М. Карамзинъ приводитъ етому примѣръ довольно забавной: „Шприштеръ думалъ, что *Ясы* столица Молдавіи построена народомъ *Ясали*; а Каншмиръ, шамшій уроженецъ, пишетъ, что ее построилъ Стефанъ V, Молдавской Государь, и назвалъ шайъ отъ бывшей на томъ мѣстѣ мѣльницы, коей хозяинъ прозывался *Ясій* (Ист. гос. Рос. изд. пер. IV, пр. 157).“

(I) Язиги то же, что *Яссин*; Яссин то же, что *Ясы*; Ясы то же, что *Алане* (Ист. гос. Рос. I, пр. 588); Алане и *Роксолане*, какъ очевидно происходить отъ одного корня: *алинъ*, поманжурски *гора* (Ист. Цар. Херс. Тавр. I, 425); при томъ же Гимские историчи удостоверяють, что всѣ три народа были одного Сармашскаго племени. Но есть ли второе же звено сей цѣпи порвалось, а Сармашы небывалое племя? то вся *система Язиго-алановъ* мгновенно рухнула.

онимъ разумѣлось *солнце* (Вѣсп. Евр. CVIII, 179 и слѣд.). Нѣшѣ, у Халдѣевъ *Бель* или *Виль* (а не *Вель*, какъ испорченно называетъ Г. Волковъ, чѣшбъ сдѣлашь изъ него *Велеса*) значило *Господь*, и они разумѣли подѣ нимъ Творца неба и земли, а не солнце (*Oeuvres complètes de Fréret*, XII, 9). Вразсужденіи Гальскаго Беленуса замѣчу: 1) религіи Галовъ и Славянъ не имѣютъ между собою никакого отношенія и нимаѣйшаго сходства; 2) по словамъ самаго Г. Волкова Беленусъ означало у древнихъ Германцовъ (Галовъ) солнце, а изъ названія Бояна *внѣкомъ Велеса* естѣли можно заключить, чѣо Велесъ у Славянъ былъ по же, чѣо Аполлонъ у Грековъ, по въ смыслѣ *бога Музъ* или *Поезій*, а не солнца. Г. Волковъ говоритъ, чѣо Германскаго Беленуса иные производятъ отъ *ваалъ-Еноса* (шакъ доберемся и до *Ваала*), чѣо значить *древній Еносъ*, копорого Ессеи и Маккавейцы почитали за своего начальника; другіе же напрошѣ отъ Халдейскаго *Бела*. Къ чему такая роскошь учености? какое отношеніе имѣютъ Евреи или Халдеи къ Славянамъ, копорые народъ новой? Не ближе ли будетъ искашь корня слова *Велесъ* въ собственномъ ихъ языкѣ.

Фререшъ, говоря о надписяхъ древнихъ Еспрусковъ, исполкованныхъ нѣкоторыми учеными со вѣмъ произвольно (при чѣмъ упопреблены ими *Латинской*, *Грегеской* и *Еврейской* языки) справедливо замѣчаетъ, чѣо съ помощью подобныхъ вольностей можно сіи надписи произвести изъ *нижне-Бретонскаго*, *Бискай-*

скаго, Мексиканскаго, и какого хочешь языка (Oeuvres complètes de Fréret, XIV, 258). Кажется можно по же сказать и о произведении слова *Велесъ* отъ словъ: *Бель*, *Беленуць* и *вааль-Еносъ*.

Другой, нѣкто *Н. П.*—й думаетъ, что *Болнъ* названъ внукомъ *Велесовымъ* по *дѣдушкѣ* *своелъ* (Г. Бушковъ сего же мнѣнія; *Вѣсти*. Евр., CVIII, 44, CXXI, 57), замѣчая при томъ, что авторъ *Сл. о пол. Иг.* будучи *хорошимъ* Христианиномъ, за грѣхъ бы поспавилъ назвать *Бояна* сыномъ (внукомъ) языческаго бога. Но какъ сии господа не припомнили, что авторъ въ другомъ мѣстѣ называетъ *вѣшровъ* *внуками* *Стрибожа*, а Русской народъ *внукомъ* *Даждьбожа*, которые оба были языческіе боги; въ такомъ же точномъ смыслѣ названъ *Болнъ* *внукомъ* *Велеса*.

Велесъ и упоминаемый *Неспоромъ* *Волосъ*, богъ скоповъ (Библ. Росс. спр. 26), есть безъ сомнѣнія одно и то же имя; буква *е* въ просторѣчїи измѣняется на *о*, *шелъ*, *шоль*; *жегъ*, *жогъ*; *счешъ*, *сгогъ*; *щекотъ*, *щокотъ*; *шеломъ*, *шоломъ*; и *Велесъ* есть чистое Славенское имя отъ слова *велій* (такъ *кѣнесъ* отъ *кѣнь*, конь, см. пр. 97), *есъ* же (вѣроятно въ самой глубокой древности), или *ецъ* есть грамматическое окончаніе, на пр: молодой, *молодецъ*; удалый, *удалецъ*; и пр. Древніе Славяне вели въ *Давіи* жизнь пастушескую; пѣсношворство совмѣстно съ оною, и покровитель спадѣмогъбышь и покровителемъ пѣсношворцевъ. Простой народъ признаетъ св. *Власія* (въ просторѣчїи *Власа*) въ первомъ достоинствѣ, очевидно,

ошѣ сходства имени его съ языческимъ *Велесомъ* или *Волосомъ*; симъ послѣднимъ въ старину называли и *Власа* (Исп. гос. Рос. II, пр. 210, III, пр. 331; шакже почно измѣняющся: власъ на головѣ, *волосъ*; хладъ, *холодъ*; гладъ, *голодъ*). Ошѣ ешого же вѣроятно въ Великомъ Новѣгородѣ одна улица называлась *Волосова* (Исп. гос. Рос. IV, пр. 337), чшо на ней была церковь св. *Власія*, а не ошѣ языческаго бога Велеса, хопя мы видимъ изъ Неспора, чшо и сей былъ превращенъ шакже въ Волоса.

(31) Здѣсь видно, чшо союзники выступили въ походъ изъ Пушивля, находящагося на половинѣ дороги между Новгородомъ Сѣверскимъ и Курскомъ, кошорой былъ у нихъ впереди; пошому Всеволодъ и говоритъ брашу: *а мои* (кони) *ти готови осѣдлани у Курьска напереди*. Въ лѣш. по Кен. сп. сказано: „и сняшась (сошлись) у *Переяславля*“; не у Пушивля ли? за чѣмъ союзникамъ заходитъ въ Переяславъ, гдѣ Княземъ былъ Владиміръ Глѣбовичъ, не участвовавшій въ походѣ.

(32) Въ Кіев. лѣш. иначе: „и порекъ (см. пр. 27) перебрѣде Донець (слѣдственно черезъ Донець перешелъ Игорь въ бродъ, не доходя до Оскола, черезъ кошорой уже послѣ переправился), и *приде къ Осколу* (рѣка, пекущая въ Донець съ лѣвой стороны, верснахъ въ 12 ниже города Изюма), и *жда два дни браша* (Исп. гос. Рос. III, пр. 69).“

(33) Пер. Изд. говорятъ, чшо *буй* значить дикой, а *туръ* волъ, или однимъ словомъ *буй-волъ* (спр. 7); *нѣшъ*, *буй* никогда не значить

дикой, даже и въ сложномъ словѣ *буйволъ*, копорой ешь домашнее, а не дикое живошное. *Буй* (въ сущности одно слово съ *буйной*, такъ же какъ *бцестъ* съ *бцйство*; но оба слова упошребляющся нынѣ въ дурномъ смыслѣ), мужеспвенной, сильной; *бцестъ*, мужеспво, сила; *дикій* же пославенски *дивій*, кошорое испорчено сперва въ *диковинной*, а пошомъ въ *дикой*. *Туръ* очевидно одно слово съ Лапинскимъ *igus*, и значишь по же самое, *зубръ*, родъ дикаго быка, водящагося въ Польшѣ и Лишьѣ, и не то, что буйволъ; ибо зубръ и буйволъ въ Славенской Библии различены (Вшороз. XIV, 5; на сіе же мѣсто ссылаясь, Н. М. Карамзинъ говоришь, что зубръ и буйволъ одинъ и шомъ же звѣрь, Исп. гос. Рос. II, пр. 413). Всѣволодъ названъ мешафорически *бцимъ* и *арымъ туромъ*, по его чрезвычайной силѣ и храбрости.

Перв. Изд. говоряшь такъ же, что изъ сихъ двухъ словъ, ш. е. *буй*, *туръ* составилось пошомъ слово *богатырь*; сомнѣваюсь. Слова поршишь обыкновенно упошребленіе; но когда *буй*, *туръ* были въ упошребленіи, и при шомъ вмѣсшь, нераздѣльно, какъ на пр: *буйволъ*? мы находимъ ихъ въ одномъ Сл. о пол. Иг. и шомъ порознь; епешшь *буй* прилагаешся къ *туру*, такъ же какъ *арой*. Въ Волынскомъ лѣшписцѣ, жившемъ въ исходѣ XIII вѣка (лѣшписць его кончилось 1292 годомъ, Исп. гос. Рос. IV, пр. 175), слово *богатырь* упошребляешся въ смыслѣ воеводы, полководца: „Башый ворошился ешь изъ Угоръ, и ошрядилъ на шя (на Данила Галицкаго) два *богатыря*, Маньмана и Балаа (Исп.

гос. Рос. IV, пр. 45).“ Здѣсь не можешь бышь, чшобѣ слово *богатырь* упошреблено было въ нынѣшнемъ его значеніи *силаць*; шолько у Аріосша ешь такіе силачи, кошорые управляющя сѣ цѣлыми арміями. Но слѣдующее мѣсто не ошавляешь уже никакого сомнѣнія:., въспоману же Миндовѣ (Вел. Кн. Липовскій), аже Василько Князь (братѣ Данила Галицкаго) сѣ *богатыремъ* воевалъ землю Л повскую, и посларашъ на Василька, и воеваша около Камени (Исп. гос. Рос. IV, пр. 102);“ Василько воевалъ Липву въ 1259 году сѣ Ташарскимъ воеводою Бурондаемъ (см. шо же 102 пр.). Слѣдешвенно *богатырь* ешь слово Ташарское, да сѣ нимъ довольно сходны Ташарскія имена: *Байдарѣ*, *Багадирѣ*, *Бастырь* (Исп. гос. Рос. IV, стр. 12). Сей примѣрѣ показываешь, чшо на одномъ сходствѣ звуковъ никакѣ не лъзя ушверждашься; слова изъ разныхъ языковъ могушь имѣшь совершенно одинѣ звукѣ, и въ шо же время совершенно различное значеніе.

Я осмѣлился упошребишь *бѣй турѣ* во мн. чис. вмѣсто слова *герой*, кошорое хошя и Греческое, но не рисуешь каршины для воображенія; а Поезія должна бышь *говорящею живописью* (а сія *нѣмою Поезією*). Набрашь можно словъ изъ всякаго языка; но когда не знаемъ ихъ корня, шо значеніе ихъ будешь всегда условное.

(34) Первымъ Издашелямъ неизвѣшно было древнее слово *кметь*, или по старинному правописанію *къметь*, и пошому они *къ* почли пред-

логомъ и опспавили; опъ чего вышелъ со всемъ другой смыслъ. Самъ Н. М. Карамзинъ никакъ неподозрѣвалъ, чшобъ ешо было одно слово, и *свѣдоми къмети* перевелъ : *мѣтки въ стрѣльни* (Исп. гос. Рос. пер. изд. III. спр. 214); но есльлибъ была сія мысль авшора, шо онъ бы вѣрно сказалъ *свѣдоми въ мети*, а не *къ* мети (есльли шолько слово *метъ* было уже шогда, и имѣло значеніе нынѣшняго *мета*, цѣль); ибо *свѣдомъ* или *вѣдомъ въ темъ* и *гдѣ*, а не *къ тему*; „вѣдомъ во Іудеи Богъ, пс. LXXV, 1“. Значеніе слова *къметъ* само собою явешвуешъ; Всеволодъ говорилъ брашу, чшобъ онъ сѣдлалъ своихъ коней, а его уже осѣдланы у Курска, и чшо Куряне его *искусные всадники*. Въ лѣтописяхъ встрѣчается слово *къметство* (здѣсь ясно, чшо сіе происходилъ опъ *къметъ*), дружина, конной опрядъ: „и паде головъ о спѣ *къметства*“, въ другомъ спискѣ: „головъ шшо *доброименныхъ* (Исп. гос. Рос. III, яр. 84).“ Сіе показываешъ, чшо слова *къметъ*, *къметство* вышли уже изъ упошребленія, и ученый переписчикъ, или собирашель замѣнилъ послѣднее словомъ *доброименные*. Пушешешвенникъ Віалла де Сомьеръ пишешъ, чшо у Черногорцевъ для прекращенія вражды между двумя домами съ каждой спороны избираешся по двенадцати почешнѣйшихъ спарцевъ. Сіе собраніе двашцати чешырехъ мужей называешся *кмети* (Сынъ опеш. LXXI, 209); но ешо кажешся должно бышь мн. чис. слова *кметъ*. Какъ иносшранецъ, Віалла де Сомьеръ могъ не знашь ешого; въ шакомъ

случаѣ *кметь* почерногорски значивъ по же, что *доброименитый* или *именитый* (селянинъ).

(35) Въ перв. изд. было *славѣ*, но сія описка не должна поспавлена бытъ на счѣтѣ автора; выраженіе: *ищуги себѣ ти, а Князю славы* будешъ повшорено.

(36) Сіе слово *мнѣ* нигдѣ не встрѣчалось, по смыслу же значивъ *стадо*; шакѣ перевели и перв. Изд. но Г. Пожарскій перевелъ *по дорогамъ*; но буква *е* (спезя) никогда не измѣняешя на *а* (спазба). Сіе послѣднее происходивъ въ-рояшно отъ гл. *стлжц*; буква ж обыкновенно измѣняется на *з*, на пр: *госпожа, госпозѣ*; *мрежа, мрезѣ*, и пр.

(37) Г. Пожарскій полкуешъ, что *дивѣ* значивъ не филинъ, а диво или *чудо, которое представлялось на вершинѣ дерева, и предвѣщало нещастіе не только Игореву войску, но и нѣкоторымъ отдаленнымъ странамъ* (жаль, что онъ не сказалъ, какой видъ имѣло ешо чудо). А. С. Шишковъ находивъ здѣсь иносказательной смыслъ, что подѣ филиномъ разумѣешя *правительство* (замѣшьте: *Половецкое*), или *верховная власть, пекущаяся о безопасности народной, или даже слава* (Сл. о пол. Иг. Пожар. стр. 46). Цѣль замѣчаній обьяснять, а не *затемнять* автора; но здѣсь полковашели оказывающъ ему, кажешся, дурную услугу. Нѣшъ ничего просше мысли автора; крикѣ филина отъ проснаго народа почишаешся и шеперь самымъ нещаснымъ предзнаменованіемъ. Какѣ спихотворецѣ, онъ воспользовался народнымъ суевѣ-

ріємъ, которое въ Поезіи єсть іспочникъ чудеснаго.

(38) А. Н. Оленинъ справедливо замѣшилъ, что суц. *по морію* и *по Сцлію*, какъ напечатано въ перв. изд. должны находиться слишно съ своими предлогами: *поморію* (поморью) и *Посцлію* (мѣста, лежація по рѣкѣ Сулѣ; шакъ *Посемье* опѣ Семи, *Поросье* опѣ Роси, *Поволжье* опѣ Волги, и пр. но А. Н. Оленинъ думаєтъ, что єшо нынѣшняя рѣка *Псѣль*, Письм. о кам. Тьмуш. стр. 25.). Здѣсь всѣ суц. им. земли (*незнаемѣ*), *Ввлзѣ*, *Сурожу* и *Корсцню* поставлены безъ предлога *по*; ибо сего шребуєтъ гл. *послушати*.

(39) Въ старину *Сурожемѣ* называлось Азовское море и запусѣлой нынѣ въ Крыму городъ Судака (Исп. гос. Рос. V, пр. 133); здѣсь разумѣється едва ли не послѣдній. Города: Корсунь, Сурожь или Судака, и Тьмушорокань, стояли по берегамъ Чернаго моря одинъ за другимъ.

Н. М. Карамзинъ догадывается, что Сурожское море получило свое названіе опѣ народовъ: *Цуровѣ*, *Цуроговѣ*, *Сарацуровѣ* (Исп. гос. Рос. изд. пер. I, пр. 41), переходившихъ изъ Азіи въ Европу берегомъ онаго. Опѣ сего же моря *Сурожанами* въ старину назывались купцы, шорговавшие шолковыми шоварами, получаемыми изъ Азова опѣ Генуезцовъ; да и нынѣ въ Москвѣ рядъ, гдѣ шоргуютъ оными извѣстенъ подѣ именемъ *Суровскаго* (Исп. гос. Рос. V, пр. 32). Въ *древнихъ*, *Россійскихъ стихотвореніяхъ* встрѣчается:

Суловець богашырь, Суздалецъ,
богашаго госпя, заморениаь, сынъ.

но я думаю, что богашырь сей не изъ Суздаля, а изъ Суровскаго рѣда въ Москвѣ, п. е. что *Суловець* по же, что Сурожанинъ.

(40) Такъ называли Русскіе *Херсонъ*, но не помъ, что споялъ на Фанагорійскомъ мысу, и запустилъ еще до временъ Спратона; а помъ, котораго развалины видны верстахъ въ двухъ отъ Севастополя (Исп. гос. Рос. I, пр. 449). Былъ и еще Корсунъ на рѣкѣ Роси, текущей въ Днѣпръ; но здѣсь не о помъ рѣчь.

(41) Подъ Тьмушороканскимъ болваномъ разумѣлся городъ Тьмушороканъ, находившійся давно уже во власпи Половцовъ, которые пославили шамъ, можеть быть, какого болвана или идола. Греки называли Тьмушороканъ *Таматархою*, *Матархою* и *Метрахою*, а Нубійской географъ называетъ *Метрехою*. Почти на помъ же мѣстѣ спояла древняя Фанагорія, столица знаменитаго Воспорскаго царства, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго (Керчинскаго) пролива за 480 лѣтъ до Р. Х. и рушеннаго Понтскимъ Царемъ Миспридапомъ VI, или Евпапоромъ, за 81 годъ до Р. Х.

(42) *Пасты птицъ* (разумѣлся дворныхъ) говорится также, какъ *пасты скотинцъ*; сія мешафора есть одна изъ самыхъ употребительныхъ въ священномъ писаніи: „Господь *пастъ мя* (ис. XXII, 1)... мы же людіе его, и *овцы пажити его* (ис. XCIX, 3)... Азъ

есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаешъ за овцы (Іоан. X, 11).“ Здѣсь мысль автора такая: уже птицы слетѣлись, и предвѣщаютъ ему бѣды, копорую мысль поясняешъ еще слѣдующая: орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ.

Осуждашь ли намъ, хвалишь ли автора, что онъ такую просную мысль выразилъ такъ фигурно? но у него весь слогъ плаковъ, да и долженъ быть плаковымъ въ поемъ. Поезію отъ прозы опличаютъ не споны и не рифмы, а мысли и фигуры. Ж. Б. Руссо изобразилъ смерть также въ видѣ насхуа (мысль сія принадлежитъ однакожъ не ему, а Давиду: „яко овцы во адъ положени сущъ, смерть спасетъ я,“ пс. XLVIII, 15):

Frappé de ces vils troupeaux, dont elle est le pasteur.
и Лагарпъ не напрасно восхищается симъ стихомъ; вошъ что называется:

Donner de la couleur et du corps aux pensées.

Т. е.

И видъ живыхъ существъ давалъ воображеньямъ.

(43) См. примѣч. 57.

(44) Въ перв. изд. было напечатано такъ: *Долго. Нога меркнетъ*; издатели не знали къ чему опнесши нарѣчіе *долго*, оградили его съ обѣихъ спороиъ почками, и выпустили въ переводѣ. Сіе выраженіе показалось имъ, видно, непоняшино; но оно шолько что необыкновенно, или лучше стихопворно: *долго нога меркнетъ*, давно продолжается или идешъ.

Въ Кіев. лѣт: „и поидоша (отъ Оскола см. пр. 32) къ Сальници (а). Ту спороже прѣѣхаша, иже послали языка ловишь, и рекоша: видѣхомся съ ратными нашими (съ неприяшелемъ), съ досѣ-хомъ вѣдѣишь; да или побѣдешъ борзо (скоро), или вѣзворошимся домовъ... ѣхаша *грезъ ногу*.“ Сію шо ночь описываетъ, кажется, здѣсь сочинитель.

(45) Съ перваго раза покажешъ, что шупъ нѣтъ грамматическаго смысла, и что надлежало бы: *зари свѣтъ запалъ*; шакъ перевели и пер.

(а) Н. М. Карамзинъ почишаетъ рѣку Сальницу нынѣшнимъ *Саломъ*, составляющимся изъ рѣчекъ: *Юрукъ-сала, Кара-сала*, и пр. и впадающимъ въ Довъ (съ лѣвой стороны) близъ Семи-караковской станицы (Ист. гос. Рос. III, пр. 70); но Игоревое войско не переходило черезъ Довъ, а иначе къ Салу не лѣзя придши; сверхъ того за Сальницей оно встрѣшило еще *Сюурлій* (см. пр. 48), черезъ которую шакже переправилось, и потомъ уже шало ошступашъ къ Довцу.

Ештли Каялу почешъ Кагальникомъ, шекущимъ съ лѣвой стороны въ Донецъ, какъ думаетъ Н. М. Карамзинъ (Ист. гос. Рос. III, пр. 70, и я съ нимъ согласенъ), шо Сальницу и Сюурлій надобно искать на шой же лѣвой сторонѣ Довца (шопографію поемы не худо бы повѣришь на мѣстѣ). Г. Бушковъ почишаетъ Каялу *Калмусомъ*, шекущимъ въ Азовское море (Вѣст. Евр. СХХI, стр. 55); но гдѣ же будетъ Донецъ, къ которому Русскіе ошступали (см. пр. 60)? Отъ этого шопографія поемы у Г. Бушкова выходитъ со всѣмъ напротивъ: по мнѣнію его Игоревое войско переходило не съ правой стороны Довца на лѣвую, а съ лѣвой на правую; Сальницу же почишаетъ онъ *Торцою*, шекущею въ *Торъ*; (будшо бы) древній Сюурлій.

Изд. *зари свѣтъ потушаетъ*; но вникнувъ въ сіе выраженіе, найдемъ, что оно нешолько коренное, Русское, но соспавляетъ еще красосу слога. Мы говоримъ: сердцеѡдець-Богъ, Царь-надежда, сладость-щаспье, ушѡшенье-ѡбра, вмѣсто: Богъ, ѡбдающій сердца; Царь, на котораго надѡюшя; сладоспное щаспие; ушѡшипельная ѡбра; шакъ и *зари-свѣтъ*, вмѣсто: свѡшлая зари.

Г. Пожарскій полкуешъ, что *свѣтъ* шворипш. а не имен. пад. и переводипш *свѣтомъ зари не является*; предоспавляя другимъ понимашъ сіе выраженіе, я замѡчу толькю, что шворипш. падежъ въ Славенскомъ языкѡ имѡешъ одно окончаніе св имен. мн. а не един. числа.

(46) Какъ ни ясно здѡсь значеніе гл. *убуди*, пробудилъ, прошивоположенное гл. *успе*, заснулъ; но А. С. Шишковъ полкуешъ, что ешо значипш: уменьшашься, окончевашься, преспавашъ, производя ошъ гл. *убывать*.

(47) Перв. Изд. и Г. Пожарскій переводипш *поганый* нечеспивый; но *поганый* или *паганый*, и полатински значипш: язычникъ, идолопоклонникъ, а нечеспивцы могушъ бышъ и между Хреспіанами; *paganus*, въ Латинскомъ языкѡ, получило сіе значеніе въ IV ѡбѡ; пошому что при Хреспіанскихъ Имперашорахъ идолы обожаемы были въ однихъ селахъ, а прежде *paganus* значило: мужикъ, сельской жипель. Слово сіе св прочими, ѡброашно, зашло въ Славенской языкѡ, когда Славяне жили въ Дакіи; въ просторѡчии *поганый* значипш: ѡкверной, нечиспой; Русскіе называли шакъ По-

довцовъ вѣроятно отъ того, что сии бѣли все нечисное.

(48) Въ *Кіев. лѣт.*: „Заупра же Пяшку наспавшу, въ обѣднее время устрѣшоша полкы Половецкые... вежи опшпустили за ся, а сами спюаху на оной споронѣ рѣки *Сюурліа* (Тапищевъ а за нимъ и перв. Изд. пишущъ *Сццгли*, которую Щекановъ отъ сходства имени смѣшалъ съ *Цгломъ*, или нынѣшнимъ Орелемъ, текущимъ въ Днѣпрѣ, Сл. геогр. Рос. Гос. IV, 1233). И изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву Всеволожь, а по лѣву Свяшославль, напередѣ сынъ Володимеръ, и другой полкъ Ярославль, а прешій напередѣ же спрѣлци, иже бяху отъ всѣхъ Князей выведены (образъ войны, довольно сходный съ нынѣшнимъ) ... и рече Игорь: брашя! сего есмы искали, а попягнемъ (воропимся).. и яко быша къ рѣцѣ, къ Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецкыхъ полковъ спрѣлци, и нустивши по спрѣлѣ, и поскочиша (поворопили назадъ)... Русь же бяху не переѣхали еще рѣвы. Поскочиша же и тѣ Половци, кошоріи далеко рѣки спюаху. Свяшославъ же Ольговичъ, и Володимеръ, и Ольспинъ (см. пр. 116), и спрѣлци пошькоша (успремились) по нихъ; а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не распусыаца полку своего... Половци же пробѣгоша вежи; а Русь же дошедше вежъ и ополонипась (взяли въ плѣнъ).“ *Исп. гос. Рос. III, пр. 69.*

Слѣдственно въ Пяшницу у Русскихъ съ Половцами была пустая сшибка, а не настоящее сраженіе; изъ словъ нашего автора: *потопташа* (смяли) *поганыя пѣлкы Половецкыя* дол-

жно заключить по же, знамена же и прочую добычу взяли они в оставленном неприятелем спань или вежах. В *лѣт. по Кен. сп.* ясно сказано, что Русские одержали полную победу: „они же (Половцы) не пущяче в вежи, сръшоща ихъ, а дружины не дождаше, соспустишась (сразились), и побѣдени быша Половцы, и биша я до вежъ, и множества полона взяша, и женъ, и дѣшей (Библия. Рос. спр. 276).“ Н. М. Карамзин послѣдовал повѣствованію сей лѣтописи; но шакое же Кіевской предпочпительнѣе, подробности похода в оной правдоподобнѣе, шакъ что сей описанъ едва ли не самовидцемъ (см. пр. 74, 75); къ помужъ Сл. о пол. Иг. имѣющее характеръ поемы и современной лѣтописи согласно съ Кіевскою. Предположивъ съ вѣроятностію, что пошъ лѣтописецъ былъ шакже современной, и что всѣ при писателя равно доспойны нашего уваженія, мы должны предпочсть согласное повѣствованіе двухъ.

Перв. Изд. в своемъ *историческомъ содержаніи пѣсни*, сшибку сію и послѣдующее сраженіе, продолжавшееся два дни съ половиною, представили со всѣмъ в превращенномъ видѣ, и смѣшали ихъ вмѣстѣ. Напрасно ссылаются они на Тапищева; сей, по обыкновенію своему, пишеть растянуто и сбивчиво; но они не оставляютъ никакого сомнѣнія. Русские никогда не были разбины отъ того, что будто отдѣлились одни отъ другихъ.

(49) Думаю, что корень сего гл. ешь *сукъ*, и что правилнѣе бы: *разсукъсь* (нынѣ говоривш-

ся про одни нитки: *сугиться, разсугиться*); но буква *г* въ просторѣчїи измѣняется на *ш*: молочной, *молошной*; сердечной, *сердешной*, и пр.

(50) Г. Пожарскій за *вѣрное* полагаетъ (спр. 55) что *ортьма* то же, что Польское ортѣ, наметѣ воинскій, шалашѣ, юрта; поелику слѣдуютъ слова: плащами, шубами (*японгичами и кожухы*); но сіе то и заставляешѣ за *вѣрное* полагашѣ, что *ортьма*, родѣ плашья, или какъ перв. Изд. перевели (вѣроятно по догадкѣ) *охабень* (отъ гл. *охапить*, въ охапку схватишь), спаринное, Русское плашье. При томѣ должно замѣнить, что Половцы имѣли не наметы или полошннанные палашки, а *вежи* или *телеги* (крычашѣ *телеги* полунощи). Сходныхъ словъ, наковы *ортма* и *ортѣ* можно найши во всякомъ языкѣ; но можно ли извѣсннать одно другимъ?

(51) Въшѣ мѣсто извѣстныхъ описей, опредѣляющее значеніе словъ *стягѣ* и *голка*, или правильнѣе *телка* (отъ *тело*): и *потяща* (изрубили) *стяговника* (знаменосца) *нашего*, и *телку стяговцю соторгоша* (сорвали) *со стяга* (Библ. Рос. спр. 248); здѣсь ясно, что *стягѣ* (нынѣ: колѣ рычягѣ) значило дрездо, а самое знамя *телка* (нынѣ: передняя часть гривы у лошади надъ лбомъ); а какъ она навязывалась на спягѣ, то иногда подѣ симѣ разумѣлось и знамя: *стязи глаголють*, знамена шумяшѣ; но смыслѣ сей переносной. Г. Пожарскій полагаетъ, что *голка* попольски *повязка*, копорую женщины носили на лбу; но Сл. о пол. Иг. писано пославено-руски, а не пославено-польски, и при томѣ идетъ ли ето значеніе?

Хорюговъ, или хоругвь (нынѣ: образа, писанные на холстѣ, и укрѣпленные на древкѣ, предносимые въ церковныхъ ходахъ), употреблена также въ смыслѣ знамени; но безъ сомнѣнія между *хорюговью* и *голкою* была разница.

(52) Перв. Изд. перевели *сребрено стружіе* серебряное древко (а), а въ замѣчаніи высказали (ср. 11): воинскіе, почешные доспѣхи; сіе показываешъ, что оба значенія даны ими по догадкѣ. Въ рукописной книгѣ: *хоженіе Данила мниха* (изъ сего сочиненія любопытной оспрывокѣ напечатанъ въ Исп. гос. Рос. II, пр. 211), *стружіе* употреблено, кажешся, въ смыслѣ *копья*: „и до краниева мѣста 12 сажень, и естъ бо распятіе Господне ошъ въскресенія къ востоку лицемъ, естъ же на камени, высоко было, яко *стружіа* възыше.“ Въ такомъ же почно смыслѣ слово сіе встрѣчаешъ ниже въ Сл. о пол. Иг. и *дотгеса стружіемъ злата стола Кіевскаго*; но здѣсь въ смыслѣ *доспѣховъ, всеоружіа*. *Стружіе*, безъ сомнѣнія, происходишъ ошъ гл. *стругать* (ошъ ешого же *стружка*); поелику желѣзо *стругаютъ*, какъ дерево; и пошому *стружіе* можешъ означашъ вообще оружіе, въ пѣснѣишемъ же смыслѣ *копье*.

(а) Какое, копейное или знаменное? Н. М. Карамзинъ разумешъ послѣднее (но сіе называлось *стягъ*, см. пр. 51): „Князь Игорь берешъ себѣ однобагряное *знамя* неприяшельское *сѣ древкомъ сребрянымъ* (Исп. гос. Рос. III, стр. 220);“ но 1) нѣшъ примѣра, чтошъ у знаменъ дѣлались серебряныя древки; 2) естъ ли возможность и сильному знаменовоцу шаскашъ шакое знамя?

(53) Авторъ ~~хочетъ~~ сказаць, что Русскіе на вежахъ оштакъ дня и ночи провели въ бездѣйстви; такъ и въ *Кіев. лѣт.* „рече Игорьъ къ брашомъ и къ мужемъ (боярамъ) своимъ: Половци . . . всѣ сущь сѣвокупили: нынѣ побѣдемъ (назадъ) черезъ (въ) ночь, а кто пойдетъ заупра по насъ . . . лучшіи конѣци (кони) переберутся а сѣ самѣми како намъ Богъ дастъ.“ Но Свяшославъ Ольговиць представлялъ, что лошади и люди успали; Всеволодъ сѣ нимъ согласился: Игорьъ сказаъ, что онъ не боится смерти (и здѣсь видны благоразуміе и неустрашимость Игоря), и всѣ оспались ночевать, *Исп. гос. Рос. III, пр. 70. Въ лѣт. по Кен. сп. иначе: „и спояша на вежахъ три дни, веселящеса.“*

(54) *Ольговимъ гнѣздоу* и *Ольговигами* называются Сѣверскіе Князья по дѣду своему, Олегу, или Ольгу Свяшославичу Тьмушороканскому; такъ ниже Мстиславъ, Ингваръ и Всеволодъ (Ярославичи) названы *Мстиславигами* по прадеду своему Мстиславу Великому; да и нынѣ прозваніе по ошцѣ часно обращается въ фамилію внукамъ и далѣе.

(55) Здѣсь Н. М. Карамзинъ не выписываетъ изъ *Кіев. лѣт.* а говоритъ самъ: „въ субботу на разсвѣтѣ окружили ихъ Половцы (*Исп. гос. Рос. III, пр. 70.*)“

(56) Перв. Изд. перевели (въроятно по догадкѣ) *потрцатися*, пришупишься; гл. *трцать* или *трцать* (отсюда проспонародное *трцуба*, глухое, уединенное мѣсто), очевидно, имѣетъ одинъ корень (*трескъ*, буква

к обыкновенно измѣняется на *г*) *св* гл. *тресать* или *трещать* и спариннымъ *троскотать* (шо же, чшо *трещать*), да и по смыслу *потрещаться* значивъ больше: спучашь, звучашь, гремѣшь, нежели прищупишься. Г. Пожарскій перевелъ *потрескаться*; но чшо такое *сабли потрескиваются?* даюшъ прещины.

(57) Въ перв. изд. было *не*, описка вмѣсто *за*; авторъ повпоряетъ прежнее восклицаніе *о Русская земля! уже за шеломянемъ еси* (также какъ: *ищуги себѣ ти, а Князю славы*); шакъ думаюшъ и перв. Изд. допусивъ же, чшо *часпица не*, не ешь описка, признаюшъ шрудно найши даже и какой нибудь смыслъ.

Первымъ Издашелямъ не извѣстно было древнее слово *шеломя*, довольно часто встрѣчающееся въ лѣтописяхъ; они невѣрно сослались на Тапищева, кошорой говоривъ о селѣ *Шеломя* въ Переяславской области (Тапищ. исп. III, 120). А. С. Шишковъ и Г. Пожарскій, не справясь съ Тапищевымъ, и положась на Издашелей, точно шакже ошиблись; послѣдній, ш. е. Г. Пожарскій шакъ переводивъ и шолкуетъ сіе мѣсто: *О Руская земля! ты уже не какъ шеломянь еси, то есть, што Руская земля уже не такова естъ, какова естъ шеломянь, или яснѣ (чего яснѣ? шувъ ни зги не видашь), што Руская земля не въ такомъ уже состоянїи, въ какомъ естъ шеломянь. И подлинно не въ такомъ; ибо для защищенїя шеломяни спѣшатъ страшныя войска Половецкїя* (сшр. 57). Не знаю, чшо поймушъ чипашели въ ешой кромѣшной пѣмѣ; принимая слово *шеломя*

даже въ помѣ смыслѣ, въ которомъ приняли его перв. Изд. Половцамъ для защищенія *Шеломани* сѣвшишь было не за чѣмъ; оно было Русское, а не Половецкое село, и находилось въ Переяславской области.

Вомѣ мѣсто, извѣ котораго ясно видно значеніе слова *шеломя*., наворопниці же (посланные въ погоню), перешедше Хороль, взыдоша на *шоломя*, глядая, гдѣ узрѣши я (Исп. гос. Рос. III, пр. 68) Нечесливыйжъ Царь Мамай съ пяшьма Князи большими взыде на мѣсто высоко, на *шоломя*, и шу спаша, хопя видѣши кровопролишии челоуѣческое и скорую смершь (лѣт. по Ник. сп. IV, 112); “ слѣдспивенно *шеломя* или *шоломя*, значишь: висопа, возвышеніе. Еще и нынѣ мужики называютъ *шоломъ* (шо же, что *шеломъ* или *шлемъ*), самое верхнее, спропильное бревно, въ которое врублены быки или подпоры; всѣ сіи слова, очевидно, происходяшь отъ слова *холмъ*, и означаютъ что нибудь высокое или верхнее.

(58) О Сприбожѣ и Дажьбожѣ, какъ называли Славяне-язычники Подашеля всѣхъ благъ, упоминаешся у Неспора, что кумиры ихъ съ прочими, Перуномъ, Хорсомъ, Семарломъ и Мокошемъ, посшавлены были Владиміромъ въ Кіевѣ на Зборичевомъ холмѣ (см. пр. 168), въ двора перемнаго.

(59) Неопред. накл. *тутнати*., и зовушь неослабно и вопіюшь сильно, якъ *тутнати* (звучашъ, оглашашся), и гремѣши всему мѣсту пому отъвопья людей (Исп. гос. Рос. II, пр. 211); “гл. *тутнати*

происходишъ отъ сущ. *тутно* (а): „предивно бысьшъ (въ) Полошьскѣ, въ мечшѣ бываше вънощи, *тутно* (спукѣ, шумѣ) спаняше по улици, яко чело-вѣци рищюще бѣсы (Исп. гос. Рос. II, пр. 152).“ А. С. Шишковъ полкуешъ, что *земля тутнетъ*, шуч-нѣшъ отъ крови; *рѣки тутно текуть*, отъ смѣше-нiя крови съ водою; *пороси*, пары, исходящiе изъ убиенныхъ шѣлѣ. Спрашно! какъ могла придти такая мысль? не говорю о томъ, что словамъ даны совершенно произвольныя значенiя. Мысль авшора самая просшая (сраженiя съ Половцами еще не было): описывается приближенiе коннаго не-прiятеля, по землѣ раздаешъ попомѣ, спраш-ная пылъ покрываешъ поля и самыя рѣки, кошо-рыя отъ того мушно шекушъ.

(60) Русскiе за успалосшью лошадей спѣши-лись, и вся ихъ ограда отъ спрѣлѣвъ Половец-кихъ были щипшы; въ *Кiев. лѣт*: „и шако уга-давшѣ (см. пр. 53), *вси ссѣдоша съ коней*, хошяху бо бiющѣся дойши рѣкы Донца, молвяху бо: иже побѣгнемъ, упечемъ сами, а чрѣныя люди ошпа-вимъ... умремъ или живи будемъ вси на единомъ мѣстѣ.“ Исп. гос. Рос. III, пр. 70.

(61) Древнее измѣненiе гл. *гримлю*, или еще *гримлю*; замѣшимъ, что примѣры подобной не-

(а) Ташицевъ преврашилъ *тутно* въ *тутонѣ*, будшо-бы испорченное изъ Сармашскаго (ш. е. *Финскаго*) *таута*, болѣзнь, и въ нашихъ лѣшописяхъ переведеннаго *лаве* (надлежало бы *навѣ* или *навѣе*), мершвецъ (Ташиц. псш. III, пр. 505); шавъ хошѣлось ему сдѣлашъ Варя-говъ Финнами.

гибкости языка, вѣроятно наследственной по-
слѣ первобытнаго Славенскаго вспрѣчающа
еще и нынѣ въ просонародномъ Русскомъ,
на пр: сѣку, сѣкошъ, сѣкотъ, и пр. могу, мо-
гошъ, моготъ, и пр. лягу, лягошъ, лягомъ (ошъ
ешого сшаринное лягомъ, время, когда ложашся
спашъ), и пр. сягу (досягаю), сягошъ, сяготъ, и пр.

(62) Прил. *харалужный* происходишъ ошъ
сущ. *харалужъ* (кошорое ниже будешъ), слово
весьма древнее, и кромѣ нашего автора нигдѣ
мнѣ не вспрѣчалось; оно вѣроятно Славен-
ское, сложенное изъ *харь*, *лужъ*, и по смы-
слу значишъ: желѣзо, булатъ. *Харь* или *хара*
одно и шо же слово, хошя послѣднее нынѣ
въ презр. см. значишъ: лице, рожа; буквы *х*,
г первоначально одинъ звукъ; слѣдственно
харь и *гарь* шакже одно слово; *гарь* или
гореніе сохранилось и нынѣ въ проспорѣчїи:
гарью пахнешъ, смородомъ или дурнымъ запа-
хомъ, происходящимъ ошъ горенія. Первобыт-
ной языкъ у всѣхъ народовъ бѣденъ словами;
но богатъ значеніями, ш. е. что одно слово
имѣешъ многія значенія. При добыванїи желѣза
металлъ горелъ, шакже какъ лице, кошорое
сверхъ шого *загарало* ошъ солнца; Норицы наз-
вали шо и другое *гарь* или *харь*, *лужъ* же вѣрош-
но приложено послѣ: *харьлужъ*, луговое желѣзо,
или коимъ косяшъ лужъ; слѣдственно *ко-*
са, кошорая шакже дѣлаетъ изъ желѣза.
Не скроемъ ошъ чипашелей, что Г. Буш-
ковъ прил. *харалужный* (по крайней мѣрѣ
харалужъ бы; пошому что *харалужный* проис-

ходивъ отъ *харалугъ*, а не *харалугъ* отъ *харалужный*) почиашъ взятымъ изъ *Нагайскаго* языка (Ввсп. Евр. СХХІ, 38), хошя тогда и имени *Нагаевъ*, или *Ногаевъ*, еще не было.

(63) Нашъ аршиллерійскій Полковникъ Герберъ пишешъ, что въ Кавказскихъ горахъ, между Грузією и Черкесами, понынѣ обивашъ народъ, называемой *Авары*, говорящій собственымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ Славенскимъ, хошя между ними встрѣчаются Магомешанскія и Славенскія имена, особливо имя *Юнцлавъ* въ большомъ употребленіи (Nord. Gesch. 523). Сей ошашокъ Аваровъ VI вѣка жилъ здѣсь безъ сомнѣнія и въ XII; такимъ образомъ Половцы удобно могли получашъ отъ нихъ шлемы, а вѣроятно и прочее оружіе (такимъ же образомъ и Игорю досшалось *сребрено стружіе*). Замѣчу еще, что путешественники XIII вѣка, Карпинъ (см. въ Бержерон. voyages, спр. 58) и Рубруквисъ (спр. 24) сказывають, что Кавказскіе Алане (слѣдственно жившіе тамъ же, гдѣ Герберовы Авары) были искусные кузнецы, слѣсары, и дѣлали прекрасное оружіе; да и нынѣ искусство сіе процвѣшашъ между Кавказскими народцами.

(64) А. С. Шишковъ полкуешъ, что *хотя* значивъ супруга, жена; но на чѣмъ основано сіе полкованіе: на смыслѣ, или на словопроизводствѣ? *своа милья хоти* ошносился къ самому Всеволоду, ш. е. что онъ для войны ошавилъ всѣ свои прихоти; но перв. Изд. не ошдѣлили *хотя* запяшою. Слова: *хотя, похотя* (или *пѣхотя*), *охо-*

та происходящъ оубъ одного корня гл. *хотѣть*, и значашъ: хошѣніе, желаніе.

Г. Бупковъ такого же мнѣнія, ш. е. чшо *хотя* значилъ жена, но шолько не на Славенскомъ языкѣ, а на *Бухарскомъ, Нагайскомъ, Хивинскомъ и другихъ нарѣчіяхъ Татарскаго языка* (Вѣспн. Евр. СХХІ, 37). Сѣ начала превращаетъ онъ *хотя* въ *хотунь*; пошомъ приводитъ слова Казанскаго лѣтописца (подъ г. 1505): „Казанцы въ богашыхъ одеждахъ щапшвовали (щеголяли) предъ *катунями* (женами) своими (а);“ но изб сего шолько видно, чшо пошашарски жена *катунь*, а не *хотунь*; да и сіе послѣднее доволно не сходно сѣ *хотя*.

(65) Сей Олегъ Свяшославичъ, Тьмушороканскій и подъ конецъ Черниговскій Князь, былъ Государь крамольный и власшлюбивый,

(а) П. М. Карамзинъ въ своей исторіи приводитъ сіе же мѣсто; но шолько извѣняетъ его совсѣмъ иначе: „и въ одеждахъ разноцѣшныхъ, *какъ павлины гордо расшаживали* предъ своими кашунами или *долами* (Исп. гос. Рос. VI, стр. 557).“ По вошъ мѣсто изб Псковской лѣтописи, чшо *катунь* пошашарски жена, а не *домб*: „мѣсяца Юня (1555 г.) посадиша Ташаръ, Царя Шигъ-алея людей, 75 въ шюрму, въ среднемъ городѣ, подъ Бурновскимъ кошромъ на смершь, и малыхъ дѣшоръ 7, и ши изомроша, и выкидаша ихъ вошъ, а 8 живы ошшася ни поены, ни кормлены, а шѣхъ прибиша, а *катуней* посадиша въ иную шюрму . . . и Владыка Макарий (въ 1556 г.) упроеи у Вел. Ки. на свое бремя Ташаръ Шигъ-алея *женѣ*, кои сидѣли въ шюрмахѣ (Исп. гос. Рос. VIII, пр. 50).“

кого вся жизнь пропекла въ междуусобныхъ и кровавыхъ войнахъ съ Великими Князьями Киевскими. Нѣсколько разъ дѣлалъ онъ Половцовъ орудіями своего властолюбія, нанималъ ихъ грабить Россію, и былъ причиною величайшихъ бѣдъ свѣй своего отечества.

(66) Въ перв. изд. было: *Тоже звонъ слыша давный великій Ярославъ сынъ Всеволожъ; а Владимірѣ, и пр.* Изд. прил. *давный, великій* опнесли къ суц. *Ярославъ*, и перевели: „звукъ *побѣдъ* его слышалъ *старый*, великій Ярославъ,“ и пр. но я отношу ихъ къ суц. *звонъ*. О побѣдахъ Олеговыхъ въ подлинникѣ ни слова; *старый* Ярославоу авторъ называетъ Ярослава I; на что жъ другому придавать сіе прозваніе, и смѣшивать такимъ образомъ Князей? Сей Ярославъ, о коемъ здѣсь рѣчь, былъ Свяшославъ (братъ Олеговъ), а не *Всеволожъ сынъ*, копорья слова (я почишаю, что они перемѣшаны) должны опноситься къ Владиміру (Мономаху).

(67) Чтобы не подвергнушь бѣдное отечество снова раззоренію онъ Половцовъ, съ копорьями Олегъ пришелъ опнимать у него Черниговской преспоу, Владимірѣ Мономахѣ добровольно уснунилъ ему оный въ 1094 году. Авторъ намѣваетъ, кажется, о семъ великодушномъ поступкѣ Владиміра, копорой такимъ образомъ запыкалъ уши къ запываемымъ Олегомъ междуусобіямъ.

(68) Перв. Изд. приняли слово *судъ* въ обыкновенномъ его значеніи; они думали, что речь идетъ о сѣвздахъ Князей, на копорыхъ

судили виноватыхъ; но они не обратили вниманія на гл. *постла*, приличествующій, говоря только о чловѣкѣ мершвомѣ или больномѣ. Въ *Духовной Владимира Мономаха судѣ* значить *смерть*: „а брашцю моему (речь о сынѣ Мономаховомѣ, Изяславѣ, убитомѣ въ сраженіи) *судѣ* пришелъ (спр. 50) . . . *судѣ* отъ Бога ему (Изяславу же) пришелъ (спр. 54)“, въ какомъ значеніи и здѣсь употреблено сіе слово, что согласно будетъ и съ исторіею. Князь Борисъ Вячеславовичъ палъ въ сраженіи противъ дяди своего, Вел. Кн. Изяслава I, защищая свое и Олегово (Олега Святославовича Тьмушороканскаго) дѣло.

(69) Въ перв. изд. было: *повелѣн*, отъ етого не было никакого смысла; однакожъ Издаш. не успрашились перевести: „съ той же Каялы велъ Святополкъ *войски* отца своего *сквозь* Венгерскую конницу въ Кіевъ ко святой Софіи.“ Н. М. Карамзинъ поправилъ описку *по свѣтъ я* (Исп. гос. Рос. III, пр. 268), т. е. послѣ сраженія *взялъ*; только по Неспору Великій Князь, Изяславъ I погребенъ не въ Софійской, а въ Десятинной церкви рождества Богородицы, и тѣло его привезъ не Святополкъ, а Ярополкъ, другой его сынъ. Также какимъ образомъ очутилась плушъ Половецкая Каяла? сраженіе происходило близъ Чернигова на мѣстѣ, называемомѣ *Нвжатиана нива* (Несп. Библ. Рос. стр. 126).

Г. Пожарскій не воспользовался поправкою Н. М. Карамзина, и перевелъ: *повелѣлъ взять*; но гдѣ жѣ въ подлинникѣ *взять* (яши)? я, *взялъ*.

(70) Авторъ продолжаетъ говорить о бѣдственныхъ временахъ Олега Святославича; но кто ешоу *Гориславль*? ужь не называетъ ли онъ его симъ именемъ, онъ предприимчивъ ли, котораго не всегда удачны были, или онъ бѣдливый, причиненныхъ имъ опечесству? Такъ Рогнеда, онъ своихъ чрезвычайныхъ несчастій, прозвана была *Гориславою*, или по Великороссійскому выговору *Гореславою*; такъ и нынѣ говорится о чловѣкѣ, несчастномъ въ своихъ предпріятіяхъ: *горе-богатырь*, *горе-мыка*.

(71) Здѣсь ясно, что *внукѣ Дажьбожа* названъ Русской народъ; авторъ два раза такъ его называетъ: *встала обида въ силахъ Дажьбожа внука*; на что жь было переводить во мн. чис.? онъ ешого мысль автора зашеметишна. Перв. Изд. въ примѣчаніи говоритъ (стр. 17): „пользующіеся благоденствіемъ, какъ даромъ Дажьбожевымъ, названы его внуками;“ „благодѣянiami Божескими пользующіея всѣ народы, а здѣсь речь идетъ объ одномъ Русскомъ.“

(72) *Ратай*, или *оратай*, пахарь, земледѣлецъ, онъ гл. *орать*, въ глубокой древности, вѣроятно, *рать* (о предлогѣ); онъ ешого же *рало*, сошникъ, лемехъ.

(73) Т. е. что Русскимъ худо или *тучо* (въ просторѣчій) пришло; здѣсь ясно, что подъ *Русскою землею* разумѣются Русскіе люди; ибо сраженіе происходило въ Половецкой землѣ, и вѣсть о разбитіи Игоря не пришла еще въ Русь; такъ въ *Кіев. лѣт.* Игорь говоритъ: „се вѣдаючи сбрахомъ на ся землю всю;“ т. е. Половцовъ

всѣхъ (см. также пр. 113). А. С. Шишковъ замѣчаетъ при семъ: „здѣсь мы видимъ высокую, стихотворческую мысль: изъ черныя земли, конскими копытами взрытой, косями побіенныхъ Россіанъ усѣянной, и кровію ихъ полянной, восходивъ, возрастающъ печаль, аки страшное дерево, мрачною тѣнію своею всю Россію покрывающее; какое величественное и купно ужасное изображеніе!“ признаюсь, чудное воображеніе; такую простую мысль разпространивъ подобнымъ образомъ, или лучше шавъ посвоему ее прошолоковать.

(74) Въ *Кіев. лѣт.* сіе сраженіе описано почти во всѣхъ подробностяхъ согласно съ нашимъ авторомъ: „и поидоша біючися... уязвиша Игоря въ руку и умрѣвшиша шюйцю его... и Еоеводу имаху; шотѣ напередѣ уязвленѣ бысть... и шако бишась до вечера (въ Субботу, см. пр. 55)... Бысть же свитающей Недѣли (Воскресенью) *възмятшась Коцесе*, побѣдоша. Игорь же бяше на конѣ, зане раненъ... и хошя *въворотити ихъ*... свімя шоломъ... того дѣля, чпо быша познали Князя, възворошилися быша... шюкмо Михалко Гюргевиць възворошисъ; не бяху бо добри и смялися Ковуи, но мало отѣ простыхъ, или кпо отѣ Ошрокѣ Боярскихъ; добрии бо вси біахуся, идущи пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ... и шу яша (Игоря въ пѣнѣ) на единѣ перестрѣлѣ одалѣ полку своего... Игорь же видѣ браша, крѣпко борющися, и проси души своей смерши, яко дабы не видѣлѣ паденія браша (шавъ Агарь въ Библии говоритъ: *да не вижду смерти дѣтища моего*, Быш.

XXI, 16)... Біахуся идущи вкругъ при озерѣ... и тако въ день Воскресенія наведе на ны (замѣшье: Сочинитель говоришъ, какъ учасствовавшій самъ въ походѣ; да и Кіев. лѣт. кончипся около сего времени, 1198 годомъ, Исп. гос. Рос. III, пр. 158) плачь и жаль (здѣсь разниці полько, что по Кіев. лѣт. сраженіе продолжалось *полтора* или *два дни*, а по нашему автору *два съ половиной*, и кончилось въ Понедѣльникъ; но по *Никон.* оно продолжалось *три дни*, см. ниже) на рѣцѣ *Каалы* (нынѣ Кагальникъ, рѣка, текущая съ правой стороны въ Донъ, и на коей стоипъ Кагальницкая спаница). Рече бо дѣй (вишязъ) Игорь: помянухъ азъ грѣхы свои, яко много убійства створишъ въ земли Христіанскѣй: взяхъ на щипъ (присупомъ) городъ Глѣбовъ у Переяслава... и се нынѣ вижу ошместіе отъ Господа... почто азъ единъ повинный не пріахъ спрасши?'' Исп. гос. Рос. III, пр. 70.

Въ *Никон. лѣт.* II, 248, сраженіе описано нѣсколько различно:, и *стрѣляющеса три дни*, а *копьями и саблями не сжимающеса*, ожидающе дружины счасу на часъ, а кводъ Рускому воинству не дающе присупиши. Таже пріидоша многое множество Половецъ и ошнюдъ Руское воинство оплучиша отъ воды, и уже бяху *три дни* сами и кони ихъ воды во уста не впускаху, і изнемогоша безводіемъ сами и кони ихъ, бѣ бо тогда знои велици зело. Таже присупиша кводъ, и бѣ нужда велика, Половцы же прішиснуша ихъ кводъ, и бысть брань велика и сѣча зла, мнозиже Рускіи вои і кони помеша-

ша, пѣши бяхуся споловцы; бѣ бо кони ихъ изнемогоша; убиша же тогда и дивна богашыря *Добрыню Судиславица*. И прииде гнѣвъ Божіи на Руския вои, и побѣдени быша вси, изымаша Князей Рускихъ, и Бояръ, и Вельможъ, а иныхъ избиша.“

(75) Въ *Кіев. лѣт.*, розведени быша, и поиде кождо въ своя вежи. Игоря же бяху яли Тарголовъ мужъ Чилбукъ, а Всеволода Романъ Кзичъ, а Свяшосл. Ольговича Елдючюкъ Въвобуръчевичъ, а Володимера Копши Улашевичъ (замѣшше: здѣсь названы всѣ по именамъ, ишо кого взявъ въ плѣнъ; шакія подробности можешъ разсказывать одинъ самовидецъ). Тогда же на полчищи Кончакъ поручися по свапа (будущаго), Игоря, зане баше раненъ. Омъ поликихъ же людей мало ихъ избысть (оспалось) . . . не баше бо лѣзъ утечи, зане яко спѣнами сильными, шако огорожени бяху полкы Половецкими. Но нашихъ Руси съ 15 мужъ утешши, а Ковуевъ мнѣ, а прочіи въ морѣ (Азовскомъ) испошоша.“ *Исп. гос. Рос. III, пр. 70.*

По *Никон.* нашихъ ни одинъ не спасся: „и шакова бѣда сотворися, яко ни единъ въспникъ приде омъ нихъ на Русь.“ Но повѣспнованіе *Кіев. лѣт.* явно предпочшишельнѣе; шамъ именно сказано (*Исп. гос. Рос. III, пр. 71*), что въспъ о разбитіи Игоря Кіевскому, Великому Князю, Свяшославу III, бывшему тогда въ *Черниговѣ*, принесъ нѣкто *Бѣловлодъ Просовиць*, прибѣжавшій съ Каляьскаго сраженія. Въ *лѣт. по Ник. сп.* Половцы приказываютъ свгостьми, или вупцами,

кѣ Князьямъ: *приидите по братію свою*; а вѣ *лѣт. по Кен. сп.* прибавлено: *а мы идемъ къ вамъ по свою*, явныя выдумки позднѣйшихъ лѣтописцевъ или собирашелей.

(76) Такъ вѣ Евангеліи: „взыграся младенецъ *радошамы* во чрезѣ моемъ (Луки, I, 44).“

(77) Здѣсь обида представлена вѣ видѣ нѣкакой воинственной дѣвы, спущившей на землю Траянову; но авторъ, не удовольствуясь одною фигурою, превращаетъ обиду вѣ лебедь, плещущую крылами на Азовскомъ морѣ близъ Дона, и шѣмъ поясняетъ какую именно землю разумѣетъ онъ подѣ именемъ *Траяновой*. Г. Пожарскій полкуетъ, что речь идетъ о *Діанѣ* (нашъ авторъ зналъ Греческую Мифологію); *ибо (чудная логика) Діана, кромя охоты, есть богиня дѣвства . . . сверхъ сего и на Сарматскомъ, ш. е. Польскомъ (а) языкѣ Дѣванна (не Дѣванна, а Зивонія или Зиванна, Исш. гос. Рос. I, смр. 88) ознагаетъ Діану.*

А. С. Шишковъ извѣняетъ сію аллегорическую дѣву такимъ образомъ: „можетъ быть подѣ словомъ дѣва сочинитель разумѣлъ, что обида *никогда* не извѣстна была Русской землѣ, *никогда* не *согетавалась* съ нею, и дѣвою, по

(а) Кому вѣрнѣе: Ташицеву или Г. Пожарскому? первый говоритъ, что Сарматы были Финны, послѣдній Поляки; Шлецеръ вѣ такомъ случаѣ подаетъ прекрасный совѣтъ: вѣ разсужденіи *новыхъ* народовъ рѣшишь споръ жеребьемъ; вѣ разсужденіи *древнихъ* сдѣлашь изъ нихъ смѣшеніе, и назвашъ Сивами или Сарматами.

еснь, *первой разъ*, въ нее вступила;“ признаюся, невольно вспомнишь:

Тутъ найдешь то, чего бѣ нехитрому уму

Не выдумаешь и въ вѣкъ

Русскіе многократно, даже прошивъ Половцевъ, испытывали превратность воинскаго щастія; но видно Исторія, также какъ Географія и Генеалогія, не входила здѣсь въ изъясненіе.

(78) Перв. Изд. перевели *жирна времена* сяжкѣя, Г. Пожарскій убившвенныхъ, А. С. Шишковъ напрошивъ помжуетъ, что *жирныя* значить благополучныя, изобильныя, и я съ нимъ согласенъ; мы говоримъ: *жирная земля*, удобренная, рыхлая, однимъ словомъ добрая, а не худая. Здѣсь времена одушевлены: они спали; но обида ихъ разбудила, т. е. что благополучныя времена прошли, а настали бѣдственныя, въ кои господствуетъ насиліе или обида.

(79) Еще въ началѣ того же 1185 г. Кончакъ доходилъ до рѣки Хороля (гдѣ і Марша и разбишъ былъ Владиміромъ Глѣбовичемъ Переяславскимъ и Мстиславомъ Романовичемъ), о копоромъ его походѣ въ *Кіев. лѣт.* такъ сказано: „пошелъ быше шреклѣшый Кончакъ на Русь похосья (устремился), яко плѣниши хошя грады Рускыя и пожещи огнемъ; быше бо обрѣлъ мужа шаковаго *Бесурменина* (а), иже *стрѣлѣше живымъ огнемъ*

(а) *Бесурменина* или *Бесерлена* называются въ нашихъ лѣтописяхъ (Ист. гос. Рос. IV, пр. 51, 105) и у монаха Карпина жители страны *Харазма* или *Хивы*, соплемённые Туркамъ. Пыльниее, просшонародное *босурманъ*, нехристь, неврещеной, происходить безъ сомнѣнія

(Ист. гос. Рос. III, пр. 68). “ Не обѣ етомѣ ли же и здѣсь речъ: *мызюги смагу въ пламяѣ розѣ*, ш. е. рогѣ? не называется ли здѣсь *рогомѣ* какое орудіе, избъ котораго Карна и Жля стрѣляли *живымѣ огнемѣ*? поелику помянушой Бесерменинѣ взятиѣ былѣ въ плѣнѣ. Перв. Изд. говорящѣ, что *смага* помалороссійски *жажда*; но здѣсь не идетѣ епо значеніе, и слово *жажда* авторѣ самѣ ниже употребляетѣ. Говоритѣся: во ршу *смянетѣ*, отѣ жару сохнетѣ; языкѣ *пересмягѣ*, отѣ жару засохѣ, сгорѣлѣ; очевидно, что *смягнуть* происходитѣ отѣ *смага*, которое вѣроятно значитѣся: жарѣ, мученіе отѣ жара.

(80) Составлено избъ союза *а* и дѣепричастія *ркъги* (отѣ гл. *рещи* или *реть*): „а въ Князю Семену послаша, *а ркъги* шако: поиди Княже (Исп. гос. Рос. IV, пр. 342);“ буква *е* первоначально выпускалась во всѣхъ измѣненіяхъ гл. *рещи*: *ркѣ*, *рѣ*, *рщи*, чему увидимѣ ниже еще примѣрѣ (*иркоша боаре Князю*).

(81) *Лада* не въ одномѣ Сл. о пол. Иг. употреблено въ значеніи мужѣ, супругѣ:

Покачу я колечко кругомѣ города;

А за шѣмѣ я колечкомѣ сама пойду,

Я сама пойду, милу (мила) *ладу* найду (Карм. пѣс.). Я осмѣлился по аналогіи употребитѣ *лада* въ значеніи жены, шѣмѣ паче, что *лада* удобно можешѣ бытиѣ общаго рода. Спириковскій пи-

отѣ *Бесурменѣ*; Фишерѣ думалѣ, что оно испорчено избъ *Мусельманѣ* или *Мусульманѣ* (Nord. Gesch. 421), исповѣдникѣ *Ислама*.

петь, что *богъ Ладо* былъ у Лашышей, и что они въ пѣсняхъ швердили: *Ладо, Ладо, дидьсь Ладо!* ш. е. Ладо, Ладо, великій Ладо (Исп. гос. Рос. I, стр. 89)! въ нашихъ просонародныхъ пѣсняхъ встрѣчаются припѣвы: *ой дидь и лада* (или *ладо*, зв. пад)! *дидо калина, леля малина*; основываясь на семъ *лада*, или *мужь* (кажешся первымъ Поповымъ превращенный въ *богиню Ладу*), отъ автора Кіевскаго Синописа (Архимандрита Гизелія) до Н. М. Карамзина причисляемъ былъ (авъ инокшорыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и *дидь*, мнимой Аншеросъ или *Противолюбовь*) къ древнимъ божествамъ языческихъ Славянъ; но какія на то историческія доказательства? никакихъ. Проспой народъ, въ Россіи ли то, въ Молдавіи ли, въ Валахіи ли, швердитъ *ладо* (Исп. гос. Рос. I, стр. 90), самъ не понимая сего слова; *дидь* вѣроятно *дѣдъ* по Малороссійскому произношенію; *леля* (а) едва ли не *лю ли*; въ просонародныхъ пѣсняхъ, особливо въ припѣвахъ, не всегда можно найши шолкъ или смыслъ. Я даже сомнѣваюсь, чшобъ у Лашышей

(а) О *Лелѣ* и *Полелѣ* говоряшъ Польскіе историки, называя ихъ Славенскими Кашоромъ и Поллуксомъ (у нашихъ стихотворцевъ *Лель* заступилъ мѣсто Ероша, или Купидона, а *Полель*, ш. е. *посль Лелл*, Гимена древнихъ; шакія словопроизводства служашъ имъ вмѣсто историческихъ доказательствъ); но одно сходство съ Греческою Мифологією внушаешъ уже сомнѣніе. Сѣн господа думали, кажешся, не объ исторической шчшности, а о шомъ, какъ бы приспособить Славенскую Мифологію къ Греческой. Такъ *Ніл* назвали они Славен-

былъ *богъ Ладо*; зналъ ли Сприковскій ихъ языкъ? а върояшнѣе, что Лашыцской припѣвъ: *дидисѣ ладо* (б) есть Славенской: *ой дидѣ и ладо!* такъ же какъ *Перкунѣ*, *Перунѣ*; *Велсѣ*, *Велесѣ* (полапыцки бѣсѣ, Опис. въ Рос. гос. общ. нар. I, стр. 25).

(82) Въ старину *Рцсью*, или *Рцсскою землею*, преимущественно называлась Кіевская область (см. пр. 128, также Пеш. гос. Рос. I, пр. 296, II, пр. 316, III, пр. 74); такъ ниже: *сѣнце сѣтитя на небеси, Игорьъ Князь въ Рцсской земли*. Пѣнѣ и освобожденіе Игоря не могли дѣйствовать на Сѣверную, или Западную Россію по опдаленію ихъ отъ Южной, и по слабымъ связямъ, существовавшимъ тогда между Кіевомъ, Владиміромъ и Полоцкомъ.

скимъ Плушономъ, *Марзану*, *Церерою*, *Ладона* или *Ляда* (въшъ и *другой Ладо*) *Марсомъ*, *Зивонію* или *Зиванну*, *Діаною*; послѣ того какую вѣру можно имѣть къ ихъ разсказамъ?

(б) Такъ придворной лѣтварь Гебель также изъ Лашыцскаго припѣва: *іеру, іеру* (на древле-Прусскомъ *іерриу* или *герриу* пью), какъ бы сокращенно: *Іерусалим!* *Іерусалим!* заключилъ, что Лашыши были пошомки древнихъ Іудеевъ, спасшихся на кораблѣ послѣ разоренія Іерусалима, и прибывшихъ бурною къ берегамъ Пруссіи (Nord. Gesch. 517, ант. 2).

Впрочемъ Сприковскій пишетъ, что и въ Россіи народъ величалъ *Леду*, мать *Кастора* и *Поллукса* въ припѣвъ: *ладо, ладо* (Пеш. гос. Рос. I, пр. 210); не такъ ли и Лашыши величаютъ *бога Лада* въ припѣвъ: *дидисѣ Ладо?*

(83) Думаю, что авторъ намѣкаетъ о междуусобіи Рязанскихъ Князей въ 1186 году; въ *лѣт. по Кен. сп.* Вел. Кн. Влад. Всеволодъ Георгиевичъ великъ послакъ своимъ сказашъ Роману, Игорю и Владиміру Глѣбовичамъ, Рязанскимъ: „братья! что тако дѣлаете? не дивно, оже ны поганіи воевали, а се нынѣ хочете брашу своею убиши (Библ. Рос. спр. 279).“

(84). Перв. Изд. не внигнули отъ чего происходишь сіе слово, и перевели по одной догадкѣ, ни на чѣмъ неоснованной, *злоба*; Г. Пожарскій не различилъ *лжа* (отъ ешого происходятъ: *лжица, ложка*) отъ *ложь*. Хотя оба сіи слова происходятъ отъ одного корня: *льгій, легкій* (а), исчезнувшего даже и въ Славенскомъ языкѣ; но значеніе ихъ совершенно различно: *лжа* значитъ: *льгота, легость, легкость*, или лучше всѣ сіи слова одно и то же. Здѣсь метафора взята (также какъ выше *жирна времена*) отъ спящаго чловѣка; ибо тогда всѣ чувства покоятся, когда же онъ бодрствуюшъ, то нѣкоторыя образомъ спраждуютъ. Русская земля опдохнула было отъ Половцихъ разбоевъ, которые Святославъ III прекратилъ своею побѣдою (см. пр. 87); но Ольговичи разбитіемъ своимъ возобновили оныя: вошъмысль автора.

(85) Не опецъ, а двоюродной братъ; но и въ *Кіев. лѣт.* Святославъ говоритъ Игорю и

(а) Чшобъ читатели совершенно увѣрились въ ешомъ, вошъ мѣсто изъ лѣтописей: „на мя будешъ грѣхъ, оже (ежели) прешунишь хрестъ; шо ешь *лжбе* (легче), неже проляши кровь (Исп. гос. Рос. II, пр. 247).“

Всеволоду: „се азъ старѣи Ярослава (Черниговскаго), а нынѣ Игорю, старѣи Всеволода; а нынѣ я вамъ *въ отца лѣсто* (Исп. гос. Рос. III, пр. 59).“ Такъ ниже онъ же избъ особенной ласки называешъ ихъ племянниками: *о моя сыновѣ, Игорю и Всеволоде!* Въ Россіи не только полишическое, но и естешественное старшинство въ старину весьма уважалось; а Свяшославъ происходилъ онъ старшаго брата.

(86) *Лука*, дуга; *лука моря* или *лукоморье*, излучисшой, морской берегъ лукою или дугою; здѣсь разумѣтся берегъ Азовскаго моря; онъ эпого же Половцы, жившіе по шому берегу, назывались *Лукоморскими* (Исп. гос. Рос. III, пр. 74).

(87) Авшоръ говоришъ о знаменитой побѣдѣ Русскихъ, одержанной надъ Половцами, 30 Юля 1184 г. на берегахъ *Целя* или *Ерели*, нынѣ Орели, текущей въ Днѣпрѣ, въ Екатеринославской губерніи. Въ походѣ семъ участвовали Князья: *Кіевскій* Свяшославъ Всеволодовичъ съ сыновьями Глѣбомъ и Мшиславомъ, *Овругскій* Рюрикъ Роспиславичъ съ племянниками Мшиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ, *Переяславскій* Владиміръ Глѣбовичъ, *Туровскій* Глѣбъ Юрьевичъ съ братомъ Ярославомъ *Пинскимъ*, *Луцкіе* Всеволодъ и Мшиславъ Ярославичи, *Городенскій* Мшиславъ Владиміровичъ, и дружина *Галицкаго* Ярослава Владиміровича; у Половцевъ же однихъ предводителейшвующихъ Князей было 417 (Князи однихъ было Половецкихъ 417, *Кіев. лѣт.*). *Никон.* сіе число Князей пишешъ убишихъ, Н. М. Карамзинъ взя-

пыхъ въ пльнѣ; но взяшые въ пльнѣ названы всё по именамъ, въ шомъ числѣ *Кобякъ Карлыевичъ съ двумя сыновьями*, просныхъ же Половцовъ взято 3000 (по другимъ 7000).

Гридница или гридня, отъ *Гридь* или *Гридинь* (см. пр. 24), свѣшлица, зала въ Княжескомъ перемѣ или дворцѣ:

Среди двора свѣшлицы стоятъ,

Гридни бѣлодубовыя (Древ. Рос. стих. стр. 159).

(88) Венеціане; и нынѣ лучшей бархатъ называется *Венецейской*, вѣроятно отъ *Венецицы*.

(89) Не отъ того ли *Каяла* и названіе получила, что Русскіе *каяли* Игоревое предпріятіе?

(90) Въ перв. изд. *ты* не было, и слова: *Русьскаго злата насыпаша* (кто?) принадлежали въ предвидущему періоду, такимъ образомъ не было грамматическаго смысла; я полагаю, что частица *ты* пропущена; повтореніе оной: „*ты* Русьскаго злата насыпаша; *ты* Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,“ и пр. придаетъ даже вѣкопору ю живость слогу.

(91) Пльннаго Игоря видно потчасѣ ограбили (что водился и въ наши просвѣщенныя времена), принудивъ его пересѣсть изъ сѣдла своего золотого (выше также сказано: *тогда вѣстунъ Игорь въ златѣ стремень*) въ простое сѣдло ошрока.

Главная роскошь нашихъ Князей, въ сіи воишвенныя времена, состояла въ конѣ и оружіи: про Рюрика и Давида также сказано: „вспушпа Господина, *въ злата стремья*;“ Галицкій Даниилъ удивилъ самыхъ богатыхъ Венгровъ

пышностію своего вооруженія: „бѣ бо конь подѣ нимѣ (ешо пишешѣ Вольтинской лѣтописецѣ) дивленію подобенѣ, а сѣдло ошѣ злаша жьжена, и спрѣлы, и сабля, злашомѣ украшена и иными хипросшыми, *кожухѣ* же (верхняя одежда (а), а не *шуба*; ибо ешо было лѣтомѣ, въ самые жары) оловира (пурпура) Грецкого, и круживы злашыми, плоскими ошипы, и сапозы зеленого хъза (сафьяну) шишы золошомѣ (Исп. гос. Рос. IV, пр. 101).“

(92) *Забрало* (ошѣ гл. *забрать*, загородить), *заборало* (см. пр. 120), или *забороло* (см. спр. 58), шо же, чшо *заборѣ*, деревянная сѣбна.

(93) Въ перв. изд. было: *одѣвахѣте*; но ешьли ешо вшор. лиц. мн. числа, шо должно *одѣвасте*; ешьли же шрешіе, шо *одѣваху*; а какѣ *гърнаху*, *сыпаху*, *нѣгують* положены въ шрешемѣ, шо въ томѣ же (поправлено) и *одѣваху*.

(94) *Идѣ* (само по себѣ дѣепр. гл. *ести* или *ѣсть*) въ шарину называли *трудомѣ* вѣрояшно по шому, чшо оной производишѣ *трудѣ* или вредѣ, зло: „подѣ языкомѣ его *трудѣ* и болѣзнь, пс. IX, 27. . . *трудѣ* усшенѣ ихѣ покрешѣ я, пс. сxxxix, 10. . . let the mischief of their own lips cover them... et tout le mal que leurs levres s'efforcent de faire les accablера eux mêmes;“ нынѣ говоришѣся: *труденѣ*, опасенѣ, болѣвѣ при смерши; *трудно*, шягосшно.

(а) Вѣрояшно въ семѣ же значеніи *кожухѣ* упошреблено и въ Сл. о пол. Иг. но перв. Изд. перевели *шуба*, а имѣ послѣдовалѣ и я.

(95) Слово неизвѣстное; перв. Изд. перевели раковина, Г. Пожарскій *тулковина* или *мѣшокъ*, въ кошоромъ носяшъ *туль*; но шакого слова не бывало. Я оспавилъ безъ перевода: *тѣщи ми тулы поганыхъ тѣлковинъ*; главная мысль ясна: *сыпаху ми великій жентюгъ на лоно*.

(96) Здѣсь ясно, что *жентюгъ* происходитъ отъ *женина* или *женщина*; пошому что онъ его носяшъ; буквы *з, щ* первоначально одинъ звукъ: *нощъ, ногъ; хощу, хоту; вѣщашъ, вѣгашъ* или *отвѣгашъ*.

(97) О чемъ Н. М. Карамзинъ только догадывался (Исп. гос. Рос. I, стр. 75), по здѣсь явствен-но открываешся, ш. е. что *Князь*, или на древле-Сербскомъ языкѣ *Кнезъ* (въ шой бо землѣ Рус-цѣи имѣ любовнаго пріятеля, *Кнеза* Василя, Исп. гос. Рос. IV, пр. 144), происходитъ отъ *кѣнь*, *конь*, или лучше естъ уменьшительное она-го *кѣнесъ*, *кѣнецъ* (см. пр. 53; шакъ возвратн. гл. вънеопред. накл. и въпросор. кончатся *наца*). Въ Библии *князь* индѣ упошреблено въ значеніи близкомъ къ *кѣнесъ*: „возмите врага *князи* ваша, ис. XXIII, 7, 9... *machet die Thore weit... Lift up your heads o ye gates!... portes élevez vos têtes...* отверзите *князи*, Ис. XIII, 2... *Lasst einziehen durch die Thore der Fürsten... that they may go into the gates of the nobles;*“ и нынѣ верхнее спроеильное бревно, въ кошорое вруб-лены быки, въ крешьяншвѣ называешся *конь* (шакже *шоломъ*, см. пр. 57). Но чтообъ совер-шенно удостовѣришься, что *кѣнь*, *кѣнесъ* и *кѣнезъ* или *кѣнязь* суть одно и шо же слово,
К

споитиъ размыслишь: ошъ чего верхнее бревно и шаршій между людьми въ переносномъ смыслѣ названы *конь* (а)? ошъ подобія; поелику конь превышаетъ ростомъ прочихъ домашнихъ живонныхъ. Впрочемъ въ Сл. о Пол. Иг. *кѣнесъ* по смыслу значить: машица, балка, бревно, поперекъ стаяи положенное, на кошорое сверху въ избахъ настилаешя пошолокк; ибо въ старину во дворцѣ и въ избѣ архитекшура, видно, была одна.

(98) Г. Пожарскій думаетъ, что епо описка вмѣсто *Бусовы* (о *Бусъ* ниже будетъ, см. пр. 112); естлибъ авторъ мешафорически называлъ Половцовъ *Бусовы враны*, то мнѣніе сіе можно бы допустить; но епо говоритъ Святославъ, еще не знающій о разбитіи Игоря, и *враны* употреблены здѣсь въ общевенномъ значеніи. *Босци*, вѣроятно, вмѣсто *босыи*; такъ: *гразиви* вмѣсто *гразни*; босымъ же авторъ называетъ и волка.

(99) *Плѣсньскъ*, или *Плѣснескъ*, на Волинѣ (нынѣ *Плесковъ* на рѣкѣ Роскѣ, Ист. гос. Рос. III, пр. 77), городъ Галицкаго Княженія; но какъ онъ сюда зашолъ? не понимаю; впрочемъ не должно забывать, что епо сонъ.

(а) Добровскій производить *Князь* ошъ *конѣ*, начало (ошъ ешого шаринное *искони*, и нынѣшніа простионародныа: *испоконь*, *коновной*, *доконать*), ш. е. что Славяне, при избрѣшеніи слова *Князь*, мыслили точно шакже, какъ Греки (*Архон*, шакже ошъ *ἀρχή*); но одно сходство внушаетъ уже сомнѣніе; впрочемъ *конѣ* и *конь* въ началѣ вѣроятно было одно слово.

(100) *Болонь* или *болонье*, пространство между двумя городскими валами, гдѣ бывали огороды, нѣкошорыя спроеія, пасшвы для скопины (Исп. гос. Рос. II, пр. 166, 174); слѣдственно почти по же, что нынѣ *городская горта*, кромѣ того, что сія естъ простая межа, а не укрѣпленіе.

(101) Въ перв. изд. было *не сошлю*, описка вмѣсто *не сошли*; пошому что выше оба глагола: *възвѣрааху*, *бѣша* положены во мн. чис. прош. вр. такъ понимали и перв. Изд. но Г. Пожарскій переводилъ: „и что я (Свяшославъ) не могу *согнать ихъ*“; но 1) мѣстоим. *ихъ* нѣтъ въ подлинникѣ; 2) *сослать* пищѣ не лзя сказать; слѣдственно въроянше, что ето описка.

(102) Н. М. Карамзинъ справедливо замѣтилъ, что *болринъ* (въ древ. сп. Неспора вездѣ стоилъ *болре*, Исп. гос. Рос. I, пр. 167) происходитъ отъ *бой*, и въ началѣ своемъ могло знаменовашъ война отличной храбрости, а послѣ обратился въ народное достоинство (Исп. гос. Рос. I, спр. 75); слово сіе явно сложено изъ *бой*, *ръ*, ярой или жеспокой бой. Правда въ *Сборникѣ*, писанномъ въ 1073 г. для Вел. Ки. Свяшослава II, встрѣчается уже *боляринъ* (Исп. гос. Рос. II, пр. 173); но сіе доказываетъ только древнюю порчу сего слова, которое ни въ какомъ случаѣ не можешъ бытъ произведено отъ *болій* или *большой*; поелику всѣ суц. им. кончащіяся на *ръ* или *рь* происходятъ, или отъ суц. же, на пр: *столарь*, *псарь*, *овгарь*, *богарь*, и пр. или отъ гл. на пр: *златарь*, *звонарь*,

дикарь (отъ *дигюсь*, а не отъ *диной*), *пахарь*. Если Византійскіе историки *бойладами* дѣйствительно называютъ Бояръ или Боляръ, то и сіе ближе къ первому, нежели къ послѣднему; *бой* нимало неспорчено; но *ладъ* почти столько же походитъ на *ларь*, сколько и на *яръ*. Буква *л*, впрочемъ, также вставлена для удобнѣйшаго произношенія, какъ буква *й* выкинула. Державинъ, какъ правоучитель, произвелъ *боляринъ* отъ *болю* или *болѣю*:

Боляринъ, коль за всѣхъ *болѣю*;

но по крайней мѣрѣ онъ произвелъ его согласно съ духомъ языка.

(103) Здѣсь ясно виденъ корень слова *отецъ* (*ецъ*, уменьшительное окончаніе, на пр. *хлббъ*, *хлббецъ*, и пр.): *отъ*, нѣй прилагательное окончаніе; такъ: *братъ*, *братній*, *мать*, *матній* (сіе послѣднее изчезло); но очевидно, что *братъ*, *мать*, *батъ*, *тять* (въ словахъ: *батюшка*, *татинька*; окончанія *юшка*, *инька* суть уменьшительныя) происходятъ отъ одного корня: *ать*, или *отъ* (буквы *а*, *о* первоначально одинъ звукъ: *гору*, *гарь*; *распу*, *ростъ*; *рабъ* или *робъ*, *работать* или *робить*). Теперь сравните Славянское *отъ* или *ать*, съ Греческимъ *атта*, *патѣр*, Кельшскимъ или Гальскимъ *ат* (diction. celtique par Ballet), Ташарскимъ *ата* или *атаи*, Угорскимъ или Венгерскимъ *атья* (Сиб. исп. Фиш. стр. 101), Латинскимъ *pater*, и Тевтонскимъ *vater* или *father*, и вы увидишь, что ешо одно слово; буквы: *т*, *б*, *п*, *ф*, и слоги: *аи*, *иа*, *иръ*, *еръ*, *ецъ* суть етимологическіе наросты, коихъ

корень: *atъ* или *atъ*; такъ сходствовали языки въ самомъ началѣ между собою. Другое Славенское названіе опца: *popъ*, или *panъ* (уменьшиш. *panьныка*), или *papa*, есть одно съ Оспяцкимъ *obo*, Койбальскимъ *onъ*, и Аринскимъ *bianъ* (Nord. Gesch. 433; Оспяки, Койбалы и Аринцы суть народы Самоядскаго племени, кочующіе по Енисею).

(104) Здѣсь опкрываеяся наспоющая и важная причина Игорева похода; ему хотѣлось прославить себя завоеваніемъ Тьмушорокани, что согласно и съ *лѣт. по Кен. спис.* Рускіе послабъ первой удачи говоряшъ: „а нынѣ пойдемъ по нихъ за *Донъ* и до конца ихъ избьемъ,“ аже ны будешъ побѣда, идемъ и до *Лукоморья*, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь (Библи. Рос. стр. 277).“

(105) Выраженіе *испити шеломомъ Донъ*, въ другой разъ упошребленное авшоромъ, значило: предпринять походъ на *Донъ*; оно встрѣчается даже въ *лѣтописяхъ*: „тогда и Володимеръ (Мономахъ) *пидъ золотымъ шеломомъ Донъ*, приемиши землю ихъ (Половецкую) всю (Исп. гос. Рос. III, пр. 68).“

(106) Сіе слово осталось и нынѣ въ крещьянствѣ, но шолько говорится про лошадей: *путьи* (отъ гл. *путьать*, *вязать*), *ина* же есть увеличительное окончаніе; такъ: *быль*, *былика*, *годъ*, *година*. *ледъ*, *льдина*; *долъ*, *долина*, и пр.

(107) Въ *нѣкошорыхъ лѣтописяхъ* упоминаеяся о *дучѣ* сыновьяхъ Игоровыхъ, но въ Сл. о пол. Иг. какъ здѣсь, такъ и выше (*хотать*

прикрыти четыре сблица) говориться только о *четырёх* Князьях, бывших в походе; следовательно об *одном* сыне Игоревома. И пошому вмѣсто *Олега*, какъ было в перв. изд. должно чипашь *Владимиръ*; у Игоря былъ сынъ Олегъ, но ему было тогда не больше 8 лѣтъ, Ист. гос. Рос. III, пр. 44.

(108) Сие сравненіе съ *пардомъ*, или барсомъ, встрѣчается и в Неспорѣ: „Князю Свято-славу, врасшию и возмужавшию, нача совокупляти вои многи и храбры, и легко ходя, аки *пардусъ* (Библ. Рос. стр. 56);“ сии звѣри, видно, не такъ рѣдки были в Россіи, чшобъ Неспоръ и пѣвецъ Игоря могли ихъ знашь по одному описанію. В *Кіев. лѣт.* чипашемъ, что Олегъ Святославичъ в 1147 г. подарилъ Георгію Долгорукому, а Святославъ Ольговичъ в 1159 г. Рощиславу I *парда*; Русскіе могли получашь сихъ звѣрей отъ Грековъ или Волжскихъ Болгаръ.

(109) Перв. Изд. перевели: „погрузили *въ безднѣ* силу Русскую (но ешо не шо, что *погрузи жиръ воднѣ Каллы*; хошя и *жиръ* не сила);“ а Г. Пожарскій: „погрузили *землю Русскую въ пропасть*;“ ш. е. что земля Русская провалилась в пропасть? Авторъ хочешъ сказашь, что Половцы загнули в Азовское море, близъ котораго происходило сраженіе, малой ошатоковъ Русскихъ (см. пр. 75), спасшійся послѣ онаго.

(110) В Славенскомъ языкѣ *нужда* значить: принужденіе, насиліе; *нудитися*, бышь принуждаему, насилію: *нудящій*, принуждающій, насилящій: „отъ дней же Іоанна Крещителя

доселѣ царствіе небесное *иудится*, и *нуждныи* восхищаются е, Матѣ. XI, 12. . . and from the days of John the Baptist until now the kingdom of heaven suffered violence, and the violent take it by force.“

(111) Вѣ IV вѣкѣ еладычештво Оспро-Готовѣ просширалось отѣ Волги до Вислы, и отѣ Чернаго до Бальшійскаго моря; около 3000 могущихъ сражашься и непокоренныхъ Гуннами Готовѣ жили сѣ сего времени вѣ южной часши Крыма, названной отѣ ихъ произношенія *доріе*. Вѣ 679 г. они покорены были Хазарами, около 1050 г. Половцами, а вѣ 1237 г. Моголами, копорые принудили ихъ даже принять Магомешанскій законѣ; но языкѣ ихъ сохранился до XIII и даже до XVI вѣка (Исп. Цар. Хер. Тавр. I, 269, 276, 279 и слѣд.). Столицею Готскихъ Царей, копорыхъ самыя имена неизвѣсны, былѣ древній *Мангутѣ*, построеной на горѣ, называемой *Баба*; Митрополиѣ Сеспренцевичь видѣлѣ его развалины и бѣдной ошашокѣ переродившихся Готовѣ: „на берегу рѣки Кабарды (шакѣ пишешѣ онѣ вѣ своей Исп. Цар. Хер. Тавр. I, 283) возвышаешѣ величешвенно гора (почему жѣ вѣ переводѣ выпущено имя оной?), на коей видно нѣсколькѣ вешкихъ спроеній, обшпаемыхъ неимушцими жшпешями. Они происходяшѣ отѣ древняго народа, какѣ по можно заключашѣ по мѣстоположенію, особымѣ ихъ черпамѣ, и нарѣчію совершенно опличному отѣ языка ихъ сосѣдей. Можно сказашѣ, что они поселены на сей вершинѣ для оживошворенія

безмолвныхъ развалинъ обширнаго памятника , кошорой безъ сомнѣнiя былъ чертогомъ вихъ Государей. Видѣ стариковъ, живущихъ въ сихъ развалинахъ, увѣряешъ меня, что рука времени почпила нѣкошорые оспашки сихъ древнихъ Гоповъ. Нѣсколькo бѣдныхъ, уединенныхъ, и едва извѣстныхъ семействъ, вопъ все, что осшалось нынѣ ошъ сего народа.“

Вопъ какимъ образомъ Русское золото очушилось у Гопскихъ дѣвицъ, чего перв. Изд. никакъ не могли сообразишь (Проич. пѣснь, стр. 25).

(112) Въ лѣтописяхъ называется онѣ *старый Шурканъ, Шураканъ и Шаруканъ*; объ немъ упоминаешъ, что онѣ въ 1107 г. съ Бонякомъ и со многими Князьями Половецкими подходилъ къ городу Лубнамъ; но былъ прогнанъ до самой рѣки Хороя. *Бусъ*, по смыслу, долженъ бышь пакже Князь или Ханъ Половецкой; Г. Бушковъ думаетъ (доказательствъ не спрашиваешъ), что Бусъ естъ *Бусирь-главаръ, Хазарскій Хаканъ*, выдавшій сестру свою за Греческаго Императора Юстинiана II (въ 701 г.), а дочь за сына Греческаго же Императора Льва Исаврiйскаго, за Константина (въ 731 г.), Вѣсп. Евр. СХХI, стр. 104.

(113) Въ *Кiev. лѣт.* Свяшославъ пакже плачетъ и укоряешъ разбишыхъ Князей: „Свяшославъ же, вельми въздохнувъ, *утеръ слези свои*, и рече: о любимая брашiа, и сынове, и мужи, землѣ Руское! далъ ми бяше Богъ припомоши поганья, но не *въздръжавше юности*, ошвориша во роша на Рускую землю (Исп. гос. Рос. III, пр. 71);“

естѣлибѣ не было нѣкопорою, впрочемъ самой малой, разницы въ повѣствованіи (см. пр. 32, 74), шо можно бы подумашь, что Кіев. лѣш. и Сл. о пол. Иг. писаны однимъ перомъ.

(114) Сіе слово встрѣшилось мнѣ въ одной Вольнской лѣшописи: „сеспра швол, умираючи, велѣла ми шебе поняши за ся, аши (дабы) иная дѣши не *цѣлить* (не оскорбляеть, не обижаетъ); Исп. гос. Рос. IV, пр. 119.“

(115) Перв. Изд. перевели: „сѣ Черниговскими Боярами;“ но *были* (ето вѣрно описка) никогда не значить Бояре; не сѣ *Ковцями* ли? см. слѣд. пр.

(116) Когда Игорь предпринялъ походъ, шо у Ярослава (о коемъ здѣсь рѣчь): „испроси помочь, *Ольстина* Олексича, Прохорова внука, *сѣ Ковци Черниговскими* (Кіев. лѣш.);“ авторъ *хочеть* сказашь, что сіи Могушы, Ташраны, Шельбиры, Топчачи, Ревуги и Ольберы, копорые въ Кіев. лѣш. названы, кажешся, общимъ именемъ *Ковцевѣ*, всѣ испреблены на Каяльскомъ сраженіи. Н. М. Карамзинъ замѣчаетъ, что Торки и Берендеи назывались часшо особенными именами своихъ начальниковъ (Исп. гос. Рос. III, пр. 69); кажешся, что и изчисленные здѣсь варвары подходящъ подѣ ешо замѣчаніе.

(117) А. С. Шишковъ полкуеть, что *соколъ въ мѣтехѣ*, выученной, выношенной соколъ; но здѣсь речь о *дикомъ* соколѣ, защищающемъ гнѣздо свое отъ нападенія другихъ пшищъ. Сверхъ того: почему Свяшославъ говоритъ о себѣ: *а ти диво ся, братіе, стару помолодити?* пошому, что соколъ, перелпнявши, одѣваетъ

молодыми перьями ; про охопничьихъ пщицѣ обыкновенно говорихся: *третьей, четвертой мьти*, ш. е. что пщица линияла въ шрепей или чешвершой разѣ.

(118) Буквы *ц, з* первоначально одинѣ звукѣ: Русицѣ и *Русиць*, Свяшославицѣ и *Святославиць*, *ци* и *зи*, ницѣ и *ниге*; вошѣ еще мѣспо изѣ харашейнаго шребника, хранящагося въ Синопальной библиотекѣ подѣ № 551, что *ниге*, ницѣ или низѣ: „огорожайся часто образомѣ креста, складаываючи при пальца первыя, а два послѣднiя пригнувъ добрѣ (крѣпче), *ниге* пропягнувъ (Исп. гос. Рос. VIII, спр. 150 въ пр.);“ отѣ *ниге* происходять новѣйшiя : ничкомѣ, навзничѣ, наничѣ, наничка, изнанка.

(119) Слѣдшвенно им. пад. будетѣ *Римы*, нынѣ Ромень или Ромны (сие послѣднее даже довольно сходно съ *Римы*), уѣзд. гор. Полшавской губерни; Н. М. Карамзинѣ пишешѣ въ им. пад. *Римѣ* (Исп. гос. Рос. III, спр. 68), производя конечно отѣ дан. *Римови*, или отѣ прил. *Римской* (см. слѣд. пр.); но сего иначе отѣ *Римы* произвеспи не лъзя, а отѣ дан. *Римови* скорѣе можно им. произвеспи *Римовѣ*; попому что граждане сего города названы *Римовцы*.

Перв. Изд. городѣ *Римы* преврашили въ *Урима, Игорева Воеводу* (спр. 27); конечно безѣ Кiев. лѣш. не изѣяснишь бы сего мѣспа; но на что говорихъ ушвердительно шамѣ, гдѣ всего лучше Сократово признанiе; симѣ никогда не введешѣ чипашелей въ заблужденiе.

Г. Пожарскiй повшорилѣ ошибку перв. Изд.

и перевелъ: „вошѣ *Урилѣ кригитѣ*“; сіе показывае-
етѣ, что онѣ даже не читалѣ сѣ надлежащимѣ
вниманіемѣ испоріи Н. М. Карамзина; такѣ по-
добно перв. Изд. поправилѣ онѣ автора въ пере-
водѣ: *Половганамѣ*, ш. е. Половцамѣ, вмѣсто *По-
логанамѣ*, ш. е. жишелямѣ Полоцка (см. пр. 135).

(120) Въ *Кіев лѣт.* „идуци же (ошѣ Пере-
яслава, см. слѣд. пр.) мимо, приступиша *къ
Римови. Римовци* же затворишасѣ... и възлѣз-
ше на заборала (на сшѣны), и летѣста (упа-
ли) двѣ городници (ошѣ гл. *городитѣ*, заборины)
и сѣ людьми *къ* ратнымѣ (*къ* непріятелю)...
кошоріи гражане выидоша и біяхуся, ходяще
по *Римскому* болошу, шіи избѣжаша пѣвна; а
кто ся осталѣ въ городѣ, шіи взяши быша (Исп.
гос. Рос. III, пр. 72).“

(121) Въ *Кіев. лѣт.* „и бышѣ у нихѣ (у
Половцевѣ по разбишии Игоря) кошора (раз-
молвка); молвяше бо Кончакѣ: пойдемѣ на Кыевъ,
гдѣ сушѣ избиша братіа наша и Вел. Кн. нашѣ
Бонякѣ (по друг. лѣт. Боняковѣ брашѣ, *Тазѣ* въ
1107 г.); а Кза (Гзакѣ) молвяше: пойдемѣ на
Семѣ (рѣка Семѣ, на кошорой стояшѣ города:
Пушивѣ, Рыльскѣ, Курскѣ), гдѣ ся остали
жены и дѣши... и раздѣлишасѣ на двое. Кон-
чакѣ пойде *къ Переяславу* (Исп. гос. Рос. III, пр.
71).“ Въ *лѣт. по Кен. сп.*: „и *у Переяслава* би-
шасѣ весь день. Володимерѣ же Глѣбовичѣ, видя
острогѣ взимаемѣ, выѣха изѣ города *къ* нимѣ въ
малѣ дружинѣ, и пошече конемѣ, и бися сѣ ни-
ми крѣпко, и обступиша Князя злѣ. И видѣвше
горожане изнемогающихѣ своихѣ, выринушасѣ

изъ города, и бившесь, одва изошяца (выхвашили) Князя, боденого прями копы; а дружины много избіено, и вбѣгше въ городъ, зашворишася; а они возврашиса съ многимволономъ въ вежи (Библ. Рос. спр. 278).“

Вошъ изображение сего мужественнаго Владиміра Глббовича, оспавленное современнымъ Кіевскимъ лѣтописцемъ: „на томъ бо пуши разболѣся Володимиръ Глббовичъ... и принесоша въ Переяславль на носилицахъ, и преставися Апр. въ 18 (1187 г.), и положенъ бысть въ церкви Св. Михаила... И плакашася вси Переяславци; бѣ бо любя дружину, и злша не збираше, но дааше дружинѣ; бѣ бо всякими добродѣтелями наплнненъ, о немъ же Украина много поспона (Исп. гос. Рос. III, пр. 74).“ Есльи были между Князьями недосшойные сыны ошечества, приводившіе съ собою Половцевъ или Ташаръ разоряшь оное, за то были герои съ истинными рыцарскими добродѣтелями; таковы: Свяшославъ I, Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Великій, Василко Росповскій, Данилъ Галицкій, Александръ Невскій, Димитрій Донской, и многіе другіе.

(122) Перв. Изд. и А. С. Шишковъ думаютъ, что къ современнымъ Князьямъ взываетъ не авторъ, а Кіев. Вел. Кн. Свяшославъ; но послѣ жалобъ сего послѣдняго слѣдуетъ описание произшествій: *се у Римъ кричатъ подъ саблями погаными*, и пр. Не уже ли они скажутъ, что и епо Свяшославъ говоритъ? сверхъ того Н. М. Карамзинъ справедливо замѣчаетъ (ш. III, пр. 262), что гордый владѣтель Кіевскій не могъ

называють ихъ своими *Господами*, или *Госцударями*, какъ тамъ сказано: *вступита, Господина, въ златый стремь . . . стрблай, Господине, Кончакъ*, и проч.

Всеволодъ Георгіевичъ, Велик. Кн. Влад. и Сузд. Государь сильный своего времени, копорого ошецъ, Георгій Долгорукій, сидѣлъ на Кіевскомъ престолѣ; почему сей и названъ въ отношеніи къ Всеволоду *отнимъ*. Перв. Изд. говорящъ, что епо отношися къ *Всеволоду III, сыну Ольга Святославица Тьмцтороканскаго* (снр. 28); но Всеволодъ, (Свяшославичъ) III, или Чермный, правнукъ Олега, а *сынъ* Всеволодъ II; но и шомъ давно умеръ (въ 1146 г.).

(123) Перв. Изд. думали, что *гагою*, симъ полуименемъ изъ презрѣнія названъ Кончакъ (снр. 28); но они не обрапили вниманія на гл. *была бы* въ жен. родѣ, Правда безъ Кіев. лѣш-сіе мѣспо. ошалося бы неизвѣсно: „яко всѣмъ Рускымъ воемъ наполнишь до изобилія и колдники, и *гагами* (въ другихъ лѣшписяхъ: *женами*); и дѣшмиихъ, и челядью;“ *кощеями* же называдисъ Княжескіе опроки, или *дѣтскіе*; въ *Воскр. лѣт. II, 92*: „баше бо съ нимъ (съ Андрѣемъ Боголюбскимъ) *кощей* единъ, малъ *дѣтскъ*;“ Велик. Кн. Кіев. Мсшиславъ Изяславичъ въ 1168 г. послаалъ за Половцами сѣдельниковъ своихъ и *кощевъ* (Исп. гос. Рос. II, пр. 420; жаль, что не приведены собшвенныя слова лѣшписца). Оба слова: *гага* и *кощей* коренныя Русскія, но мало упошребительныя: *огазъ* (опредлогъ), *коргага* (*коръ* или *корець* помалороссійски ковшъ),

вброяшно, происходяшв отъ *гага*, хозяйка; *кощей* или *кащей* (какъ и нынѣ говорится въ смыслѣ спараго, гнуснаго скряги), *кащенокъ* (совершенно по же, что *кощей*, п. е. мальчикъ, но только въ презриптельномъ смыслѣ), *кощунъ* (а), *злохульникъ*; *кощунство*, злохуленіе; *пакощц* (*па* или *по* предлогъ; такъ: *паполома* или *пополома*, *папорзили* или *поперси*), *гажу*, бѣды шворю; *пакость*, бѣда, худо; *пакостной*, скверной, негодной; *пакостникъ*, сквернавецъ, негодяй (дадеся ми *пакостникъ* плоши, ангелъ сашанинъ, да ми *пакости* дѣшв, да не превозношуся, Павл. II посл. къ Коринѣ, гл. XII, ст. 7), всѣ сіи слова явно происходяшв отъ гл. *кощц* или *кащц* (по же, что *пакощц*).

Ногата, *кѹна*, *рѣзань*, *вѣкошь* древнія, ходячія въ Россіи деньги, состоящія изъ лоскушковъ *кунныхъ* и *бѣлыхъ*: *мордокъ*, *лапокъ*, *цшкювъ*; что доказываешв самыя ихъ названія: *кѹны* или *кѹньи мордки*, отъ *морды* или *рыла*; *вѣкошь* или *вѣкошьи мордки*, отъ *вѣкши* или *бѣлки*; *ногата* отъ *ногтей* у лапокъ, копорые видно не опрѣзывались прочь; *рѣзань*, отъ *рѣзати* (такъ назывались можешв бышв ушки; ибо Герберштейнъ пишешв, что и

(а) Такъ происходяшв: бѣгу *бѣгунъ*, бормочу *бормотунъ*, визжу *визгунъ*, вью *вюнъ*, говорю *говорунъ*, грызу *грызунъ*, горюю *горюнъ*, годую (употребительно только въ прош. врем. и неопред. накл.) *годунъ*, жру *жрунъ*, вричу *крикунъ*, агу *агунъ*, реву *ревунъ*, перу или прѹ *Перунъ* и пр.

сії ходили за мѣсто денегъ, Рег. Moscov. Comment. смр. 42; но я не думаю, чшобъ самую шкурку рѣзали въ лоскушки; пошому что она въ такомъ случаѣ пропадала бы; а мордки, лапки, ушки и безъ того ни на что не годились). Лоскушки сіи, вѣроятно, клеймили (до насъ не дошли сіи кожаныя деньги (б), и пускали въ народъ для обращенія (Исп. гос. Рос. I, пр. 254); такимъ образомъ древнія ногаты, куны, рѣзаны, вѣкоши замѣняли нынѣшнія ассигнаціи, звонкая же монета была гривны серебра и золота. Въ гривнѣ считалось: ногатъ 20, кунъ 25, рѣзаней 50, вѣкошей 250; сама же гривна вѣсила: серебряная 48 золотниковъ, золотая 56 червонцевъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 298, II, пр. 79, 104).

(124) Отъ слова *шире*, родъ военной машины, можеть быть самоспрѣльные луки, о которыхъ говоритъ Кіев. лѣт. что 50 человекъ съ шрудомъ могли напаянуть (Исп. гос. Рос. III, пр. 68).

(125) Въ 1180 г. Рязан. Кн. Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Свяшославъ (въ поколѣн. росписи перв. Изд. ошибкою названъ *Ярополкомъ*), сыновья умершаго Глѣба Роспиславича, признали главою своею и покровишелемъ Вел. Кн. Влад. Всеволода Георгіевича, кошорой и удѣлы имъ на-

(б) Н. М. Карамзинъ говоритъ о *кожаныхъ* деньгахъ, хранящихся въ Александровскомъ, двичьемъ монастырѣ Владимірской губерніи и въ Воронежскомъ цейгъгаузѣ, съ разными клеймами (Исп. гос. Рос. I, пр. 524); но я понимаю, что еши деньги изъ *сапожной*, а не изъ звѣриной кожи или шкуроевъ.

значилъ (Исп. гос. Рос. III, стр. 56); въ семъ по смыслѣ авторъ говоришь, что Всеволодъ можетъ спрѣлать *живыми шереширами*, сыновьями Глѣба, ш. е. располагать ими.

(126) Ярославъ Владиміровичъ, Князь Галицкій на Волынѣ и шесть Героя поемы, Игоря, Государь мудрый и сильный своего времени; авторъ даетъ ему прозваніе *Осмомысла*, ш. е. обладающаго *осьмью смыслами* или умами; и могущество его изображаетъ самыми яркими чертами. Владѣніе Ярослава простиралось отъ горъ Угорскихъ (нынѣ *Карпатскихъ*) до устья Серечи и Пруша (Исп. гос. Рос. III, стр. 71; сльдственно Россія возвратила еще не все древнее свое достояніе). Въ *Kiev. лѣт.* сей Князь такъ изображенъ: „шого же лѣша (1187) преславился Галицкій Князь Ярославъ мѣс. Окш. въ 1 день, а во 2 день (какъ скоро тогда хоронили мершыхъ, даже Государей) положенъ бысть въ церкви Св. Богородица. Бѣже Князь мудръ и реченъ языкомъ, и чпенъ въ земляхъ, и славенъ полкы. Гдѣ бо бяше ему обида, самъ не ходя съ полкы своими (шущъ пропускъ до слова: *водами*, ш. е. но посылалъ ихъ съ воеводами)... бѣ бо роспроилъ (устроилъ) землю свою, и милоспыню сило раздаваше, спранныя любя... честь подавая отъ сильныя своея (честь воздавая сильнымъ своимъ), и въ всемъ законѣ Божіи ходя, въ церковному чину самъ призирая и спроя добръ (Исп. гос. Рос. III, пр. 77).“ По смерти Ярослава Галицкій пронъ подвергся политическимъ бурямъ, копорыя

не пересказывали свирѣпствовашъ почти до половины XIV столѣтія, въ которое время онъ рушился. Сл. о пол. Иг. писано по смерти уже Ярослава (см. пр. 171); но чипашели должны припомнить, что когда дѣйствіе поемы происходило (въ 1185 г.), то Ярославъ былъ еще живъ.

(127) Въ перв. изд. было *Кощей*; но *кощей* значивъ ошрѣкъ (см. пр. 123): принявъ за собственное имя, какъ приняли перв. Изд., но въ Кіев. лѣт. и въ Сл. о пол. Иг. вездѣ говорится только о двухъ вождяхъ Половецкихъ: Кончакъ и Гзакъ (перв. Изд. называютъ Карна и Жля также вождями Половецкими; но гдѣ епо сказано?); слѣдственно *Кощей* здѣсь явная описка вмѣсто *Гзакъ*.

(128) Романъ Мстиславичъ, Князь Владимірской и послѣ Галицкой на Волынѣ, Государь, отличенно храброй, властолюбивой и предприимчивой; вошъ изображение его, оставленное намъ Волынскимъ лѣтописцемъ:, по смерти же Великого Князя Романа (въ 1205. г.), памятнаго Самодержца *всѣя Руси* (здѣсь разумѣется одна Южная Россія, хотя Романъ и пою не всею владѣлъ), одолѣвшаго всѣмъ поганскимъ языкомъ ума мудростию, ходяще позаповѣдемъ Божиимъ; усpreмилъ бо ся бляше на поганья, яко левъ, срѣдипъ (сердипъ) же бѣ, яко и рысь, и губяше, яко и коркодиль, и прохожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ же бѣ, яко и шуръ, ревновъ же дѣду (прапрадѣду) своему Мономаху (Исп. гос. Рос. III, пр. 114).“
Перв. Изд. смѣшали сего Романа Мстиславича Волынскаго съ *Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ*, Государемъ совсѣмъ противоположныхъ

своейспѣв (спр. 31), показавъ сами его въ поколѣнной росписи умершимъ въ 1180 году; небрежность удивительная.

(129) Перв. Изд. смѣшали также сего Мстислава Ярославича Луцкаго съ Мстиславомъ Ростовскимъ Новгородскимъ (спр. 31), показавъ сами его въ поколѣнной росписи умершимъ въ томъ же 1180 году.

(130) Опъ слова *перси*, грудь; *напорзи*, по перси, верхняя часть брони.

(131) Здѣсь говорится о побѣдахъ Романа надъ Литвою, Ятвягами (варварскимъ и оплично храбрымъ народомъ Лашышскаго племени, жившимъ въ лѣсахъ между Литвою и Польшею, тамъ, гдѣ нынѣ Бѣлоспокъ, Бѣльскъ и Дрогичинъ, Ист. гос. Рос. I, пр. 493), Деремелю (о семъ народѣ, върояшно со сѣдспвенномъ и единоплеменномъ съ Ятвягами, упоминается въ одномъ Сл. опол. Иг.) и Половцами (въ 1202 г. Ист. гос. Рос. III, стр. 107). О семъ по Романъ до самаго XVI вѣка въ Литвѣ сохранилась пословица: *Романе! лихимъ живши, Литвою орешы*, или: *злѣ, Романе, робишѣ* (дѣлаешь опъ слова *робѣ*, рабѣ, см. Рус. Пр.), *это Литвиномъ орешы*, которую сказаъ будшо одинъ пѣнной Липовецъ, научившись Русскому языку, и въпряженной въ плугъ вмѣсто вола; Романъ заставляя пѣнныхъ Липовцовъ расчищать нераспаханныя земли, запрягая ихъ скованныхъ въ плугъ (Ист. гос. Рос. III, пр. 114).

(132) *Утрьѣти* есть тоже, что утерѣѣти или пошерѣѣти (такъ въ Волынской лѣтписи встрѣчается *стрьѣти*, шерѣѣти: „и гражане не стрьѣ-

пѣша и *вдашась*, “Исп. гос. Рос. IV, пр. 102), означаеиъ лишеиіе или утрашу чего нибудь: *потериѣла* здоровье, спало плохо; *потериѣла* торгова, полу-чила вредъ: *потериѣла* казна, понесла убышкѣ; *цтриѣлъ* или *потериѣлъ* свѣтъ (выраженіе низкое, и даже необыкновенное), уменьшился, помрачился.

(133) Вѣ *Кіев. лѣт.*:, вѣ шо жѣ *лѣшо* (1187) воева Кончакѣ *по Руси* (шо же, чшо *по Руси*, рѣка Рось, текущая вѣ Днѣпрѣ ниже Кіева), и часто почаша воевати *по Руси* и вѣ Чернѣговской волости (области, Исп. гос. Рос. III, пр. 74); “не о сихъ ли набѣгахъ Половцовъ здѣсь рѣчь?

(134) Роменѣ, взяшой Половцами, стоиѣтъ на Сулѣ, впадающей вѣ Днѣпрѣ ниже Переяславля, кошорой построенѣ также недалеко отъ Днѣпра. Авшорѣ замѣкаеѣтъ о несчастной участи Ромена; по другимъ *лѣшописямъ* вѣѣ города по Сулѣ (на ней стоиѣтъ еще: Лубны, Недригайловѣ и Глинскѣ) взяли были Половцами (Библи. Рос. стр. 278).

(135) „Сии слова изображаютъ ужасѣ погдашнихъ Липовскихъ набѣговъ на Кривскую землю (Исп. гос. Рос. III, пр. 65);“ перв. Изд. не осмѣлились вѣшавиѣть букву *в* вѣ слово *Пологаномѣ*, но мнимую описку поправили вѣ переводѣ (стр. 33); такимъ образомъ отъ одной буквы вышелъ стран-ный и противный авшору смыслѣ (а все отъ того, чшо несоображались съ исторіею), ш. е. чшо Половцы вѣ одно время взяли Роменѣ и опусто-шали около Полоцка.

(136) Вѣроятно *Всеславѣ*, а не *Изяславѣ*, Ва-сильковичѣ и *правнукѣ*, а не внуку знаменитого Всеслава Брячиславича Полошскаго (Исп. гос. Рос.

II, пр. 407). Обѣ Изяславѣ въ лѣтописяхъ нигдѣ не упоминается, о Всеславѣ же во многихъ мѣстахъ, и у него были также два брата: *Брягиславѣ* и *Володша* или Всеволодѣ. Съ 1181 г. лѣтописи замолчали о Всеславѣ II, въ 1183 г. Липовцы безъ милости раззоряли Полоцкую землю (Исп. гос. Рос. III, стр. 63), и по словамъ нашего автора Изяславѣ Васильковичъ убишъ ими; слѣдственно Изяславѣ и Всеславѣ, кажется, одна особа.

(137) Перв. Изд. дали симъ словамъ собственн. смыслъ: *на селѣ то одрѣ лежа*; Г. Пожарскій перевелъ: *и пожелаѣ* (ш. е. онѣ *схоти*, какъ было въ перв. изд. принялъ за *восхотѣ*), *чтобъ сіа кровавая трава служила ему одромѣ*; но гдѣ это въ подлинникѣ? Здѣсь *схоти* описка вмѣсто *схити*, или *схити*, восхишилъ, а ю, ее, ш. е. славу; мысль автора такая, что Изяславѣ палъ увѣнчанный славою.

(138) Авторѣ переносится въ предѣлы Западной Россіи, ш. е. Кривской или Полоцкой земли; и пошому здѣсь речъ не о Городенскомѣ (городищѣ въ Львов. уѣз. Курск. губ.), а мѣстечкѣ *Городно* въ Мин. губ. между рѣками Спыремѣ и Горынью, въ копоромѣ въ старину было княженіе: „посла (Мстиславѣ I) братаію свою: Вячеслава изѣ Турова, Андрея изѣ Володимеря, Всеволодка изѣ *Городна* (Исп. гос. Рос. II, пр. 250). . . ходи Мстиславѣ на Липву (въ 1132 г.) съ сынами своими и съ Олговичи, и съ Всеволодомѣ *Городенскимѣ* (Исп. гос. Рос. II, пр. 253);“ здѣсь ясно, что прилагаш. (*Городенскій*

происходитъ отъ мѣстечка *Городно*, а не отъ городища Городенскаго. Впрочемъ есть еще *Городня*, мѣст. въ Рогач. уѣздѣ Могилев. губер. (геогр. Сл. Щеканов. II, 75); но я послѣдовалъ Н. М. Карамзину.

(139) По смыслу также внукъ или правнукъ Всеслава I; но по лѣтописямъ неизвѣстенъ.

(140) Знаменитый Всеславъ Брячиславичъ Полошскій изображенъ современнымъ Неспоромъ также Государемъ храбрымъ, бодрымъ и непотимымъ; но жестокимъ и любящимъ кровопролитіе, въ кономъ прошла почти вся его жизнь. Дѣла Всеслава бывали чрезвычайно плохи; но онъ никогда не унывалъ отъ частыхъ своихъ неудачъ, и всегда умѣлъ поправлять ихъ; двоюродные его дяди, Кіевскіе Ярославичи два раза лишали его наслѣдственнаго престола, и одинъ разъ вольности самымъ вѣроломнымъ образомъ. Всеславъ вняжилъ 57 лѣтъ и умеръ, обладая Полошкомъ.

(141) О семъ обстоятельствѣ жизни Всеславовой въ лѣтописяхъ не упоминается.

(142) Перв. Изд. и Г. Пожарскій перевели въ един. числѣ; но здѣсь двойств. чис. сказ. или предлож. надежъ; слова всѣ ясны, но мысль шемна.

(143) Въ перенос. см. *кляка*, лукавство, хитросль: „*клякижъ* въ немъ не бѣ (Библ. Рос. стр. 126);“ но здѣсь слово сіе употреблено, кажешся, въ собствен. см. видно Всеславъ былъ раненъ, и безъ помощи космилей не могъ сѣсть на лошадь. Г. Пожарскій под-

куетъ, что клюками подвѣрся о кони знаитъ самострѣльными машинами укрѣпился на лоша-
дяхъ (какія же ешо были самострѣльныя маши-
ны, и какиѣмъ образомъ посредствомъ оныхъ
Всеславъ укрѣплялся на лошадахъ? весьма бы
любопытно было знашь; жаль, что Г. Пожар-
скій не сказалъ ешого); *ибо слово клюка на Кар-
ніольскомъ нарѣчїи клюка, на Польскомъ клюжка
имѣетъ между многими слѣдующія значенія:
пастъ, самоловка, зитрость, штука* (спр. 65).
Да развѣ Сл. о пол. Иг. писано на Карніоль-
скомъ нарѣчїи, или на Польскомъ языкѣ? Есць-
либы слово *клюка* исчезло въ нашемъ языкѣ, и
въ самыхъ лѣтописяхъ не встрѣчалось, то ис-
кашь его въ другихъ единопзычныхъ намъ на-
рѣчїяхъ не худо; но оно и пеперь всякому из-
вѣстно. Вотъ доказательство, что одно слово
у насъ значитъ шо, а у Поляковъ, Крошовъ
или Богемцовъ другое.

(144) Мысль автора ша, что Всеславъ до-
сшалъ Киевскій пресшолъ оружіемъ; но онъ въ
1068 г. изъ шюрмы посаженъ былъ на оной
взбуншовавшимися противъ Изяслава I Киев-
лянами; или Авторъ хощѣлъ симъ возвеличить
Всеслава, къ кошорому онъ какъ будшо являетъ
пристрастіе?

(145) Въ *лѣт. по Кен. сп.* „пойде Изяславъ
сѣ Болеславомъ на Всеслава; Всеславъ же пойде
прошиву, и приде къ Бѣлугороду Всеславъ, и
*бывшей ноци, упася Кіаив, и бѣжа изъ Бѣла-
города къ Полоцку* (Библ. Рос. спр. 120).“

Сей Бѣлгородъ не уѣзд. гор. Курской губер.

на рѣкѣ Дону, построенной въ 1593 г. а *Бѣлогородка*, мѣстечко на рѣкѣ Рупинѣ, въ 40 верстахъ отъ Кіева, гдѣ, кромѣ вала, древняго ничего нѣтъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 468).

(146) Въ перв. изд. было *возни*, описка или опечатка вмѣсто *вози*; А. С. Шишковъ замѣтилъ, что ешо вѣроятно должно быть прилагаш. и значить: *возимый на возахъ*; Г. Пожарскій въ самомъ дѣлѣ воспользовался симъ замѣчаніемъ, и перевелъ: *возовыми* (употребительно только въ семъ реченіи: *возова лошадь*, ша, которая ходитъ въ возу) *стрикусами* (родъ сѣбнобашнаго орудія); въ тому жъ убѣдился онъ въ справедливости сего замѣчанія, что *возни* на Польскомъ, Богемскомъ и Кроатскомъ языкахъ (будто) значить: *возимый, воровый* (спр. 75).

(147) Всеславъ взялъ Новгородъ Великій по харашейнымъ спискамъ Нестора въ 1067, а по древней Новгородской лѣтописи въ 1066 г. онъ ограбилъ въ немъ самой Софійской соборъ. Новгородской лѣтописецъ въ искусственной горести сердца восклицаетъ: „и колокола съима у Свяшья Софіи! о великая бѣда въ часъ шый! и паникадила съима“ (Исп. гос. Рос. II, пр. 118):“

(148) Въ перв. изд. было *Ярославъ*; но тогда никакого Князя сего имени не было; а былъ Вел. Кн. Изяславъ Ярославичъ, которой ошъ Всеслава бѣжалъ изъ Кіева, когда сей взбунтовавшимся народомъ освобожденъ былъ изъ шюрьмы. Авторъ намѣкаетъ кажешся о семъ обществѣ.

(149) Перв. Изд. перевели: „не *быліемъ* были посѣяны,“ ш. е. не правою; но сраженіе, о которомъ здѣсь речь, происходило 3 Марша, 1067 г. и берега Немени (древней Немизы) покрышы были не зеленою правою, а глубокимъ снѣгомъ (Исп. гос. Рос. II, стр. 74). *Болого* то же, что благо, добро: „занеже ему *болородѣль* (благодѣшельспвовалъ) и хоронилъ (хранилъ) шоварѣ его (Исп. гос. Рос II, пр. 96);“ да и нынѣ въ просторѣчїи говорїшя: *болоро* ему было сказано.

(150) Перв. Изд. перевели: „до *Курска* и до *Тьмцторакани*,“ и шакимъ образомъ *кура* или *пѣтцха* („и абїе *курѣ* возгласи,“ Машѣ. XXVI, 74, Синодаль. Хараш. Еван. писан. 1144 г.) превратили *въ городѣ Курскѣ*. Въ просторѣчїи и нынѣ говорїшя: *до пѣтцховѣ*, *въ пѣтцхи* (въ старину: *до курѣ*, *въ куры*: „и бысть въ чешвершорѣ на ночь, поча изнемогаша, и яко бысть *въ куры*,“ и пр. Исп. гос. Рос. IV, пр. 175), ш. е. до пѣнїя пѣшуховѣ, когда поюшѣ пѣшухи; конечно изъ Кїева на оспровѣ Таманѣ въ нѣсколько часовѣ поспѣшь не возможно (шакже какѣ слышашѣ звонѣ Полошскихѣ церквей въ Кїевѣ); но сіе выраженїе есть гипербола, автору хотѣлось предшавишь Всеслава челоукомѣ необыкновеннымъ.

(151) Г. Пожарскїй думаетѣ, что епо по старинному правописанїю: *Хорсови*; А. С. Шишковѣ и Г. Бушковѣ полагаюшѣ, что епо описка; первой вмѣсто: *Херсонови*, вшорой вмѣсто: *Днѣпрови*; но здѣсь не йдетѣ значенїе ни идола Хорса, ни города Херсона, а рѣки Днѣпра идетѣ.

На дорогѣ изъ Кіева въ Тьмушорокань (а) Днѣпръ надобно переѣзжашь; затрудненіе въ одномъ словѣ *путь*, дорога, а не печеніе; но мы должны уже привыкнушь къ мешафорическому слогу авшора: здѣсь Днѣпръ одушевленъ, а говоря о лицѣ сказашь можно: *переѣзжать дорогу* или *прерыскать путь*. Я самъ починялъ епо мѣсто непонятымъ (и пошому ошавилъ безъ перевода); но на конецъ убѣждаюсь въ справедливости догадки Г. Бушкова.

(152) Т. е. Бояну; но перв. Изд. и Г. Пожарскій дали такой оборотъ мысли авшора, что Боянъ не Всеславу, а вообще сказавъ припѣвку. Мы видѣли нѣсколько разъ, что авшоръ не договариваетъ: *уже погрузи жиръ во днѣ Каллы* (какой жиръ?) . . . *и въ море погрузиша* (кого?) . . . *грозою блше* (кому?) . . . *копія поють* (чьи?); переводчику надобно досказашь или дополнишь его мысль. Такъ и здѣсь: *аще и вѣща душа въ дръзвѣ тѣлѣ*, т. е. хотя въ другомъ тѣлѣ и мудрая душа, какова была у Всеслава; такимъ образомъ: *въ гасто бѣды страдаше* и *тому* будетъ относить къ Всеславу и согласовашь съ испорією; Всеславъ при всей своей хитрости былъ несчастливъ.

Но ешлы первымъ Издателямъ показалось

(а) Г. Бушковъ починяетъ Тьмушорокань, о коемъ здѣсь речь, *Остреческимъ* (ошъ рѣки *Остра*, при кошорой онъ будшо шюла), а не Черноморскимъ; но существованіе сего Остреческаго Тьмушорокана подвержено большому сомнѣнію (Ист. гос. Рос. II, пр. 117).

сіе мѣсто подверженнымъ двусмыслію, что они говорятъ: „когда и при кошоромъ Государѣ *гремѣла* его (Боянова) *лира*, ни почему узнашь не лѣзя (спр. 2),“ по припѣвка Боянова: *ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути* должна бы ихъ вывешти изъ заблужденія, что Боянъ жилъ до введенія въ Россіи Христіанской вѣры (спр. 7 (а)). Имѣюшъ ли понятіе о судѣ Божіемъ язычники и еще варвары? даже мысль сей припѣвки взята едва ли не изъ Екклесіаста (XI, 14): „яковсе швореніе приведетъ Богъ на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво.“

(153) Вел. Кн. Владиміръ I передъ самою смертью готовился итти въ походъ въ Новгородъ наказашъ сына своего Ярослава, копорой не хотѣлъ *давать урока* или плашишь дани 2000 гривенъ, Несп. Библ. Рос. спр. 92.

(154) Мѣсто довольно темное; К. Θ. Калайдовичъ думаетъ, что *хоботъ* значитъ *земля* (шакъ перевели и перв. Изд: *ихъ послаѣ на рогахъ*, вспахивая землю), и что онъ еного произошло проспонародное *ухоботье* или *хвостецъ*, обивки, собираемые послѣ (вѣянья) яроваго хлѣ-

(а) Сочинишель *Пантеона Россійскихъ авторовъ* шакого же мнѣнія: „можешъ бышь жилъ Боянъ во времена Героя Олега; можешъ бышь пѣлъ онъ славный походъ сего аргонавта къ Царюграду, или несчастную смерть храбраго Святослава, копорой съ горешію своихъ погибъ среди безчисленныхъ Печенеговъ, или блестящую красощу *Гостомысловой* правнуки Ольги.“ Сколько догадокъ и ни одна не основана на исторіи!

ба (древ. Рос. спих. спр. XXVI). Точно такъ; но по сей самой причинѣ *хоботъ* никогда и не значилъ *земля*: привѣяннѣ хлѣбашучное зерно, какъ шяжелѣйшее, лешитъ далѣе и называется *головка*; а шощее, какъ легчайшее, падаешъ шумъ же у ногъ и называется *ухоботье* или *хвостецъ*, что одно и шо же значитъ. Въ старину оба слова: *хоботъ* и *хвостъ* (еслии только послѣднее не новое и неизперваго испорчено) также значили одно и шо же: „и *хоботъ* его (змѣя) ошторже шрешю часть звѣздъ небесныхъ, Апокал. XII, 4 . . . und sein schwanz zog den dritten theil der sterne . . . et il entraînoit avec sa queue la troisième partie des étoiles.“ Но вотъ еще примѣръ, взяшый изъ нѣхъ же самыхъ *древнихъ Россійскихъ стихотвореній* (спр. 45), на кошорья ссылаясь К. Θ. Калайдовичъ говоритъ, что *хоботъ* значилъ *земля*:

Обвиваешся люшой змѣи около чебоша, зеленъ
сафрянъ,

Около чулочика шелкова, *хоботомъ* бьешъ по бѣлу
сшегну.

К. Θ. Калайдовичъ указываетъ еще на другое мѣсто въ древ. Рос. стихошв. спр. 388:

Онъ (Суровецъ) бѣгалъ, скакалъ по чису полю,

Хоботы мешалъ по шемнымъ лѣсамъ;

но здѣсь *хоботъ* не значилъ ни земля, ни хвостъ; а еслии имѣешъ какой смыслъ, шо развѣ описка вмѣсто: *гоботы*.

Выраженіе: *нѣрози носа имъ* (Рюрику и Давиду) *хоботы* (здѣсь шворитъ. а не винитъ. пад.) *пашутъ* довольно спранные; *пахать хвостами* не лзя сказать и о волахъ, на кошорыхъ обык-

новенно землю пашуть въ Малороссіи; а авторъ говоритъ о врагахъ Рюрика и Давида. Не мѣшитъ ли онъ на то, что Романъ Вольинскій (въ такомъ случаѣ сей смѣшанъ съ Рюрикомъ и Давидомъ) впрягалъ въ плугъ плѣнныхъ Липовцевъ (см. пр. 131)? шѣмъ паче, что ниже слѣдуетъ: *копѣя поють на Дунаѣ*, т. е. оружіе (ихъ) славится на Дунаѣ; симъ, по мнѣнію моему, означающія Романовы побѣды надъ Половцами въ древней Украинѣ (Исп. гос. Рос. III, стр. 107).

Г. Пожарскій извѣщаетъ епо мѣсто слѣдующимъ образомъ: *на Польскомъ языкѣ хоботы значить зоботы, сапоги (сіи послѣдніе попольски boty, выговар. бѣты); посему рѣчь подлинника: нѣ рози нося иль хоботы пашуть означають слѣдующую мысль: но рогами, то есть, могуществомъ, силою, или посредствомъ могущества, силы, нося сапоги, землю пашуть; или но сдѣлавшись могущими, стали въ сапогахъ землю пахать (не лѣзя поняшибе, только не для чинашелей, а развѣ для самого автора). Выраженіе: въ сапогахъ землю пахать, сообщаетъ понятіе о богатствѣ (нынѣ народъ богатше, однакожъ въ сапогахъ не пашуть).*“

(155) Перв. Изд. перевели *зегзицею незнаемъ*: какъ осмавленная горлица; но 1) зегзица не горлица, а *кукушка*; сія послѣдняя попольски: *зегзеллица* и *зегзелка*, побѣлорусски: *зегзюлка*, помалороссійски: *зоуля*; 2) *незнаемъ* положено въ муж. родѣ; и потому относится къ сущ. *гласъ*; но перв. Изд. поставивъ запящую послѣ *незнаемъ*, ошнели сіе прил. (также и Г. Пожарскій, ко-

порой перевелъ: *странная или необыкновенная*; но коушки всѣ одинаковы) въ суц. *зегзицею*.

(156) Въ перв. изд. было: *по Дунаеву*, но должно *по Донови*; ибо сраженіе происходило на *рѣцѣ*, на *Калѣ*, у *Дону великаго*.

(157) Авторъ называетъ рѣку *Дивпрѣ*, какъ челоука, по опечесству (въ старину *по извотгеству*): *словутиць*, или *словутиць*, ошѣ прил. *словутый*; сіе показываетъ, что и тогда умѣли ковать новыя слова.

(158) Въ перв. изд. было: *носады*; но должно *насады* (ошѣ гл. *насажать*), родѣ судовѣ: „Новгородци же, всѣдавшие *въ насады*, вгребоша въ *Ладогу* съ *Ярославомъ* (Ист. гос. Рос. III, пр. 317).“

(159) Здѣсь А. С. Шишковъ думаетъ про извѣстное морское явленіе, *водяные столбы* или *тромбы* (то есть, что *смерти* и *сморци* суть одно и то же); но какое отношеніе сіи могли имѣть къ *Игореву побѣгу*? Поищемъ слову *сморци* другаго значенія: един. число онаго должно быть *сморкѣ* (такъ: *полкѣ*, *полци*; *волкѣ*, *волци*); сіе доводитъ насъ до корня сего слова гл. *меркнцѣ* (я уже замѣтилъ, что *e* измѣняется на *o* см. пр. 30); слѣдственно *сморци* суть то же, что *сумерки*. По *Кіев. лѣт.* (см. пр. 161) *Игорь* предпринялъ побѣгъ также вечеромъ.

Г. Пожарскій, по обыкновенію своему, прибавляетъ къ *Польскому языку*; сей для него при извясненіи шемныхъ мѣстъ въ *Сл. о пол. Иг.* то же, что для мореходца компасъ въ бурную, мрачную ночь, съ тою только разницею, что ешомъ вождь никогда не обманываетъ, а *Польской языкѣ*

вѣчно вводилъ въ ошибку Г. Пожарскаго, на пр. здѣсь: *смерць* (не смерць, а *сморици*) *польски хмурка, хмуретка означаєть облако, тугу; и онъ смѣло переводилъ: идутъ туги мглою.*

(160) Въ перв. изд. частица не была пропущена; Изд. не хоша прибѣгнуть къ сей догадкѣ, перевели: *Игорь лежитъ; но спать* никогда не значилъ *лежать*. Г. Пожарской перевелъ, какъ было, то есть: *Игорь спитъ; но спать и вмѣстѣ бдѣшь, ш. е. не спать, не возможно.*

(161) *Овлуръ, Влуръ, Лаверъ и Лавръ* одно и поже имя; Половцы заимствовали Христіанскіе имена отъ Русскихъ; шакъ находимъ въ лѣшописяхъ: *Глѣба* Тиріевича, *Юрья* Кончаковича, *Данила* Кобяковича, и пр. Въ Кіев. лѣш. о побѣдѣ Игоря повѣствуется совершенно сходно: „посла Игорь къ Лаврови конюшаго, река: перебди на ону сторону съ конемъ поводнымъ. . . Половцы напилися бѣше комуза (*кумысь*, Ташарской, пьяной напитокъ изъ кислаго, кобыльаго молока). . . Конюшій повѣда, яко ждешь его Лаверъ; сей же вставъ ужасенъ и пренешенъ, поклонися образу Божію. . . и въземъ на ся крестъ и икону поднемъ съ стѣны. . . Спорожемъ же играющимъ и веселящимся, а Кнзя пворяще спяща. . . и проидоспа сквозъ вежа. Се же створи Богъ въ Пяшкѣ *всегера*, и иде 11 день до города Донца (бывшаго недалеко отъ впаденія рѣки Харькова въ рѣку Уды, и принадлежавшаго къ Курской или Переяславской обласпи), и ошполъ въ свой Новьгородъ, и обрадовашась ему. Изъ Новгорода иде къ Чернѣгову, помощи прося на

Посемье (мѣша по рѣкѣ Семи). Ярославъ же обѣща. . . Игорь же *ѣха къ Киеву*, и радѣ бысть ему Святославъ и Рюрикъ, сватѣ его (Исп. гос. Рос. III, пр. 73).“

Въ *лѣт. по Кен. сп.*: „по *малѣахъ днеахъ* ускочи (ушолъ) Игорь Князь у Половецѣ;“ но въ *Киев.* сказано, что онѣ, думая долго побыть въ плѣну, пона привелѣ къ себѣ изъ Руси: слѣдственно не по *малѣахъ днеахъ*, хотя и въ томъ же году.

(162) Ростиславъ Всеволодовичъ, братѣ Мономаховѣ, пошолъ въ Сугубѣ, близъ коей Русскіе разбишы были отъ Половцовъ Маія 26 дня, 1093 г.

(163) Перв. Изд. и Г. Пожарскій относятъ гл. *ползаша* къ сущ. *сороки*; но сіи птицы никогда не ползаютъ по пруньямъ или по лозамъ; а *дятлы ѣбгаютъ по деревьямъ*, имѣя самому случилось видѣть ешу странность въ лѣсу.

(164) Подъ *соколицемъ* разумѣется сынъ Игоревъ Владимірѣ, остававшійся въ плѣну; онѣ слюбился тамъ съ дочерью Кончака, которая называется здѣсь *красною дѣвицею*. Въ *Киев. лѣт.*: „пріиде (въ 1187 г.) Володимерѣ изъ Половецѣ съ *Кончаковою* и свори сватбу Игорь сынови своему, и вѣчаша его и съ дѣшашемъ (Исп. гос. Рос. III, пр. 73).“ Тапищевъ, неизвѣстно почему, называетъ ее *Кригаковою*, и прибавляетъ (очевидно отъ себя), что Владимірѣ, окрестя ее, назвалъ Славенскимъ именемъ *Свобода* (III, стр. 283).

(165) Въ перв. изд. было: *а въ соколца оцтаевѣ*, вѣпор. лиц. двойст. числа, жен. рода; но должно: перв. лиц. муж. рода: *а на сокольца оцтаема*; ибо ешо говоритъ о себѣ и о Гзакѣ Кон-

чакъ, да и въ послѣдствіи говоришься въ первомъ лицѣ: „ни нама будешь сокольца, ни нама красныя дѣвици, шо почнушь наю,“ и пр.

(166) Въ перв. изд. было: *Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти*: Издатели не разспавили даже знаковъ препинанія, вѣроятно по тому, что не нашли грамматическаго смысла (какъ же переводить, не нашедши онаго?): предлогъ *на* есть, но существительнаго нѣтъ; ибо *пѣстворца* имениш. а не виниш. пад. Здѣсь, я почишаю, слова перемѣшаны: *рекъ*; кто? *Боянъ*, *пѣстворца стараго времени Ярославля*, *Святъславля*, *Ольгова* (ш. е. Ярослава, сына его Святослава II и внука Олега Тмушороканскаго); что *рекъ*? *ходы*; на кого? *на Коганя* (или Кагана); *хоти* же здѣсь ничего не значишь, можетъ быть ошибочное повтореніе слова *ходы*. Мы видѣли выше (см. пр. 14), что Боянъ воспѣвалъ Мстислава храбраго; здѣсь же сказано какой именно, воспѣвалъ онъ, его подвигъ: *ходы на Коганя*. Въ 1016 году Мстиславъ храбрый вмѣстѣ съ Греками рушилъ проиъ Хазарскихъ Кагановъ въ Крыму, и послѣдняго изъ нихъ Георгія Цуло взялъ въ плѣнъ (Исп. гос. Рос. II, стр. 21). Н. М. Карамзинъ думаетъ, что Каганомъ названъ здѣсь *Русской Князь* (которой?), ссылаясь на древній, харашейной списокъ житія Владимира I, въ которомъ сказано: „похвалимъ же *Великаго Кагана* нашей земли, Володимера,“ и изъ сего заключаешь, что Кіевляне употребляли имя Кагана вмѣсто Государя для того, что они долгое

время были подвластны Хазарскимъ Великимъ Каганамъ (Исп. гос. Рос. I, пр. 84). Сочинишель сего житія для означенія верховной власпи и могущества могъ безъ сомнѣнія придашь Владиміру шишулъ Великаго Кагана, Великой Князь казалось ему мало; но одинъ примѣръ не доказываетъ еще, чшобъ Кіевляне (и авшоры) пакъ именовали всегда нашихъ Князей.

Г. Бушковъ почишаетъ сіе мѣсто пакже испорченнымъ и догадывается, чшо мысль авшора слѣдующая: скажемъ о погибели Святослава Ольговича (Свяшославъ Ольговичъ взяшъ былъ въ плѣнъ, а не убишъ) *милой женѣ его словами Бояна, пѣснотворца стараго времени Ярославля. Ходы на*, по мнѣнію его, ешь одно слово *ходына*, въ кошоромъ надобно учинишь легкую перемену буквы *х* на *г* и *ы* на *и*, шо и выйдешъ *година*; или вмѣсто *и ходы* должно чшашъ *шкоды*, *убышкы*, *вредъ* (куда же двашъ предлогъ *на*?); или наконецъ *и ходы* значишь *исходъ*, кончина жизни (чшашели могутъ выбиращъ любое, а смысла все небудешъ). Вмѣсто Хазарскаго *Кагана* Г. Бушковъ велишъ посшавишь Малороссійское *коханый*, милый; *хотя* же, какъ извѣшно, жена (см. пр. 64), Вѣспн. Евр. СХХI, стр. 102 и слѣд.

Упоминашъ ли здѣсь о мнимомъ *Бояновомъ гимнѣ* небывалому Князю *Летиславу*, писанному на *харатейномъ свиткѣ*, красными гернилами, невѣдомыми въ Россіи *Рунитескими буквами* (Сын. Опеч. LXX, 174)? подлогъ слишккомъ грубый, чшобъ могъ кого нибудь ввести въ обманъ. Замѣшимъ, чшо Боянъ намъ извѣ-

спенѣ изв одного Сл. о пол. Иг. и пошому, естлибѣ сочинитель пакѣ называемаго *Боянова Гимна* былъ немного поискуснѣ въ поддѣлкѣ, шо долженъ бы по крайней мѣрѣ не противорѣчь пѣвцу Игоря; но въ гимнѣ семѣ Боянѣ о себѣ говоришѣ, что онѣ сынѣ *Буца* (о Бусѣ см. пр. 112), *внукѣ Злогора, долбнаго пѣвца древнихъ повѣстий, и потомкѣ баснословнаго, Иоакимова Славена*. Изв сего полько видно, что сочинитель старался согласовашь сѣ легкопринятымъ мнѣніемъ, что Боянѣ жилѣ до введенія въ Россіи Христіанской вѣры.

(167) Перв. Изд. опнесли и сіи слова къ Бояну; но ешо прибавляешѣ опѣ себя авторѣ. Иначе Боянѣ, кошораго почитаютѣ они жившимъ до введенія въ Россіи Христіанской вѣры, будетѣ современникѣ Игоря.

(168) Гора въ самомѣ Кіевѣ, на кошорую подымашѣся надобно сѣ Подолу; въ Неспорово время урочище сіе называлось *Зборигевѣ* (и сѣдѣше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ *Зборигевѣ*, Библ. Рос. 90), вѣроятно опѣ слова *зборѣ*; ибо на сей горѣ поставленѣ былѣ Владиміромъ Перунѣ, и народѣ *збирался* шуда для жертвоприношенія.

(169) И въ семѣ обстоятельствѣ авторѣ Сл. о пол. Иг. согласуешѣ сѣ Кіев. лѣп. (см. пр. 161): *Пирогощю* въ Кіевѣ называлась церковь (заложенная Мстиславомъ Великимъ въ 1131 году) по образу Богоматери, привезенному на кораблѣ изв Констаншинополя въ Кіевѣ вмѣстѣ сѣ образомъ *Владимірской* Богоматери, находящимся нынѣ въ Москвѣ въ Успенскомѣ соборѣ (Ист. гос. Рос.

П, пр. 383). Епо были двѣ различныя иконы; одна въ Кіевѣ, другая въ Вышегородѣ (а), откуда сію послѣднюю Андрей Боголюбской въ 1155 году перенесѣ въ построенное имѣ недалеко отъ Владиміра село *Боголюбово*. Перв. Изд. повѣря Тапищеву, а сей Сшепенной книгѣ, образъ Пирогощей преврапили *въ купца Пирогощц*, которой будто привезѣ изъ Констаншинополя къ Георгію Долгорукому образъ Владимірской: но сверхъ почнаго свидѣтельства харашейныхъ лѣтописей о сей послѣдней: *юже принесоша въ единомѣ корабли съ Пирогощею*, она перенесена была во Владиміръ на Клязьмѣ изъ Вышегорода; слѣдственно находившаяся въ Кіевѣ, и называемая *Пирогощею* была другая.

(170) Вошѣ изображеніе сего буйшура Всеволода, оставленное намѣ современнымъ Кіевскимъ лѣтописцемъ; онѣ достоинѣ, чтобѣ потомство знало всѣ качествва прекрасной его души, самый наружный видѣ, и мѣсто, гдѣ онѣ погребенѣ :

Могила храбраго ошечеству священна.

„Спряшавше шѣло его (Всеволода) вся брашїа въ Олговичехъ племени съ великою честїю и съ плачемъ великымъ : понеже бѣ въ Олговичехъ всѣхъ удалѣ рожаемъ (дородшвомѣ) и вѣ-

(а) Собшвенность Велпкой Княгини Ольги, нынѣ небольшое село въ 7 версахъ выше Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра; въ немъ древняго ничего не ошалося, кромѣ каменной церкви, да и ша почипенная (Лекс. исш. геогр. юолиш. и граж. Ташищ. II, 506).

зраспомѣ, и всею добродѣшелію, и мужеспвенною доблестію, и любовь имѣаше къ всѣмъ. Епископъ же Черніговскій и вси игумени, и попове проводиша его до гроба (могилы), и положиша его въ церкви св. Богородица въ Черніговѣ (Исп. гос. Рос. III, пр. 73).“

(171) Можно бы подумашь, что Слово о полку Игоревомъ писано по случаю возвращенія изъ плѣна Князей; но авторъ упоминаешъ о побѣдахъ Романа Волынскаго въ 1202 году (см. пр. 131); слѣдспвенно оно писано въ самый годъ смерти Игоревой, однакожъ при жизни его; ибо авторъ именно говоритъ: „почнемъ же, брашіе, повѣспъ сію опѣ спараго Владиміра до нынѣшняго Игоря.“

Сл. о пол. Иг. предспавляетъ примѣръ, что піишическія произведенія могутъ бытъ писаны и въ прозѣ (разумѣется не въ наше время, когда для Поезіи есть особый языкъ). Върояшно, что произведенія Еврейской Поезіи писаны подобною прозою, коей періоды крашки, звучны, и заключающъ въ себѣ полной смыслъ, и слѣдспвенно удобнѣе для плѣнія; по крайней мѣрѣ всѣ шруды ученыхъ опредѣлишь размѣрѣ мнимыхъ Еврейскихъ стиховъ оспались щещены.

В СЛОВЬ

Владимир
(Святославичь
или Старый, ум.

Ярослав
или Старый
ум. 1054.

Святославъ
II, ум. 1076
бенский,
1057.

Романъ
Красный, 1078.
Тьмушоро-
канский, ум.
1079.

Святославъ
Чернигов-
ский, ум. 1166

Георгій I,
или Долгору-
кий, ум. 1157.

Всеволодъ,
буй шуръ,
Курский, ум.
1196.

иславъ
ум. 1167.

Всеволодъ,
большое гнѣ-
здо, Вел. Кн.
Владимир-
ский, ум. 1212.

Глебъ I,
ум. 1171.

Святославъ
Пронский.

рикъ
Овручъ-
ум. око-
1214.

Давидъ
Смоленский,
ум. 1197.

Владимиръ
Переяславль-
ский, ум. 1187.

володъ. Дневарь.

риль ци.

РОДОСЛОВНАЯ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ КНЯЗЕЙ.

Владимірѣ
(Святославичѣ) I,
или Старый, ум. 1015.

Изяславѣ
Полошскій,
ум. 1001.

Ярославѣ I, Мстиславѣ
или Старый, Храбрый, Тьмушо-
ум. 1054. роканскій, ум. 1036.

Брячиславѣ
Полошскій,
ум. 1044.

Владимірѣ *Изяславѣ* I,
Новгород- уб. 1078.
скій, ум. 1052.

Святославѣ
II, ум. 1076.

Всеволодѣ I,
ум. 1093.

Вячеславѣ
Смоленскій,
ум. 1057.

Всеславѣ
Полошскій,
ум. 1101.

Роспиславѣ
Тьмушоро-
канскій, оп-
рав. 1066.

Святополкѣ
II, ум. 1112.

Ярославѣ
Муромскій,
ум. 1129.

Олегѣ
Горислав-
личъ, Тьму-
шороканскій,
ум. 1115.

Романѣ
Красный,
Тьмушоро-
канскій, уб.
1079.

Владимірѣ Ростиславѣ,
II, или Моно- пошон. 1093.
махъ, ум.
1125.

Борисѣ,
уб. 1078.

Рогволодѣ
Полошскій, у-
пом. подв. 1127.

Володарѣ
Перемышль-
скій, ум. 1124.

Роспиславѣ
Рязанскій.

Всеволодѣ
II, ум. 1146.

Святославѣ
Чернигов-
скій, ум. 1166.

Мстиславѣ
I, или Вели-
кій, ум. 1132.

Георгій I,
или Долгору-
кій, ум. 1157.

Василько
Полошскій,
упом. подв.
1129.

Владимірѣ
Волынско-
Галицкій, ум.
1153.

Глебѣ
Рязанскій.

Святославѣ
III, или Гроз-
ный, ум. 1194.

Ярославѣ
Чернигов-
скій, ум. 1198.

Всеволодѣ,
буй шурѣ,
Курскій, ум.
1196.

Игорѣ
Новгородско-
Сѣверскій,
ум. 1202.

Олегѣ
Новгородско-
Сѣверскій,
ум. 1180.

Изяславѣ II,
ум. 1154.

Роспиславѣ
I, ум. 1167.

Всеволодѣ,
большое гнѣ-
здо, Вел. Кн.
Владимір-
скій, ум. 1212.

Глебѣ I,
ум. 1171.

Изяславѣ,
а въроашнѣ
Вселавѣ,
Полошскій,
уб. около
1183.

Брячиславѣ
Вишебскій,
упом. подв.
1159 и 1181.

Володша,
или Всево-
лодѣ, упом.
подв. 1159.

Ярославѣ
Осмомыслѣ,
Волынско-
Галицкій, ум.
1187.

Романѣ
Рязанскій.

Игорѣ
Рязанскій.

Владимірѣ
Рязанскій.

Всеволодѣ
Пронскій.

Святославѣ
Пронскій.

Владимірѣ,
зять Хана
Кончака, ум.
1212.

Святославѣ
Рыльскій.

Мстиславѣ
II, ум. 1170.

Ярославѣ
Луцкій.

Рюрикѣ
Буй, Овручъ-
скій, ум. око-
ло 1214.

Давидѣ
Смоленскій,
ум. 1197.

Владимірѣ
Переяславль-
скій, ум. 1187.

Евфросинія
за Игоремъ
Новгородско-
Сѣверскимъ.

Романѣ
Буй, Волын-
ско-Галиц-
кій, уб. 1205.

Мстиславѣ.

Всеволодѣ.

Ингварѣ.

Шестокрыльцы.

У д а л ы е

ПОПРАВКИ.

Стр.	Спрок.	Въ нынѣш. изданіи.	Стр.	Спрок.	Въ перв. изданіи.
54	7	бѣше	1	6	бѣшетѣ
	12	расѣшенашесея	3	2	растѣнашется
	14	помняше	6	6	помянеть
	15	пуцаше	8	8	пуцашеть
	22	на живыя струны	4	6	на живая струны
56	12	Спали Князю умѣ по- хоши и искусши Дону великаго, и жадосшь ему знаме- ніе заспуни.	6	1	Спала Князю умѣ по- хоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону вели- каго.
	25	чи ли	7	4	чили
58	2	есма	15	15	есѣ
	5	къмеші	8	2	къ мети
	11	славы	12	12	славѣ
	14	птиць	18	18	птичь
	17	и Поморію, и Посулію,	9	5	и по морію, и по Сулію,
	19	негошовыми	9	9	неготовами
	22	пасушь	15	15	пасетѣ
	25	въсѣрожашь	16	16	вѣсржатѣ
40	16	шучи	12	3	туча
	18	синія мѣлніи	6	6	синіи мѣлніи
	25	за шеломянемѣ	15	15	не Шеломянемѣ
	28	Русьскыи плѣкы	15	5	Русьскыя плѣкы
42	7	Кыя раны дороги,	20	20	Кая раны дорога
	10	сѣчи	14	4	вѣчи
	11	минули лѣша Яросла- влѣ,	4	4	минула лѣша Яро- славля
	16	Ярославѣ; а Влади- мирѣ, сынѣ Всево- ложѣ,	15	8	Ярославѣ сынѣ Всево- ложѣ; а Владимірѣ
	19	на конину	16	1	на кашину
	21	по сѣчѣ я	6	6	повелѣя
	24	сѣяшесея и рассяше	10	10	сѣяшется и рассяшеть
	25	погибаше	12	12	погибашеть
	30	въ шыи плѣкы;	17	11	вѣ ты плѣкы;
44	4	земли Половечьскыя	19	19	земли Половецкыя
	18	прикрыли	19	5	прикрыла
	19	въсшупила	19	7	Вступилѣ
	29	кликнуша	20	4	кликну

Спр.	Спр.	Въ нынѣш. изданіи.	Спр.	Спр.	Въ перв. изданіи.
	30	поскочисша		5	<i>по скочи</i>
46	8	Русьскыя	21	1	<i>Рускый</i>
	12	убудисша		8	<i>убуди</i>
	14	бѣше		12	<i>бѣшетъ</i>
	25	Ту Русьскаго злата насынаша,	22	12	<i>Рускаго злата насынаша.</i>
	27	кощеево		15	<i>Кощѣево</i>
	30	одѣваху	25	3	<i>одѣвахѣте</i>
48	3	сыпаху ми		7	<i>сыпахутьми</i>
	8	и не сошли	24	1	<i>и не сошло</i>
	15	опушоша		12	<i>опустоша</i>
	17	сѣ нима	25	4	<i>сѣ нимѣ</i>
	18	Владимірѣ		5	<i>Олегѣ</i>
	21	погрузиша		12	<i>погрузиста</i>
50	2	одолѣша	26	11	<i>одолѣсте</i>
	3	проліяша		13	<i>проліясте</i>
	5	сѣшворисша		17	<i>сѣшвористе</i>
	12	мужаимся	27	9	<i>му жа имѣся</i>
	17	Князи		18	<i>Княже</i>
	19	у Римѣ		21	<i>Уримѣ</i>
	29	не ваю ли злаченая шелома по крови плаваша?	29	5	<i>не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша?</i>
52	3	спременя		13	<i>стремень</i>
	6	Галчѣскыя	30	3	<i>Галички</i>
	8	горы Угорскыя		7	<i>горы Угорскыя</i>
	9	зашворивѣ Дунаю		10	<i>зашвори въ Дунаю</i>
	10	времены		11	<i>времены</i>
	14	Гзака		20	<i>Кощя</i>
	22	хинови	52	4	<i>Хинова</i>
	23	повѣргоша		7	<i>повѣргоща</i>
	27	по Рси		13	<i>по Рси</i>
54	3	не побѣдными ли	53	1	<i>непобѣдными</i>
	17	сѣхыши	54	2	<i>сѣхоти</i>
	18	пріодѣша		5	<i>пріодѣ</i>
	19	Не бышь		7	<i>Не бышь</i>
	22	Уныли		12	<i>Унылы</i>
	24	внуци		15	<i>внуце</i>
	26	славы	55	1	<i>славѣ</i>

Стр.	Спрок.	Въ ныѣш. изданіи.	Стр.	Спрок.	Въ перв. изданіи.
	29	бѣше насиліе оумъ земли Половечьскыя	5	5	бѣше насиліе отъ земли Половечьскыи
56	5	вонзи	17	17	воззи
	6	Изяславу	20	20	Ярославу
	10	кровава брезѣ небологомъ бѣсша посѣяна, посѣяна	36	7	кровави брезѣ не бологомъ бѣхуть посѣяни, посѣяни
	22	ни пищцею	37	6	ни птицо
58	3	по Донови	38	2	по Дунаеви
	16	насады	39	5	носады
	23	лучи	18	18	лучи
	29	не спишь,	40	3	спитѣ
60	4	Вежи ся Половечьскыя подвизаша	12	12	Вежи ся Половецкѣи подвизашася
	6	вѣржеся	41	2	вѣрѣжеся
	7	и скочи съ него, и босымъ вѣлкомъ пошече	3	3	и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и потече
	24	темна березѣ	42	15	темнѣ березѣ
		Ростиславля	17	17	Ростиславля
	26	преклонилось	43	2	прѣклонило
62	5	по лозію	9	9	полозію
	7	ростѣсрѣляема	16	16	рострѣляевѣ
	9	а на соколыца опушаема	20	20	а вѣ соколца опутаевѣ
	11	опушаема	44	2	опутаевѣ
	12	красныя дѣвици	4	4	красны дѣвице
	14	Рекѣ Боянѣ и ходы на Коганя, пѣсньшворца сшараго времени Ярославля, Свяшѣславля, Ольгова:	8	8	Рекѣ Боянѣ и ходы на Святѣславля пѣснѣшворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти:
	16	головѣ	12	12	головы
	24	Игору Свяшѣславличю, бую шуру Всеволоду,	46	4	Игору Святѣславлича. Буй шуру Всеволодѣ,

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
51	15 а слава предковъ не есть еще наша	а съ предками славой подѣ- лимся
57	2 всеоружіемъ	копіемъ
108	8 переведенное	взяное
155	20 шекущимъ съ лѣвой стороны въ Донецъ	шекущимъ съ правой стороны въ Донъ
	25 на той же лѣвой спо- ронѣ Донца	на той же лѣвой споронѣ Донца, на кошорой Осколъ
145	11 оно вѣроятно Славен- ское, сложенное изъ харь, лугъ, и по смыс- ду значить: желѣзо, будашъ. Харь или харя одно и шо же слово, хотя послѣднее нынѣ въ презр. см. значить: лице, рожа; буквы х, г первоначально одинъ звукъ; слѣдственно харь и гарь шакже од- но слово; гарь или го- реніе сохранилось и нынѣ въ просторѣчій: гарью пахнеть, смо- родомъ или дурнымъ запахомъ, происходя- щимъ отъ горенія. Первобышней языкъ у всѣхъ народовъ бѣ- денъ словами, но бо- гатъ значеніями, ш. е. что одно слово имѣетъ многія значенія. При добываніи желѣза ме- шалъ горель, шакже, какъ лице, которое сверхъ того загарало отъ солнца; Норицы назвали шо и другое гарь или харь, лугъ же вѣроятно прило- жено послѣ: харьлугъ, луговое желѣзо, или копимъ косяшъ лугъ; слѣдственно коса, ко- шорая шакже дѣлаеш- ся изъ желѣза.	оно вѣроятно Славенское, и происходить отъ гараль, пр. вр. гл. гараю (уач. видъ гл. горю или гарю), упошребл- шельнаго и нынѣ въ сложныхъ: загараю, сгараю, угараю; утъ же или ухъ (буквы х, г одинъ звукъ) есть существиш. окон- чаніе; шакъ: женчина, женчюгъ; овца, овчюгъ; кожа, кожухъ; бью, обухъ; досю (вспрѣчаеш- ся въ одной Волян. лѣш. и шо въ слож. вр.: „Андрей же не удоси (не заспалъ) его; но удоси, владыку,“ Исп. гос. Рос. IV, пр. 20) досугъ; шерплю, шерпугъ, и пр. При дѣланіи будаша (замѣшимъ, что буда- лашъ Татарское слово и онимъ замѣнено въ нашемъ языкѣ Славенское харалугъ; въ лѣшописяхъ встрѣчаюшся Татарскія имена: Нордоулашъ, Будашъ, Исп. гос. Рос. VI, 159, VIII, 59) желѣзо угарало; почему и назвали его: гара- лугъ или харалугъ. По крайней мѣрѣ, повуда не найдется въ другомъ какомъ языкѣ слово, имѣющее съ харалугъ одинъ звукъ и одно значеніе, не лязъ почестъ его чужимъ. Слово харя, лице, рожа, происходитъ шакже отъ гл. гарю (пошому что лице загараетъ отъ сол- нца) и ешь одно съ гарь (здѣсь буква г шакже измѣнилась на х), гореніе, чадъ, смородъ, происходящій отъ горенія.

СУДЪ ЛЮБУШИ,

ДРЕВНЕЕ

ЧЕШСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

МОСКВА,

Въ Типографіи Семена Селивановскаго.

1825.

Печашашь позволяеиця съ представленіемъ пяти екземплярѡвъ въ Цензурный Комитетъ для казенныхъ мѣстѡвъ. Москва 1822 года, Декабря 14 дня. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Сѣкретарь и Кавалеръ,

Михаилъ Катеновскій.

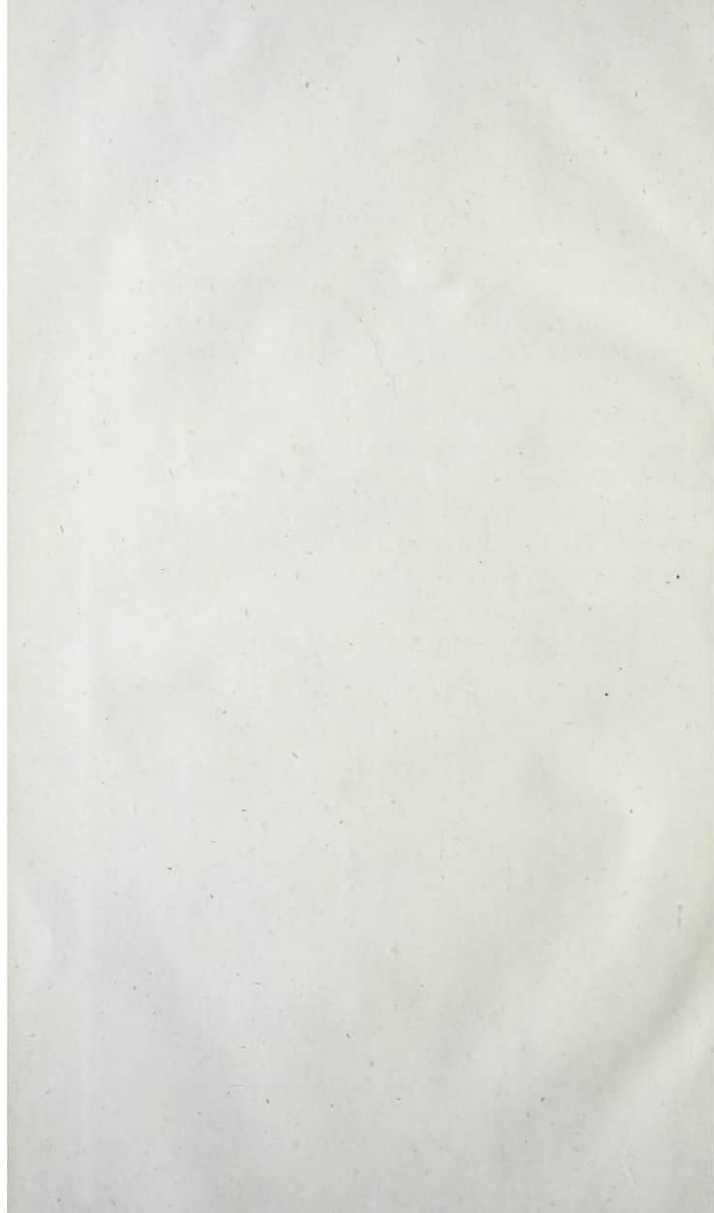
ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Сенатору,
Дѣйствительному Камеръ-геру, Почетному Члену:
Императорской Академіи Художествъ и Импера-
торской Россійской Академіи, орденовъ: святаго
Александра Невскаго, святаго равноапостольна-
го Князя Владиміра 2 степени, Анны 1 степени,
святаго великомученика и побѣдоносца Георгія
4 степени, святаго Іоанна Іерусалимскаго боль-
шаго креста, Гишпанскаго золотого руна и Си-
цилійскаго святаго Январія Кавалеру,

Милосшивому Государю

ДМИТРІЮ ПАВЛОВИЧУ

ТАТИЩЕВУ.

Пусть Муза Исторіи,
Правдивая, строга,
Опишетъ со временемъ,
Ташицевъ, дѣла швои,
Какъ вѣрой и правдой ты
ЦАРЮ служилъ БЪЛОМУ
(То знала Европа вся,
То знало Ошечество)
На полѣ, гдѣ рашуютъ
Перомъ, а не саблею,
Берушъ грады швердые,
Твердынь ихъ не рушивши,
Берушъ не оружіемъ,
А мудрой Полишкой,
Наукою дивною,
Немногимъ помяшною.
Нѣшъ Муза Поезін,
Моя Муза сельская
Вѣнчаешъ, о доблїи мужъ,
Въ шебѣ благодѣшеля!
Ты былъ Меценашъ ея,
Къ незвучному пѣнію
Склонилъ ты ЦАРИЦЫ слухъ;
Прими же, о доблїи мужъ,
Дань сердца признашельна!
Прими, не умрешъ она,
Жишь будешъ усердіемъ.

Николай Граматинъ

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Г. Раковецкій издалъ въ Варшавѣ въ 1820 году на Польскомъ языкѣ книгу своего сочиненія подѣспраннымъ названіемъ: *Русская Правда*; иной подумаетъ (шакъ и я сперва подумалъ), что Г. Раковецкій принялъ на себя трудъ объяснить для своихъ земляковъ нашу древнюю Русскую Правду: вмѣсто того онъ доказываетъ (мечшы доказывать гораздо легче, нежели объяснять дѣло) въ своей новой Русской Правдѣ: *что древніе Славяне не были такими дикарями, какими изображаетъ ихъ намъ древняя и новая исторія*¹, *что они до принятія еще Христіанской вѣры имѣли усовершенствованный языкъ*², *издавна должны были знать искусство писанія, и что Русская Правда не есть право Готское*³; *но остатокъ древняго, Славенскаго права* (Изв. Рос. Акад. кн. IX, стр. 65). Въ нѣсколькихъ спрочахъ, а сколько парадоксовъ!

Но намъ дѣла нѣтъ до парадоксовъ Г. Раковецкаго⁴; намъ дѣло до опривка о судѣ Любуши, помѣщеннаго въ его Русской Правдѣ и любопытнаго: 1) *по языку*, которой есть чистой, Славенской; но различной отъ Церковнаго и даже Лѣтописнаго, хотя впрочемъ удобной понимать, особливо шеперь, когда сей опривокъ напечатанъ буквами, изобрѣшенными для выраженія Славенскихъ, а не Римскихъ звуковъ⁵; 2) *по дѣйствию*, которое происходитъ во времена

языческа; авторъ воспѣваешъ плямбу между двумя брашьями, рѣшенную на *славномѣ* сеймѣ, и воспѣваешъ не безъ достоинства, доказательство, что и судебное дѣйствіе входило въ область Поэзиі.

Поелику опровергъ сей имѣетъ характеръ историческій (авторъ могъ пользоваться или какимъ преданіемъ, или какимъ неизвѣстнымъ намъ лѣтописцемъ), то напередъ скажемъ объ немъ свое мнѣніе. Изъ опроверка сего видно, что Славяне - чехи (Богемцы) во времена Княжны ⁶ своей, Любуши, также какъ древніе Римляне, имѣли законы, писанные на *доскахъ*, названныхъ опъ того *правдодатными*; шеперь вопросъ: *какими буквами писаны были сіи не дошедшіе до насъ законы?* вѣроятно *Рунами*; поелику другой грамошы въ сей опдаленной періодъ бышь не могло. Брашья ихъ, Мекленбургскіе Славяне упошребляли уже сіи Руны; почему жъ не упошребляшь ихъ и Чехамъ? Г. Профессоръ (въ Пражскомъ университетѣ) Юнгманъ думаетъ, что *Славяне изъ отечества своего, Индіи принесли съ собою собственное свое письмо, которое совсѣмъ истребили. Католицкіе священники* (Изв. Рос. Акад. IX, 47); но 1) *Кто доказалъ, что Славяне пришли изъ Индіи?* Онъ же, Г. Профессоръ Юнгманъ, ссылаясь на какого то Чеха *Брезовскаго*, копорой разговаривалъ на первобытномъ Славенскомъ языкѣ съ Индѣйцами; но не въ опечествѣ ихъ, Индіи, а въ Китайскомъ портѣ Канпонѣ; удивительно, какъ можно писать, въ нашъ вѣкъ, шакія жалости

достоинныя вещи; и кто же пишеть? ученой Профессоръ. 2) *Гдѣ памятники сей Славено - остѣ-Индской грамоты, или по крайней мѣрѣ кто прежде Г. Профессора Юнгмана о ней упоминалъ?* памятники же Рунического письма Славянѣ мы имѣемъ надписи на Решрскихъ, мѣдныхъ кумирахъ, найденныхъ въ XVII вѣкѣ на южномъ берегу Толлензскаго озера въ Прильвицѣ (Исп. гос. Рос I, 67, 109). Здѣсь повѣствуетъ Исторія, а шамъ догада изъ головы; *это предположительнѣ?*

28 Ноября, 1822.

МОСКВА.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

(Отрывокъ)

.....
Всѣмъ отъ свѣи челяди воѣводѣ;
Мужье пашу, жены рубы шроя.
И умре ли глава челядина,
Дѣши всѣ шу збожьемъ вѣдно владу⁸,
Владыку си зѣ рода выбернуце,
Кы плезне дле вѣ снемы⁹ славны ходи,
Ходи сѣ имешьми, Лѣхи¹⁰, владыками.
Всѣшау имеши, Лѣси и владыны,
Похвалиху правду по закону.

Аи, Влшаво¹¹, че мушиши воду?
Че мушиши воду сшреброуѣну?
За ше луша розвляяше бура,
Се сипавощи¹² шучу шира неба,
Оплакавши главы горѣ зеленыхѣ,
Выплакавши злашопеску глинну.

„Нако быхѣ язѣ воды не мушила,
Кеде ся вадиша родна брашри,
Родна брашри о дѣдинѣ ошнѣ?

Всѣмъ надѣ своей челядью господинѣ; мужики пашушѣ, бабы рубахи шьюшѣ. И умрешѣ ли глава челяди, дѣши всѣ шушѣ имѣьемъ заодно (вмѣстѣ) владѣюшѣ, выбираючи себѣ изѣ (своего) рода домовладыку, кошорой дле (ихѣ) пользы на сеймы славны ходишѣ, ходишѣ сѣ Ляхами, поселянами (и) домовладыками. Всѣшали Ляхи, поселяне и домовладыки, похвалили судѣ по закону.

СУДЪ ЛЮБУШИ.

(ОТРЫВОКЪ)

.....
Всякъ воеводой въ дому своемъ буди;
Мужи орише, съ пашней управляйшесь,
Жены рубахи мужьямъ своимъ шейше.
Дому ль владыка умрешъ именьшый,
Вмѣстѣ владѣюшъ имѣнемъ всѣ дѣши,
Сшавяшъ владыку новаго избъ рода,
Кой для ихъ пользы въ сеймы славны ходишъ,
Съ Ляшскими ходишъ имещи и владыки.
Кмещи, владыки Ляшскіе восшали,
Правду всхваляли боговъ по закону.

Сребрены воды что мушишь Волшава?
Люша восшала буря за шобою,
Черныя шучи небо все покрыли,
Горь надъ вершиной пролились зеленой,
Дно возмушили, дно злашопесчано.

„Какъ мнѣ Волшавѣ, какъ мнѣ не мушиши
Сшруй сребропѣнныхъ? два родные браша
Ссоряшся крушо о наслѣдья ошнемъ;

Аи, Волшава, что мушишь воду? что мушишь воду сребропѣную? за шобою восшала сильная буря, несущая на свислящихъ крылахъ своихъ (чернобагровую) шучу съ широкаго неба, облившая главы горъ зеленыхъ, взмушвившая (швою) злашопесчаную гдину.

„Какъ бы я воду (своихъ) не мушила, когда ссоряшся родные брашья, родные брашья объ ошцовскомъ наслѣдствѣ,

Вадша ся крушо между собу
 Душы Хрудосъ на Олавъ кривъ,
 На Олавъ кривъ, злашносѣ,
 Смаглавъ храберъ на Раддужъ хладѣ;
 Оба брашри, оба Кленовича,
 Рода спара, вшвы Попелова,
 Ънже ¹³ прѣйде съ плекы ¹⁴ Чеховыми,
 Всеже жирне ¹⁵ власши пресшри реки ¹⁶.“

Прилешѣше дружна власшовица ¹⁷,
 Прилешѣше ошв Олавы кривы,
 Сѣдѣ на оконце рождѣзило ¹⁸
 Въ Лубушинѣ, ошавъ, злавъ сѣдѣ ¹⁹,
 Сѣдѣ ошвѣ, свѣшѣ ²⁰ Вышеградѣ,
 Бѣдуе и нарикае мушно.

Кды се слише ея родна сесшра,
 Родна сесшра въ Лубушинѣ дворѣ,
 Сироти Квѣжну ушрѣ у Вышеградѣ
 На попражю ²¹ уставиши правду,
 И погнаши брашри ея оба,
 И судиши има по закону.

Каже Квѣжна выправиши послы
 По Знашославъ ошв Лубице бѣле,
 Идѣже су дубравины уне ²²,

ссоряшя горячо между собою, люмый Хрудосъ на Олавъ излучистой, на Олавъ излучистой, злашносной, Смаглавъ храбрый на Раддужъ хладной; оба брата, оба Кленовича, рода древняго, вшвы Попеловы, кошорой пришель сюда съ Чешскими полками (и) просшерь сильной власши речи.“

Прилешѣла домовишя дашочка, прилешѣла ошв Олавы излучистой, сѣла на рѣшешчатое окошечко въ Лубушиномѣ, ошцовскомѣ; злавшпресшольномѣ седеши, въ ошцовскомѣ

Ссорился лютый Хрудосъ на Олавъ,
 Злашо влекущей въ непрямомъ шечень;
 Ссорился храбрый Спаглавъ на Раддужъ,
 Хладныя воды въ лбша зной кашащей;
 Оба же браша, оба Кленовича,
 Сшараго рода, вѣвши Попеловы,
 Кой пришедъ въ край сей съ Чешскими полками,
 Всюду просхеръ въ немъ власшь свою и силу.“

Отъ злашосной, непрямой Олавы
 Ласпочка дружна приешѣла, сѣла,
 Сѣла на красно, съ рѣшошкой оконце
 Терема ошня, Любушина ошня,
 Въ градъ пресшольномъ, въ градъ Вышеградъ,
 Сѣла горюя, плача неушѣшно.

Плачь неушѣшной сеспра ея слышавъ,
 Въ теремъ ошнемъ, въ Любушиномъ слышавъ,
 Сшала Княжну шу просишь неосшшунно
 Въ градъ ея шольный славный сеймъ созваши,
 Бращевъ обѣихъ предъ сеймъ шотъ призваши,
 Ихъ разсудиши боговъ по закону.

Тущъ по приказу Любуши послали
 По Знашослава отъ Любицы бѣлой,
 Гдѣ сушь дубравы шѣнисшы, прохладны;

селеніи, въ градъ Вышеградъ, горюешь и жалуешься неушѣшно.

Когда ешо услышала ея родная сестра, родная сестра въ Любушиномъ дворцѣ, (шо) упросила (она) Княжну на утро въ Вышеградъ учредишь судъ для разобранія спора между ея бращьями, призвашь ихъ обѣихъ и разсудишь ихъ по закону.

Приказываешь Княжна ошпиравишь гонцовъ по Знашослава ошь Любицы бѣлой, гдѣ (растущъ) молодья рошцицы; по Люшобора

По Лушоборѣ съ Доброславска хлемна,
 Идѣже Орлицу Лабе пѣе;
 По Рашиборѣ ошѣ горѣ Креконоши,
 Идѣже Трушѣ погуби Санѣ души;
 По Радованѣ ошѣ камена моста;
 По Ярожирѣ ошѣ бредѣ въ лѣшо рѣчныхѣхъ;
 По Стрежиборѣ ошѣ Сазавы ладны;
 По Самородѣ се Мже среброносне ²³;
 По всѣ кмешн, Лѣси и владыкы;
 И по Хрудосѣ, и по Спаглаавѣ брашри,
 Розвадена о дѣдинѣ ошѣ.

Кда ся снеху Лѣси и владыкы
 у Вышеградѣ,
 Прокны шуни роженѣа дѣа свего,
 Шуни Кнѣжна въ блѣсшвуци ²⁴ ризѣ,
 Шуни на спола ошѣвъ въ славиѣ снемѣ.

Дѣвъ вѣгласнѣ ²⁵ дѣвъ выученѣ
 Вѣшьбамѣ
 У еднѣи су дески правдодашне,
 У вторѣи мечь кривды варайчи;
 Прошнѣвъ има пламень правдозвѣшенѣ ²⁶,
 И одѣ ²⁷ нима свашосудна вода ²⁸.

Почѣ Кнѣжна съ ошна, злаша спола:
 „Мои кмешн, Лѣси и владыкы!

съ Доброславскаго холма, гдѣ Ельба пѣшѣ Орлицу; по Рашибора ошѣ горѣ Креконошихѣ, гдѣ лющѣи Санѣ погубилѣ (злочашнаго) Труша; по Радована ошѣ каменнаго моста; по Ярожира ошѣ бродовѣ среди лѣша глубокихѣхъ; по Стрежибора ошѣ Сазавы красивой; по Саморода со Мжи среброносной; по всѣхѣ Ляховѣ, поселянѣ и домовладыкѣ, и по Хрудосѣ, и по Спаглава, брашьевѣ, соорѣащихѣа обѣ ошцовскомѣ наслѣдшѣмѣ.

Когда сошлись Лахи и домовладыкы, (сошлись) въ Выше-

По Лютобора съ холма Доброславска,
 Орлицу Лаба гдѣ пьешъ и не вынешъ;
 По Рашибора ошъ горѣ Креконошихъ,
 Труша злощасна сгубилъ гдѣ Санѣ люмый;
 По Радовава ошъ каменна мосша;
 По Ярожира ошъ бродовъ глубокихъ;
 По Спрежибора ошъ пышной Сазавы;
 По Саморода со Мжи среброносной;
 И по всѣ имеша, Ляхи и владыки;
 И по Спаглава, по Хрудоса, брашьевъ,
 Ссорашся коп обѣ ошнемъ наслѣдѣи.

Ляхи, владыки когда же сошлись всѣ,
 Въ златопресольный сошлись Вышеградъ всѣ,
 Каждый по роду свое занялъ мѣсто,
 Съла Княжна шувъ въ бѣлѣйшей одеждѣ,
 Съла на ошнѣи прешолъ въ славномъ сеймѣ.

Двѣ обучены вѣщанію дѣвы

.....
 Доски у дѣвы одной правдодашны,
 Мечь у другія, карающій кривду;
 Прошивъ ихъ пламень горитъ правдовѣщій,
 А передъ ними вода свяшосудна.

Съ огня, златоаго прешола Любуша
 Тако просшерла въ сейму славну речи:

градѣ, (и) каждый занялъ по роду свѣому мѣсто, съла Княжна
 въ бѣлѣющейсея одеждѣ, съла на ошцовской прешоль въ
 славномъ сеймѣ.

Двѣ мудрыя, обученныя провѣщанію дѣвы у одной
 (дѣвы) доски правдодашны, у другой мечь, карающій кривду;
 прошивъ ихъ (горитъ) пламень правдовѣщій, а передъ ними
 вода свяшосудная.

Начала Княжна съ ошцовскаго, золоаго прешола: „мои
 Б

Се братрома розрѣшите правду,
 Яже вадѣша ся о дѣднѣхъ,
 О дѣднѣхъ ошавъ между собу,
 По закону вѣковъжизныхъ боговъ ²⁹ :
 Будеша имъ оба въ едино власши,
 Чн ³⁰ ся роздѣлиша ровну мѣру.
 Мои кмещи, Лѣси и владыкы!
 Розрѣшите мое выповѣди ³¹ :
 Будеше ли у васъ по разуму,
 Не будеше ль ³² у васъ по разуму,
 Успавише има новы належь ³³ ,
 Кы бы смѣрилъ розвадена брашри.“

Кланѣху ся Лѣси и владыкы,
 И почеху шихо говориши,
 Говориши шихо между собу,
 И хвалиши выповѣди ея.

Веша Лушоборѣ съ Доброславска хлемна,
 Яся ³⁴ шако слово говориши :
 „Славна Кнѣжно! съ ошна, злаша спола
 Выповѣди швое розмыслехомъ ;
 Себерѣ гласы по народу свему.“

И себрасѣ гласы дѣвѣ суднѣхъ,
 И ³⁶ сберасѣ и о судѣ ³⁷ свашѣхъ,
 И дасѣ и Лѣхомъ проволаши ³⁸ .

Ляхи, поселяне и домовладыкы! се сотворише правый судъ
 двумъ брашьямъ, кои сооряшя о наслѣдствѣ, о наслѣдствѣ
 ошцовскомъ между собою; (а сотворише) по закону вѣковъжиз-
 ныхъ боговъ: оба ли вмѣстѣ владѣюшъ, или раздѣлишя порав-
 ну? Мои Ляхи, поселяне и домовладыкы! исполнише мои пове-
 ленія: по мыслѣ ли вамъ будешъ, не по мыслѣ ли (соизволяете
 ли вы, не соизволяете ли)? успавише для нихъ новой законъ,
 которой бы примирилъ соорящихся брашьевъ.“

„Вы, мои кмети, Ляхи и владыки!
 Се сошворише правый судъ двумъ братьямъ,
 Кои обѣ ошнемъ ссоряшся наслѣдѣ;
 А сошворише боговъ по закону,
 Вѣчныхъ, безмерныхъ, милующихъ правду:
 Вмѣстѣ ль владѣюшъ имѣнемъ два брата,
 Или по часши раздѣляшъ, по равной.
 Вы, мои кмети, Ляхи и владыки,
 Вы ушвердише мой судъ, приговоръ сей;
 Правенъ ли будешъ онъ вамъ, или не правенъ,
 Новый уставъше для двухъ законъ братьевъ,
 Кой примирялъ бы вражду несогласныхъ.“

Кланялись кмети, Ляхи и владыки,
 Почали шихо вѣчашъ межъ собою,
 Почали мудры хвалишъ Княжны речи.

Тутъ Люшоборъ всшалъ съ холма Доброславска,
 Язнулся шако слово говориши:
 „Злашопреснольна ³⁵ Княжна, пресловуша!
 Речь швою мудру мы уразумѣли;
 Гласы народа повели собраши.“

Собрали гласы въ ковчежецѣ священный,
 Собрали дѣвы судны, непорочны,
 Дали шѣ гласы Ляхамъ возгласиши.

Кланялись Ляхи и домовладыки, и начали шихо говорить,
 говоришъ шихо между собою, и хвалишъ ея поведеніа.

Всшалъ Люшоборъ ошъ Доброславскаго холма, (и) шакъ
 началъ говоришъ слово: „славная Княжна! съ ошцовскаго, зо-
 лошатаго пресшала поведеніа швой (мы) выразумѣли, собери
 голоса народныя.

И голоса собрали судныя дѣвы, а собрали ихъ въ свяшой
 сосудъ, и даи ихъ Ляхамъ провричашъ.

Всша Радованъ ошъ камена мосша,
 Яся гласы челемъ преглбдаши,
 И вбчину ³⁹ проволаси въ народъ,
 Въ народъ къ росуженью на снемъ сборенъ.

„Оба родна брашри Кленовича,
 Рода сшара, вшвы Попелова,
 Ъже приде съ плекы Чеховымъ,
 Ъже жирне власши пресшри реки,
 Смериша ся шако о дбдшиъ:
 Будеша нмъ оба въ едно власши.“

Всшану Хрудосъ ошъ Олавы кривы,
 Злей ся ему розли по ушробъ,
 Трасеху ся душосшью вси уди,
 Махну руку и зарвѣ ярымъ шуремъ:
 „Горе пшенцемъ, къ нимже змѣ въ пори!
 Горе мужемъ, имже жена владъ!
 Мужу власши мужемъ заодно ⁴⁰;
 Превенцу дбдину даши правда.“

Сша Лубуша съ отна, злаша сшола,
 Вбче: „кмети, Лбси и владыкы!
 Слшесште здѣ поганенье ⁴¹ мое;
 Судше сами по закону правду.
 У не буду вамъ судши свади; .

Всшаль Радованъ ошъ каменнаго мосша, взялся число
 голосовъ переглядѣть (пересчитать), и рѣшенъе провочашъ
 въ народъ, въ народъ, собранный на сеймъ для разсужденъя.

„Оба родные брашья, Кленовича, рода сшараго, вшвы
 Попеловы, кошорой пришелъ съ Чешскими полками, кошорой
 простеръ сильной власши речи, шакъ да примирялся о наслѣд-
 ствѣ: да владѣють оба вмѣстѣ!“

Всшаль Хрудосъ ошъ Олавы излучисшой; злоба разлилась

Вспалъ Радованъ шумъ отъ каменна моста,
 Язнулся гласовъ число преглядѣши,
 Судъ, приговоръ шумъ въ народѣ возгласиши.

„Оба родные брата Кленовца,
 Старого рода, вѣвши Попеловы,
 Кой, пришедъ въ край сей съ Чешскими полками,
 Всюду простеръ въ немъ власть свою и силу,
 Такъ межъ собою, шакъ да примирялся:
 Ошнимъ наследьемъ да владѣюшъ вкупѣ!“

Тумъ воспалъ люшый Хрудосъ отъ Олавы,
 Злашо влещущей въ непрямомъ печеньи,
 Злоба сверкала въ очахъ его гнѣвныхъ,
 Всѣ препешали отъ люшости члены,
 Туромъ свирѣпымъ взревѣлъ онъ въ народу:
 „Горе пшэнцамъ шѣмъ, змѣя въ норѣ коихъ!
 Горе мужамъ шѣмъ, жена чшо владѣшъ!
 Мужу мужами владѣшъ подобашъ;
 Даши наследье первенцу ешь правда!“

Вспала Любуша съ ошня, злаша стола,
 Вспала вѣчая: „Ляхи и владыки!
 Слышали здѣсь вы мое поруганье;
 Сами судише правду по закону.
 Больше не буду судишъ вашихъ распрей;

у него по ушробѣ, отъ люшости шряслась всѣ члены, махнулъ рукой и заревель свирѣпымъ шумомъ: „горе пшэнцамъ, у кошорыхъ змѣя въ норѣ! горе мужамъ, кошорыми жена владѣшъ! надъ мужами мужу властвовашъ подобашъ; наследство ошдашъ старшему сыну (вотъ) судъ правой!“

Вспала Любуша съ ошцовскаго, золоташаго престола, вѣщала: „Ляхи, поселане и домовладыки! (вы) слышали здѣсь мое безчестіе; судише сами по закону правду. (Я) ужъ не буду су

Больше ⁴² мужа между собою равна,
 Кы бы владѣл вамъ по желѣзу;
 Дѣвѣ рука на вы къ владѣ слаба.“

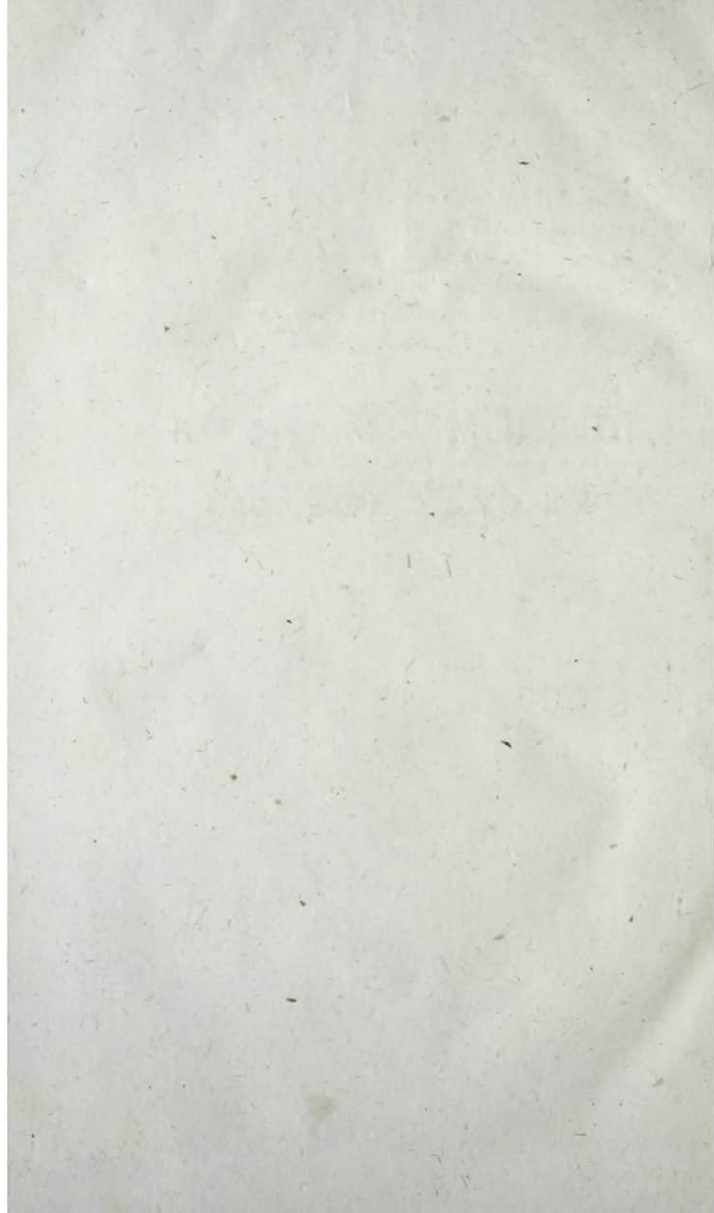
Всѣа Рашиборѣ отъ горѣ Креконоши,
 Яся шако слово говориши:
 „Не хвально намъ въ Нѣмцѣхъ искаши правду;
 У насъ правда по закону свашу,
 Юже принесеху отци наши
 Всеже ⁴³“

дишь вашихъ распрей; изберише изреды себя равнаго (вамъ)
 мужа, кошорой бы владѣл вами съ мечемъ (въ рукѣ); дѣвы ру-
 ка безильна владычествовашъ надъ вами.“

Гавна себѣ вы мужа пзберише,
 Кой бы въ десницѣ съ мечемъ вами правилъ;
 Дѣвы безсильна рука вами правишь.“

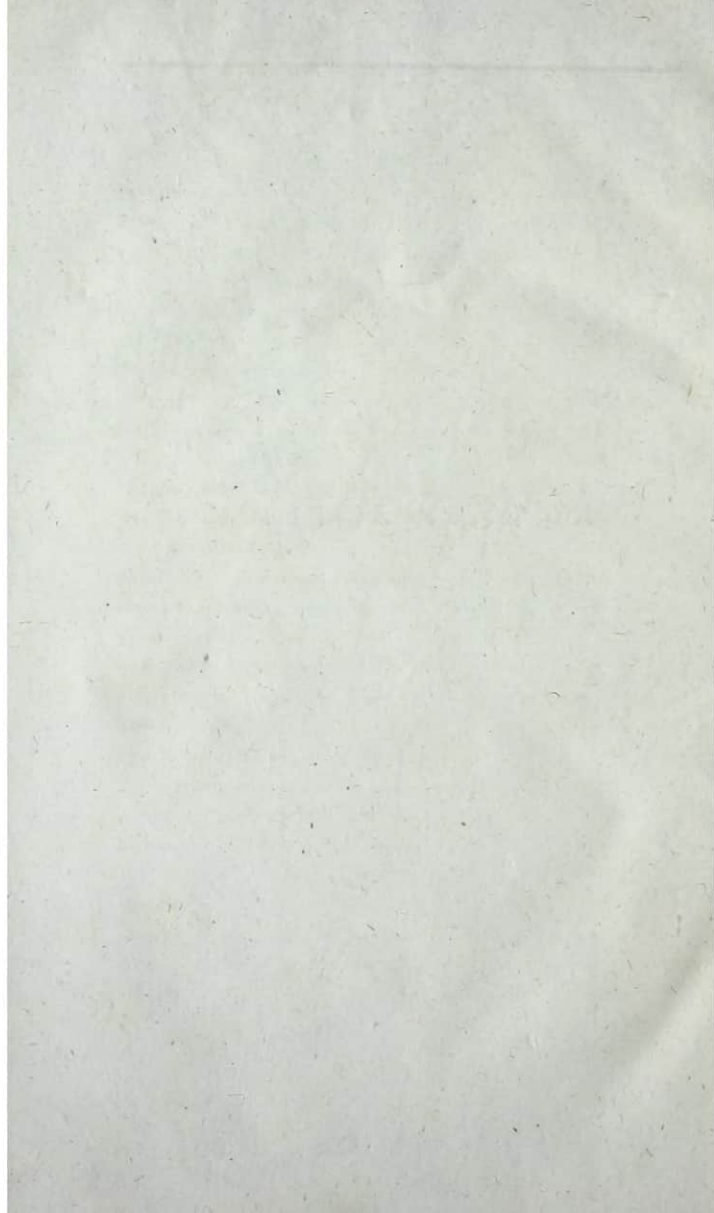
Вспалъ Рашиборъ шумѣ ошѣ горѣ Креконошихѣ,
 Язнулся шако слово говориши:
 „Правду искаши не хвально намъ въ Пѣмцахѣ;
 Ешь у насъ правда боговъ по закону,
 Кою въ край здѣшній принесли съ собою
 Прадѣды наши“

Вспалъ Рашиборъ ошѣ горѣ Креконошихѣ (и) началъ
 шакъ говоришь слово: „не похвально намъ искашь суда у Нѣм-
 цовѣ; у насъ ешь (свой) судъ по (нашему) святому закону;
 (судъ), кошорой принесли ошцы наши въ сей край“

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ СУДУ ЛЮБУШИ.

(1) Таки изображаютъ ихъ современные Византійскіе исшорники (Изв. Виз. Исш. I, 14, 15) и самый Несшоръ, Слѣвянинъ (Несш. Библи. Рос. стр. 12); *кому вѣрить: имъ или Г. Раковецкому?*

(2) *Гдѣ памятники сего усовершенствованнаго языка? не уже ли отрывокъ о судѣ Любуши? но онъ писанъ Лащницкими буквами, и языкъ его нимаю не древнѣе языка Краледворской Рукописи, о кошорой самъ ученый Добровскій говоритъ, что она есть произведеіе XIII или XIV вѣка.*

Г. Раковецкій въ своихъ же пышныхъ выраженіяхъ говоритъ объ языкѣ Слова о полку Игоревомъ (Изв. Рос. Акад. IX, 67): „въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ найденныхъ ошашкахъ древнихъ, Чешскихъ повѣстей (ш. е. въ Краледворской Рукописи и отрывкѣ о судѣ Любуши, о языкѣ коихъ я не могу судить; но еслии онъ въ самомъ дѣлѣ такъ совершенъ, какъ считаешь его Г. Раковецкій, то сіе совершенство и заставляешь подозрѣвать, что повѣсти сіи не слишкомъ древни) видѣвъ необыкновенную красоту, мыслей, живость изображенія, пріятность разсказа и чрезвычайную силу выраженій; что все доказываетъ, какъ степень образованія и совершенства языка древнихъ Слѣвян (ешо все доказываетъ степень поэтическаго дарованія автора Слова о полку Игоревомъ, а не образованія и совершенства языка древнихъ Слѣвян; о первомъ я ни слова, но о послѣднемъ: ешо такая напыщенная гиперболъ, какой не найдешь въ самой поэмѣ его; авторъ не зналъ Грамматики, а Г. Раковецкій предшавляетъ его въ примѣръ совершенства языка), такъ и то, что имъ

весьма давно было известно искусство письма (съ 865 года, въ пошоромъ безсмертные братья, Меодій и Константинъ изобрели Славенскую азбуку, Ист. гос. Рос. I, сшр. 110. ч. 261).⁴

(5) И шавъ ученые шруды Сшрубе и Карамзина остались щещны; ихъ надобно бросишь, а чишашъ и перечишывашъ Русскую Правду Г. Раковецкаго. Впрочемъ Г. Раковецкій, не шуя желашъ, *чтобъ новыя Карамзинны основательны и сообразны съ духомъ древнихъ Славянъ написали исторію своего народа* (Изв. Рос. Акад. IX, 78); да напрасно за шрудъ сей онъ самъ не возмешся; чишатели уже знаюшъ какой должно ожидашь Ишоріи.

(4) Впрочемъ парадоксы сіи принадлежатъ Г. Юнгману (см. ниже); а Г. Раковецкій шолько *распространилъ ихъ*.

(5) Въ Извѣстіяхъ Россійской Академіи (и. IX) ошрывокъ сей перепечашъ шбми же буквами, ш. е. Лашинскими; почему жъ не Русскими? ешь чишатели, не знающіе шносшранныхъ языковъ (да и знающіе не скоро привыкнушъ); а они, можешъ бышь, любопытны и не менѣе другихъ чишашъ подлинникъ.

(6) А не *Королевы*, какъ названа она въ Изв. Рос. Акад. IX, 47; ешо будешъ шаккой же анахронизмъ, какъ бы кто назвалъ нашихъ Великихъ Князей Царями, а Царей Императорами, шбмъ паче, что ешо ешь единшвенный примѣръ между Славянами, чтобъ дѣвица правила народомъ. Въ Русской и Сербской исторіи ешь примѣры женскаго правленія (Ист. гос. Рос. I, сшр. 78); но правительницы были вдовы.

(7) „Чишая описанія Азіи, увидѣлъ я (ешо пишешъ Г. Юнгманъ, Изв. Рос. Акад. IX, 48), что языкъ Славенскій имѣешъ весьма близкое сходство съ Индійскимъ. Въ семъ мѣстѣи ушвердило меня еще болѣе путешешствіе и повѣствованіе *нѣкоего Чеха Брезовскаго*.

Онъ даже въ провинціи Кашмиръ (и не въ Кашмирѣ, а въ провинціи) разумѣлъ разговаривавшихъ съ нимъ Индѣйцовъ, кошорые шаркали и его удобно понимали. Все, чинанное мною на языкѣ Самскрипскомъ (не на семъ ли языкѣ писаны и описанія Азии, о коихъ говоришь Г. Юнгманъ? въ шакомъ случаѣ онъ бы прежде сообщалъ ихъ ученому свѣду, доказалъ *весьмъ близкое сходство* Славенскаго языка съ Индѣйскимъ, и тогда смѣло утверждалъ, что Славяне выходцы изъ Индіи, а до ихъ поръ не лучше ли бы *поскромничать?*), совершенно подтверждаетъ истину повѣствуемаго симъ путешественникомъ.“

(8) Ешо безъ сомнѣнія слова закона, по кошорому сеймъ и присудилъ Хрудосу и Статлаву владѣшь вмѣстѣ ошцовскимъ наслѣдствомъ.

(9) *Снемъ*, сходъ, сеймъ; не понимаю отъ чего А. С. Шншковъ сеймъ называетъ *суемомъ* (Изв. Рос. Акад. VIII, 58, IX, 49), шакова слова, кажешся, нѣтъ. *Сеймъ*, вѣроятно, испорчено изъ *снемъ*, кошорое слово встрѣчаешся и въ лѣтописяхъ (въ лѣто 6714 совокоупишася Олговичи вси въ Черниговъ на *снемъ*, лѣт. съ Воскр. сп. II, 141), и происходишь отъ гл. *снетися*, или *снятися*, сходиться, збираться.

(10) Сія Лѣха суть тѣ же, что въ нашихъ лѣтописяхъ *Ляхи*, ш. е. Поляки; но сія послѣдніе въ Краледворской Рукописи называются *Поляне* или (Несшорově) *Поляне*:

За мну, за мну (за мной) храбро на Подани,
На Подани, врги нашихъ земли!

слѣдственно отъ Вислы до Двѣпра первоначально обитали одни Поляне, самое миролюбивое и благонравное Славенское племя (Несш. Библ. Рос. стр. 12); на Вислѣ поддались они Ляхамъ (*а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне*, Несш. лѣт. по Воскр. сп. I, 61), на

Дѣлврѣ ошомѣ Варягамѣ. Ляхи же были жишелн Чехи, или нынѣшніе Богемцы, пришедецы въ оной (что сказааш Песторѣ о Полянахѣ, шо же самое можно сказашь и о Ляхахѣ: *а отѣ тѣхѣ Чеховѣ прозвашиа Ляхи*); шакимѣ образомѣ слѣдующіе два сшиха:

Бже (Попель) прїиде съ плебы Чеховыми,
Всеже жирне власши престри реки.

дѣлающа совершенно понятны, шакже и шо, что Чешская Нянжа называешъ Ляховъ: *лѣи Лѣси*.

(11) *Влтава*, или *Волтава*, нынѣ Молдава, рѣка, на кошорой стоишъ Прага, емолица Богеміи; Вышеградѣ не ешъ ли древнее имя Праги? Я не имѣю книгѣ, гдѣ бы обѣ ешомѣ справишься.

(12) Въ Изв. Рос. Акад. IX, 50, оба слова напечатаны вмѣстѣ; но я думаю, что ешо два разныя слова: *се*, или нарѣчіе, или, что върояшнѣе, со всѣмъ лишняя частвица; *сипавоши*, дѣеприч. гл. *сипѣти*, шнпѣшь (ошѣ ешого *сипѣ*, сирѣла, что леша шипишъ или свисшишъ, см. Крал. Рукоп.).

(13) *Бже*, шо же, что церковное *иже*, кошорой.

(14) Не смошря на видимую разность между словами: *полѣ* и *плѣ*, ешо ешъ одно слово: *плѣ*; Славяне-Русь для смягченія выговора вмѣшили между согласными: *п*, *л* гласную *о*; Славяне-Чехи для того же самага вмѣшили между согласными: *л* *к* гласную *е*; шакѣ *слице*, порусски *солнце*, а почешки *слунце*.

(15) Здѣсь слово *жирный* упошреблено въ шомѣ же значеніи, въ какомѣ и въ Словѣ о полку Игоревомѣ: „печаль *жирна* шече средь земли Русьскыя;“ мнѣ самому случилось слышашъ ошѣ прешолоудиновѣ: нынѣшній годѣ вода *жирна* была, ш. е. велика.

(16) А. С. Шишковѣ переводишъ сей сшихъ: „сюда спальной власши прештерѣ *рѣки*;“ но *реки* (въ един. чис.

река) вбрюшно происходишь отъ *речи*, и значишь *речи*, а не *рѣки*. *Простерть речи*, или *власти* сказашь можно и поняшно; но *простерть рѣки власти* и сказашь не лъзя, и непояшно.

(17) А. С. Шишковъ оставилъ безъ перевода *дружина властовица*; но въ пр. 12 говоришь, что ешо значишь *дружина ласочекѣ, разумѣя подѣ симѣ сборище Князей и народовѣ, пришедшихѣ спорить еѣ Любушей о Княжеской власти*; но съ ней никакъ не думалъ споришь, одинъ люшый Хрудосъ изъявилъ негодование, да и шо на сеймѣ, кошорой еше не былъ собранъ. *Дружной властовицей*, ш. е. домовишой (еписешь, придаваемой Державинымъ) ласочкой авторъ мешафорически называешь сестру Хрудоса и Шаглава, кошорая, вида непримириую вражду своихъ брашьевъ, прибыла въ Вышеградъ къ общей ихъ другой сестрѣ, бывшей въ милосши у Княжны, просишь о прекращеніи шой вражды между ея брашьями.

(18) Здѣсь послѣдовалъ я мнѣнію А. С. Шишкова, что *рожабзило* происходишь отъ *желѣза*, и шо же, что *разжелѣзенное*, ш. е. съ желѣзной рѣшонкой, или балочникомъ.

(19) А. С. Шишковъ переводишь: „въ Любушиномъ, ошцовскомъ, злашомъ *сѣдлѣ*“; но *sedle, selb* или *селениц*; Чешскіе Славяне передѣ л прибавляюшь *д*, на пр: *sedlak, sedlsky, modliti se, umdly*, селянинъ, сельскій, молинися, умильный; отъ ешого же происходишь новое, Русское слово, взяное изъ Польскаго языка: *осѣдласть*, совершенно шо же, что *поселение*; но всякой, не знавши ешого, произведешь его отъ *сѣдла*, а не отъ *села*.

(20) Ласковое слово; но у насъ говоришь о лицѣ, а не о вещи: *сѣмѣ мой*, любезной мой.

(21) *Попража*, отъ *пра*, распря, споръ.

(22) А. С. Шишковъ переводишь: „гдѣ сумъ дубра-

в. , шо же, чшо *юне*, юныя; шавъ въ
спас. насъ сіе слово: „люше бо граду
шомъ нязь *унѣ*, любай вино пиши (Несш.
Несш. гос. пр 7) плачешся маши по *уноши*,
Князи Росшиславѣ (С . . о пол. Иг.).“

(23) Здѣсь А. С. Шишковъ говоритъ, что онъ сіе
выраженіе оставилъ безъ перевода; пошому чшо
смыслъ онаго истолковашъ весьма шрудно (напрощивъ
весьма легко); однакожъ шолкуешъ, что *се* *Мже* зна-
в: *сѣ* *межи*, сѣ границы. Здѣсь: *Олава*, *Радужа*, *Лу-*
Орлица, *Лаба* (*Ельба* въ Германіи), *Санѣ* (или *Ситѣ*,
азываешся въ нашихъ лѣшописяхъ, въ Галиціи;
дешвенно шамъ же должно искашъ п *Креконошисхѣ*
горѣ), *Сазава*, *Мжа* сущь имена рѣвъ; енишешы: *излучи-*
стия, *хладная*, *бѣлая*, *златоносная* или *среброносная*,
кажешся, ясно означающъ рѣви.

(24) Такъ въ Краледворской Рукописи:

Власи златошсвуци вѣю;

ш. е. какъ бы *златящіяся* власы; но А. С. Шишковъ
(хоща онъ же переводишь Краледвор. Рукоп.) пзвѣсн-
ешъ, что *vele s' svici* (шавъ напечатано въ Изв. Рос. Акад.)
сущь два разныя слова, п *свуци* значишь *сущій*.

(25) *Вѣгласны*, свѣдущій, мудрый (шо же, чшо въ
Сл. о пол. Иг. *вѣщій*) онъ *вѣгласъ*, свѣденіе, благора-
зуміе:

Богъ ши да вѣгласи въ буйну главу (Крал. Рук.).

у Несшора встрѣчаешся *невѣгласъ*, невѣжа, неучъ, про-
снѣив: „бяху бо людіе поганіи п *невѣгласи* егоже
(мѣсяца) *невѣгласи* глаголюшь свѣдаему суцу (лѣш. по
Воскр. сп. I, 81, 192).“

(26) А. С. Шишковъ оставилъ безъ перевода прил.
правдошвѣстный, онъ *швѣстную*, швѣщаю (шавъ: *бла-*
говѣстную, благошвѣцу); но въ нашемъ языкѣ *швѣстный*
шорѣ можно произвешти онъ *извѣстный*; ишо жѣ пош-

мѣтъ выраженіе: *пламень извѣст*
велъ *правдовѣцій*; поелику у
вѣцій, зловѣцій, благовѣщу.

(27) Въ Изв. Рос. Акад.
вмѣстѣ; но *одѣ* предлогѣ, и, я
прѣдѣ или *предѣ*:

За мноу прѣдѣ столець Матери

(28) Здѣсь речь, вѣжешся, обѣ ис
и водою, или раскаленнымъ желѣзомъ и в.
кошорыхъ упоминается и въ Русской Правдѣ
гос. Рос. II, стр. 62); вѣроятно, что на самомъ сеймѣ
рѣшались такимъ образомъ шажбы. Теперь кто у кого
перенялъ сіе обыкновеніе нечистое и варварское: Гошы у
Славянъ, или Славяне у Гошовъ? послѣднее гораздо вѣ-
роятнѣе; поелику обыкновеніе сіе у Славянъ находимъ
погда шолько, когда они сдѣлались постоянными со-
сѣдами Гошовъ, у кошорыхъ напротивъ оно искони
было во всеобщемъ употребленіи. Опять кто у кого пе-
ренялъ Руны: Гошы у Славянъ, или Славяне у Гошовъ?
Славяне; во сіе не подлежаще уже никакому сомнѣнію.
Обыкновенію народѣ невѣжественнѣйшій перенимаесть у
народа образованнѣйшаго; а Гошы были образованнѣе
Славянъ. Націонизмъ въ исторіи есть нарушение пер-
ваго правила оной, истины.

И. М. Карамзинъ пишетъ въ своей исторіи, что
Христіанскіе пастыри шоржественно освящали желѣ-
зо и воду для испышанія добродѣтели или злодѣйства;
здѣсь также говорится о водѣ *святосудной*; сдѣшвен-
но обыкновеніе сіе было остаткомъ языческава.

(29) Здѣсь Г. Профессоръ Юнгманъ замѣчаесть,
что судопроизводство у Славянъ было одинакое съ
Индѣйцами, что оба народа судили по закону вѣко-
вѣчныхъ боговъ (ш. е. *по совѣсти, по справедливости*;
а не то, чтобы у нихъ были законы, преданные сами-

по сходнаго примѣчается
шдаленными и совершенно
а здѣсь еще весьма неболь-
врожденное чувство спра-
хъ: челоуѣвъ родиша сѣ
о время Троянской войны
ш. гос. Рос. II, пр. 68), шак-
Гевшонскаго племени; но лѣзя
сей законъ или обычай переняли
хъ? Одно и то же обстоятельство
до сего обычая шѣхъ и другихъ.

(50) Здѣсь *чи* значить или, и Польское *чили* безъ сомнѣнiя произошло отъ Чешскаго *чи*; но въ Сл. о пѣл. Иг. и въ нашихъ лѣтописяхъ *чи* значить *развѣ*, а между шѣмъ ешо одно слово.

(51) То же, что *заповѣди*, ш. е. повелѣнiя, а не *изреченiя*, *приговоры*, какъ извѣстятъ А. С. Шникоу.

(52) Въ Изв. Рос. Акад. IX, 54, напечатано *Nebutel*; но 1) въ ешихъ не досаеишь слога; 2) шакова слова нѣтъ; слѣдственно ешо явная описка въдѣмо: *не будете ль*.

(53) *Належь*, уложенiе, законъ; мы говоримъ *уложить*, а Чехи говорятъ *належить*.

(54) *Яся*, или *язнулся* (пр. вр. гл. *емлюся*), взялся; я осмѣлился употребить сiе простонародное слово для показанiя, какъ и нынѣ простонародной языкъ близокъ въ Славенскому; но признаюсь, когда я въ первой разѣ услышалъ *язнулся*, шо я не могъ понять.

(55) Епишетъ, придаваемый Гомеромъ Юноу:

Златопрестольна съ нимъ Юнона возлегла (Коспр.). я придааъ его Любушѣ и Вышеграду по шому, что сей градъ былъ златый престолъ ея или ешолнца; но *златый престолъ* сказашь можно, а *златая столица* не лѣзя.

(56) Въ Изв. Рос. Акад. и *вѣшѣ*; что такъ спаешѣ слога въ стихѣ, и пошому я осмѣян прибавишь.

(57) Въ Изв. Рос. Акад. оба слова напе вмѣстѣ; но о предлогѣ; въ старину и у насъ или судно называли *судѣ*: „да бѣшѣ челомѣ о (посудѣ), что еси присладе въ 71 г. кошлы, и с роды, и блюды, и брашины (Ист. гос. Рос. Г. 149).“

(58) *Проволати*, проволочишь, *ошѣ волю*, *во ланіе*, воплеенье, вопль; такъ въ Крад. . . .

Слише страже волаіе пастуснао . . .

Взѣ гору, брашри, взѣ гору вола Внеславъ.

не смотря на шо А. С. Шишковѣ производишь *проволати* ошѣ *воля*.

(59) *Вѣчина*, шо же, что *вѣче* (она увел. оконч.), рѣшеніе, опредѣленіе, учивенное на вѣче или сеймѣ.

(40) Здѣсь олъшь не доспаешѣ слога, и пришомѣ слова *заподно* мѣв нигдѣ не встрѣчалось; и пошому, я думаю, должно чпшашѣ *заподбно*, подобаешѣ.

(41) *Лашу* просшолюдныи и выѣв говорашѣ: *поганить*, *опоганить*, загадишь, осквернишь.

(42) *Ошѣ волю*; въ нашемъ языкѣ осшамсь производныя: *поволить*, *изволить*; но корень *волить* погибѣ.

(45) Послѣдніе чешыре стиха въ Изв. Рос. Акад. напечашаны курсивомѣ; на семѣ шо *выпучемѣ песку* Г. Юнгманѣ и Раковецкій основали свою *кралину*, мѣвнѣе, что Славяне принесли съ собою (ошкуда? изв Индїи; ешого прямо они не осмѣнлись сказашь, а намѣкашѣ весьма ясно) законы; но они показаи шолью свое лезнаніе въ Славенскомѣ языкѣ (Г. Юнгману просшительшо, ошѣ Нѣмецѣ; а Г. Раковецкій Славеннѣ): *юже* ешѣ мѣшном. жен. рода и ошносшсея въ сущ. *правда*, кошорая, какъ здѣсь, такъ и выше, значншѣ *судѣ*; а

или въ смыслѣ закона (но сей такъ и
я законѣ), вѣроятно по тому, что Яро-
лга законѣ названа *Русская Правда* (пошо-
А. С. Шишковъ слово *правда* принялъ въ
она, Изв. Рос. Акад. IX, 49), ш. е. Рус-
разумѣея *правый*, отъ чего *правда*, даже
ребляея въ смыслѣ суда: *нынѣ въ судахъ*
ш. е. праваго суда; самъ Н. М. Карам-
изясняея сие слово: „на зиму ходи
Новгородскій къ Андрееви (Бого-
рю (въ Володиміръ) на всю правду
(или *решит*...), Ист. гос. Рос. III, пр. 12),
или *Судебникъ*“; какъ называея Іоаннова книга зако-
новъ. Еще прибавимъ: изъ ошрывка сего видно, что
у Славявъ искони всѣ дѣши наслѣдовали имѣнне
послѣ ошца, а у Нѣмцовъ одинъ старшій сынъ; и по-
шому Рашиборъ на слова Хрудоса, что *по суду* (но по
какому? *по Нѣмецкому*) наслѣдство должно ошдашь
первенцу, говоривъ: *не похвально намѣ искать суда у*
Нѣмцовъ; у насѣ есть свой судѣ, которой приехали съ со-
бою наши отцы (ошнуда? вѣроятно изъ *Даніи* или съ
Дунай); но судѣ, а не законѣ, и ешо еще не показы-
ваея большой степени просвѣщенія; пошому что
судѣ ея и у дикихъ Американцовъ.

